

Ойкумена
БЛИЖНЕГО СЕВЕРА
РОССИИ

НАУЧНАЯ ПОДДЕРЖКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Институт географии Российской академии наук
Отдел социально-экономической географии
Отдел физической географии и проблем природопользования

**Институт проблем экологии и эволюции
имени А.Н.Северцова Российской академии наук**
Лаборатория поведения и поведенческой экологии млекопитающих

Институт социологии Российской академии наук
Группа исследования мультикультурного потребления

**Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»**
Кафедра общей социологии

Российский фонд фундаментальных исследований

**Региональная общественная организация
«Сообщество профессиональных социологов»**

Угорский проект

Литературное агентство «Университетская книга»

Ойкумена

БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Общая редакция и составление

Н.Е. Покровского
*Национальный исследовательский
университет "Высшая школа экономики"*

Т.Г. Нефедовой
*Институт географии
Российской академии наук*

*«Университетская книга»
Москва • 2016*

УДК 908
ББК 26.891
О48

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012–2018 годы)»

Издание подготовлено по материалам исследований, поддержанных
Российским фондом фундаментальных исследований: 15-06-08421
«Природные и социальные факторы современных трансформационных
процессов в сельских районах Ближнего Севера России (комплексный
междисциплинарный анализ)» и 13-06-00893 «Социально-экологические
факторы устойчивого развития Ближнего Севера России»

О48 Ойкумена Ближнего Севера России: коллективная монография /
К.В. Аверкиева, Л.М. Баскин, А.В. Дроздов, С.Т. Жуков, В.А. Зайцев,
Т.Г. Нефедова, Н.Е. Покровский, Е.С. Преображенская, А.И. Трей-
виш / общая ред. и сост. Н.Е. Покровский и Т.Г. Нефедова. – М.: Уни-
верситетская книга, 2016 г., 264 с., ил.

ISBN 978-5-98699-169-6

Ближний Север России охватывает огромную территорию к северу от Мо-
сквы и окружающих ее крупных промышленных и культурных центров. Он
представляет собой особый мир российской провинции, в не столь отдален-
ном прошлом сыгравший большую роль в истории нашей страны, а сегодня
утративший значительную часть своего экономического потенциала и наро-
донаселения. Кризис здесь стал своего рода хронической болезнью. И тем
не менее Ближний Север сохраняет свою жизнестойкость, особый склад ха-
рактера жителей, красоты природы и памятники культуры. Раскрывая эти
и другие характерные черты нашей родной северной земли, авторы осно-
вываются не только на своих живых, интересных и во многом уникальных
наблюдениях, но и на базе богатейшего научного материала, собранного
в рамках Угорского проекта в 2000–2015 гг.

Для краеведов, исследователей новейшей истории, социальных и культур-
ных процессов, происходящих в современной России, географов. Представ-
ляет интерес для широкого круга читателей.

УДК 908
ББК 26.891

ISBN 978-5-98699-169-6

© Общая ред. и сост. Покровский Н.Е.,
Нефедова Т.Г., 2016
© Коллектив авторов, указанных
на выходном листе, 2016
© Университетская книга, 2016
© Сообщество профессиональных
социологов, 2016

При оформлении книги использованы фотографии К.В. Аверкиевой,
В.А. Зайцева, В.Н. Иванова, Т.Г. Нефедовой, Н.Е. Покровского

Оглавление

Оглавление	5
Введение	7
Глава 1. Костромская область как часть Ближнего Севера и модель России в миниатюре	14
Глава 2. Дорога на Ближний Север – неближний путь	17
Дорога.....	17
Новые стандарты и старые песни.....	20
Приехали!.....	22
Контрасты.....	27
Специфика местного сервиса.....	30
Крестьянские истории.....	33
Дачники.....	35
Бажино.....	39
Церковь Воскресения.....	40
Барский колодец.....	42
Помещичий дом. Дверь Татьяны Лариной.....	45
Глава 3. Магия северной природы	47
Тажные ландшафты.....	47
Животный мир Костромской земли.....	51
Птицы зимнего леса.....	51
Зимняя жизнь зверей.....	61
Следопыты по чернотропу.....	63
Наиболее заметные виды зверей и птиц.....	64
Заповедник «Кологривский лес» и Таежная биостанция.....	79
Глава 4. Старые и новые города	85
Города Ближнего Севера.....	85
Города Костромской области.....	90
Мантурово.....	93
Макарьев.....	98
Шарья.....	103
Галич.....	107
Солигалич.....	112
Нерехта.....	118
Буй.....	124
Поселок Красное-на-Волге.....	129
Глава 5. Костромская деревня	137
Сельская местность Костромской области.....	137
Лесная периферия. Мантуровский район.....	143
История сельского поселения на периферии.....	150
На краю Ойкумены. Вохомский район.....	156
Новый бизнес и лохматые коровы.....	163
Расцвет и упадок льняной славы Костромы.....	167

Глава 6. Преобразование ландшафтов. Эколого-культурные феномены	174
Сто лет перемен. Путешествие долиной Унжи.....	174
Феномен антиэкологической индустриализации.....	177
Феномен варварского лесопользования.....	180
Заключение. Quo vadis?.....	189
Глава 7. Люди Ближнего Севера	191
Деревенская «деревянная культура» Ближнего Севера.....	191
Деревня и ее обитатели.....	197
Валерий Константинович Смирнов.....	206
Кто приезжает в деревню: новые фермеры.....	210
В деревню за вдохновением.....	214
Глава 8. Советы и рецепты	217
Покупка и ремонт деревенского дома.....	221
Дом в деревне.....	221
I. Действительность	222
Транспортная доступность.....	222
Дом.....	224
Стены.....	225
Фундамент.....	226
Крыша.....	222
Полы.....	229
Потолки.....	230
Окна и двери.....	231
Печи.....	231
Баня.....	233
Туалет.....	234
Другие постройки.....	234
Электричество, телефонная связь, водоснабжение, снабжение продуктами питания, дрова.....	234
II. Будьте внимательны!	235
III. Что делать?	238
Крыша.....	239
Фундамент.....	242
Стены.....	246
Окна и двери.....	247
Полы и потолки.....	248
Электричество.....	249
Печи.....	252
Водопровод и слив.....	253
Туалет.....	255
Баня.....	256
Дрова.....	257
Инструменты.....	257
Рецепты из печи.....	217
Сушка грибов и ягод в русской печке.....	218
Тыквенник.....	218
Крупеник.....	219
Щи из квашеной капусты с грибами.....	219
Жульен из курицы.....	220
Пирог из черники.....	220
Заключение. Зимний путь	261

Введение

К Ближнему Северу относится обширная территория Северного Нечерноземья, характеризующаяся в прошлом не очень плотным земледельческим освоением, а ныне в значительной части подверженная запустению. Именно земледельческое освоение еще в досоветское время и созданное там советское индустриальное сельское хозяйство отличают Ближний Север от Дальнего, где освоение опиралось на использование полезных ископаемых и лесных ресурсов. Южную границу Русского Севера обычно выделяют по характеру культурного ландшафта, традиционной северной архитектуры и отчасти по ареалу распространения северорусского наречия. Таким образом, Ближний Север включает Новгородскую, Вологодскую, Костромскую и Кировскую области, а также юг Карелии и Архангельской области, восток Ленинградской, север Тверской, Ярославской и Нижегородской областей.

Специфика Ближнего Севера в том, что он находится на стыке внешней северной периферии Европейской России и староосвоенной зоны Нечерноземья с ее сильными контрастами между центрами, их пригородами и остальными территориями.

Русская колонизация Ближнего Севера, заселенного угрофинскими племенами, шла поначалу (с VIII по XIV вв.) с запада со стороны Великого Новгорода. С XII в. сюда двинулись переселенцы с Верхнего Поволжья, подгоняемые набегами татаро-монгол со степного Дикого Поля. Свободных мест было много. Экономические ниши у славянского и финского населения были разные, последние промышляли преимущественно охотой и рыболовством. Историки называют такую колонизацию просачиванием. В состав московского княжества значительная часть этих земель вошла лишь в XV в. после присоединения Великого Новгорода.

Стремление России осваивать и заселять огромные северные пространства определило облик территории Ближнего Севера и многие современные процессы. Вывоз льна и полотна через Архангельск «затягивал» сельское хозяйство и население в Костромскую, Вологодскую и Архангельскую области. Строительство Санкт-Петербурга дало толчок освоению заброшенных земель Северо-Запада. В советское время заселялся и осваивался северо-восток Европейской России. В результате и города, и села оказались сдвинуты в обширные зоны относительно суровой природы. Многие виды деятельности в позднесоветское время были возможны только при существенной поддержке государства.

В 1990-х гг. появились новые вызовы, общие для страны: резкое уменьшение государственной поддержки, появление реальной конкуренции за ресурсы и инвестиции, зачаточное состояние рынка, многообразие форм собственности, административный ресурс был заменен коррупцией, усилилось влияние международного рынка. Для многих регионов Ближнего Севера эти изменения стали особенно болезненными.

Помимо макроэкономических изменений, реформы включали и изменение самих предприятий, и земельные реформы, и появление крупных частных инвесторов, в том числе иностранных, и развитие малого бизнеса. Руководители предприятий и население получили возможность увеличить экономическую активность, особенно в 1990-х гг. Однако в разных районах это происходило по-разному. Регионы Ближнего Севера в целом оказались менее предприимчивы, в том числе из-за длительного оттока в XX в. молодого и активного населения деревень и малых городов в крупные центры. Резкое сокращение дотаций вызвало шок во многих отраслях. Большие города и их пригороды жили более-менее благополучно. Они притягивали инвестиции и привлекали жителей регионов Ближнего Севера. Но больших городов там мало. Поэтому для этой территории характерна сильная поляризация пространства, сокращение площади используемых земель и развитие лишь отдельных очагов. А между этими очагами жизни и деловой активности сохраняются и расширяются пространства с естественной растительностью, в том числе зарастающие

лесом поля. Леса, реки, небольшие уютные деревушки становятся все более привлекательными для городских дачников, которых не пугают даже огромные расстояния от крупных центров. Облик и стратегии развития регионов Ближнего Севера, особенно районов, удаленных от больших городов, меняются. Хотя не всеми властными структурами это принимается как неизбежность.

В книге делается попытка показать, что представляет собой современный Ближний Север, его ландшафты, города и села, рассказать, как меняется его природа, как приспосабливаются звери и птицы, как живут люди, кто уезжает из этих регионов, а кто приезжает туда, какие виды деятельности исчезают, а какие появляются. Все это можно подробно показать лишь на отдельных примерах, хотя даются и некоторые обобщающие картины макрорегиона.

В качестве объекта более пристального изучения выбрана *Костромская область, во многих отношениях типичная территория Ойкумены Ближнего Севера*. На ее периферии в сельской среде с конца 1990-х гг. ведутся работы в рамках Угорского проекта под руководством Н.Е. Покровского. После нескольких лет, проведенных летом в деревне в качестве дачника, у него и его коллег стали возникать замыслы подвергнуть окружающий деревенский уклад жизни научному анализу. С начала 2000-х гг. исследовательский замысел Н.Е. Покровского стал поддерживать Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ), что позволило организовывать ежегодные междисциплинарные экспедиции в Костромскую область, проводить исследования, издавать книги.

Все больше московских и не только московских ученых стало приезжать с научными целями, а деревенский дом постепенно превратился в научный центр. Проект развивался на базе Сообщества профессиональных социологов с привлечением экономистов, философов, географов, биологов, психологов. Сложилась междисциплинарная группа исследователей. Ученых, помимо теоретических аспектов, интересовало нынешнее состояние глубинной российской деревни с ее ломающимся традиционным укладом, и малых городов со сложными проблемами и перспективами на будущее. Ведь не секрет, что

для коренных жителей больших городов и особенно Москвы деревня – это загадочный континент. При его упоминании взгляд просвещенных столичных жителей обычно мутнеет, и следуют типовые вопросы: «А там все пьют с утра? А зимой ваши дома обворовывают дочиста?» Иногда складывается впечатление, что горожане вообще не прочь забыть о самом существовании этой глубинной России, как о большом национальном провале, об Атлантиде, которая погружается на дно цивилизации. Но остров слишком велик и разнообразен, чтобы его хоронить.

Для тех, кто обладает хотя бы самыми начальными познаниями в области социологии, самоочевидно, что сельская и в целом периферийная Россия не может быть подвергнута аннигиляции, забыта и перечеркнута. Она зримо и незримо воздействует на все остальное, и на городское общество, даже если оно о том и не подозревает.

Непрекращающийся, ставший хроническим, кризис районов Ближнего Севера налицо. Сама констатация кризиса ничего не дает, но разобраться в его истоках и протекании самой болезни более чем важно. При этом, шаг за шагом исследуя нисходящую траекторию развития не только в последние 20 лет, но и в течение многих десятилетий XX в., участники проекта одновременно видели, сколь значителен потенциал этих регионов, измеряемый не сиюминутной экономической выгодой, а последствиями перспективной трансформации экономики и социальной жизни.

Основные задачи Угорского проекта сводились к следующему:

1. Изучение природы Костромской области и истории природных промыслов, включая охоту, собирательство, влияние изменений природной среды на места обитания животных и их поведение.

2. Определение, для какого типа регионов России исследования Костромской области репрезентативны, и выявление конкретных моделей современного развития Ближнего Севера.

3. Исследование миграций населения в крупные города и новых волн миграции из городов в экологически чистые районы Ближнего Севера.

4. Изучение возможностей туристического развития наиболее живописных мест, включая обширную территорию вдоль рек Волга, Унжа, Нея, Ветлуга с их песчаными пляжами и лесистыми берегами, а также заповедных природных участков, старинных городов и сохранившейся классической архитектуры сельских домов Ближнего Севера.

Ближний Север включает в себе огромный потенциал развития, связанный с новой организацией экономической и социальной жизни в контексте постиндустриального общества. При этом все то, что здесь сейчас ценится меньше всего, в перспективе приобретет наивысшую ценность и востребованность.

Исследования по Угорскому проекту находят широкий отзыв у научной общественности самых разных направлений. Ежегодно издаются сборники научных статей. Его результаты активно используются и в других публикациях участников проекта. Работает сайт www.ugory.ru.

В настоящее время в деревне Медведево продолжает работать научно-исследовательская база Сообщества профессиональных социологов. На ней помимо ежегодных экспедиций проводятся полевые практики студентов и аспирантов факультета социологии и факультета медиакоммуникаций Высшей школы экономики, факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова, научных институтов РАН.

Шестой год в небольшой деревушке Медведево проводятся ставшие традиционными международные научные конференции. Они проходят в обычных деревенских избах на переоборудованных в конференц-залы сеновалах. Благодаря своей полной уникальности такие конференции собирают до 60 участников. Несмотря на некоторую экзотичность, на научной базе созданы все условия для проведения мероприятий международного уровня и бытового обслуживания гостей.

Ценность подобных исследований и конференций, рассматривающих глобально-локальные процессы, в их междисциплинарности. Они собирают самых разных специалистов: социологов, экономистов, географов, специалистов по управлению и др.

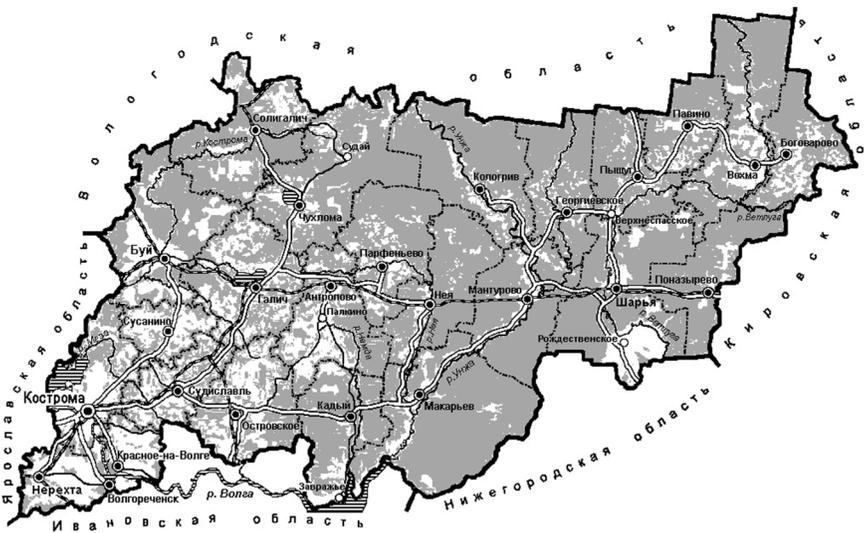

Налицо возникновение «снизу», от конкретного научного интереса и потребностей самих исследователей, кластерного научного центра новой генерации. Подобный центр не требует больших инвестиций и сложной инфраструктуры из «стекла и бетона». Он создает уникальную нравственно-психологическую атмосферу для научного общения в прямом контакте с природной и социальной средой, но с использованием всех достижений современной постиндустриальной цивилизации, включая, прежде всего, инфокоммуникации, транспортную доступность, требования современного обустройства быта. Симбиоз всех этих структурных компонентов позволяет предполагать, что Угорский проект успешно продолжит свою работу и в будущем.

Результаты 15-летней работы по Угорскому проекту представлены в монографии «Потенциал Ближнего Севера. Экономика, экология, сельские поселения» под редакцией Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой (М.: Логос, 2014).

В данном сборнике представлена лишь небольшая часть этих исследований в виде популярных коротких эссе, сопровождаемых фотографиями, количество и качество которых лимитировалось скудным бюджетом издания. Первое краткое эссе (гл. 1, **А.И. Трейвиш**) показывает, что Костромская область, как типичный представитель Ближнего Севера, служит и своеобразной моделью России не только по набору проблем, но и по пространственному устройству. Как преодолеть расстояние от столицы до удаленной деревни и что путник увидит по дороге, рассказывает второе эссе (гл. 2, **Н.Е. Покровский**). Серия рассказов о растениях и животных южной тайги, их поведении, приспособлении к меняющимся условиям и даже об экспериментах одичания и одомашнивания (гл. 3, **Л.М. Баскин и Е.С. Преображенская**) раскрывает некоторые особенности северной природы. Малые города Ближнего Севера, старинные и новые, возникшие в советское время, – это особый мир с его полусельским обликом, архитектурным наследием и трудностями приспособления к новым условиям. Примеры некоторых из них приводятся в эссе **К.В. Аверкиевой, Т.Г. Нефедовой и Н.Е. Покровского** (гл. 4). Сельская местность Севера всегда была terra incognita. Как она выживает в сложных экономи-

ческих и природных условиях, как различаются районы даже внутри Костромской области, какие изменения происходят не только в сельском хозяйстве с его прежде традиционным льном, но и в лесной промышленности, рассказывается в очерках **Т.Г. Нефедовой** и **К.В. Аверкиевой** (гл. 5). Экологическое путешествие с рассказами о последствиях индустриализации в этих районах, судьбе рек и преобразованиях ландшафта предлагает совершить **А.В. Дроздов** (гл. 6). И, наконец, о главном – о людях Ближнего Севера, местных и пришлых, некоторых их судьбах, успехах и неудачах рассказывается в гл. 7 в очерках **Т.Г. Нефедовой**, **Н.Е. Покровского**.

Костромская область как часть Ближнего Севера и модель России в миниатюре

Вся зона Ближнего Севера тянется по европейской России между Севером «настоящим», далеким, и средней полосой, минуя главные экономические ядра страны. Разные участки этой зоны всегда тяготели к разным центрам и районам, которые они возглавляли. Земли новгородские и вологодские – к Северу, Северо-Западу с Петербургом (Вологодская губерния до 1918 г. занимала еще части будущей Архангельской области, Республики Коми, составлявших половину ее площади). Земли тверские, ярославские, ивановские – к Москве, к Центру. А вятские, нижегородские, пермяцкие, удмуртские – к Волге и Уралу.

Костромская область, располагаясь в середине ближне-северной зоны, вместе с тем образует северо-восточный выступ Центрального федерального округа. Можно сказать, что она лежит на стыке Севера, Центра и Поволжья, вбирая в себя их черты. Ее не раз передавали из одного большого района в другой либо делили между ними. На политико-административной карте России этот край то выступал как относительно самостоятельный (княжество XIII в., наместничество и губерния в 1778–1929 гг., область с 1944 г.), то подчинялся соседним.

Костромская губерния включала Кинешму, Юрьевец и ряд иных мест по правому, ныне ивановскому берегу Волги, а за ней – Варнавин, Ветлугу, вошедшие в XX в. в Нижегородскую губернию и область. В то же время северо-восточные окраины современной области относились к Вологодчине, что делало Костромскую губернию более южной, сближая ее по уровню и типу развития с промышленным Центром России.

Сегодня Костромская область в пределах Центра – вторая по площади после Тверской, но самая малолюдная и потому маломощная экономически. Зато она самая лесистая и сравнительно чистая в экологическом отношении. Здесь нет нефти и газа, алмазов и ценных руд, особенно плодородных почв, не затевалось строительство (хотя и были попытки) атомных станций и крупных промышленных объектов. Но по своему рекреационно-туристическому потенциалу регион если и уступает соседям, то ненамного.

В некотором смысле он служит уменьшенной примерно в триста раз географической моделью России. Отдельные свойства страны проявляются на костромской земле подчеркнуто, гипертрофированно.

Область тоже вытянута с запада на восток сильнее, чем с юга на север, хотя это, конечно, не уникально: таких регионов в России много.

Степень заселения и освоения территории близка к среднероссийской. Плотность населения немногим выше: около 11 чел./км² против 9 чел./км². Доля пашен в области тоже все еще чуть выше средней по России, доля сенокосов и пастбищ точно такая же, но при этом больше и лесных земель (3/4), ибо тут нет безлесных тундр, степей, высокогорий.

Освоение и развитие Костромской области, как всей России, отличает внутренняя асимметрия – перевес столицы над любым другим городом и ее эксцентричное расположение выражены очень резко. В среднем главные города регионов опережают следующие за ними по числу жителей вшестеро, а вот Кострома больше города Буй, второго в области, в 11 раз. От автодорожного моста через Волгу до Ярославской области по вполне приличной трассе каких-то 18 км, а до Кировской на востоке – около 380 км, и ехать, особенно весной до ямочных ремонтов, сложно.

В юго-западном углу области вблизи Волги всего на 7 % площади сгущились 59 % жителей. А с районами и городами, расположенными западнее 42-го меридиана, будет более 2/3 населения на 1/6 части территории. Это вполне сопоставимо с тем западно-восточным контрастом, который характерен для России в целом.

Областная «пристоличная ойкумена» и лесное Заволжье, «костромская сибирь», составляют два пространства, как бы два мира в одном регионе. За счет своей «ойкумены» область подсоединяется к ядру страны, волжскому водному пути, Золотому туристическому кольцу России. А заволжская «сибирь» остается природно-ресурсным резервом регионального развития, хотя его доминанты до сих пор не вполне очевидны.

В чем-то эта территория напоминает ту, большую Сибирь. Дороги широтного направления тоже пересекают здесь реки, одну за другой, и на таких пересечениях стоят города или поселки. Рельсовый путь через Буй, Галич, Антропово, Нею, Мантурово, Шарью, Поназырево на Киров и дальше на восток вообще-то и есть отрезок северного хода Великой Сибирской магистрали. Между станциями тут все леса да леса, иногда прерываемые вырубками, болотинами, луговинами...

Костромская модель России, разумеется, неполна и условна. Полной аналогии тут нет и быть не может ни по природно-географической, ни по «человеческой» линии. А все-таки сходство присутствует. И оно только повышает интерес к этому скромному, но по-своему чарующему региону гигантской страны.

Дорога на Ближний Север – неблизкий путь

Дорога

Добраться до Ближнего Севера – дело непростое. Тут главное выбраться из коварных объятий московского мегаполиса. Ох какие они, эти объятия, крепкие, и не сказать, чтобы очень дружественные. Трасса М8 на Ярославль почти что единственная, но, во всяком случае, осевая, это уж точно. Ее никак не миновать. Есть несколько правил, выработанных самой жизнью.

Первое. Никогда и ни при каких обстоятельствах Московскую область легко не пройдешь. Что ни делай, на какие ухищрения ни пускайся, это без исключения всегда пробки, всегда перевернутые вверх дном участки асфальта, строительства путепроводов и все в том же роде. Не здесь, так там. Не в Мытищах и Королеве, так под Пушкино или на объездной вокруг Сергиева Посада. Это словно необходимое испытание духа и плоти путешественников, дабы они позднее, вырвавшись из этого хаоса и этих неудобей, сполна окунулись в ойкумену Севера.

Второе. После одиннадцати утра никуда уже спешить не стоит, а следует отложить дорогу до следующего дня. И это понятно, зимой и в межсезонья темнеет рано, и весь мир превращается в мрачную темную пещеру, которую прорезают кинжалы фар встречных автомобилей. Это уже не радость бытия, а борьба с темными силами преисподней, которой не могут противостоять даже сильные мира сего. Так ведь и погиб в глубоких трассовых сумерках костромской губернатор Шершунов, и даже номенклатурный «мерседес» его не спас. Что уж говорить о простых смертных.

Третье. Ни одно путешествие на Ближний Север никогда не начинается строго в тот день, на который оно намечалось. Вот нет – и все тут. Тысячи больших и малых причин удерживают путешественников в Москве, тормозят сборы в дорогу, что называется, сыплют песок в колеса. Кстати, о колесах. Подготовка машин к броску на Ближний Север должна быть безупречной, по возможности, если вообще что-либо в этой жизни может быть безупречным. Якобы по трассе много автосервисов, но это только «якобы». В реальности они либо уже закрыты, либо «ушел на базу», либо что-нибудь еще. На минутку не о колесах. Заправить газом баллон для плиты тоже проблема. На каждом шагу газозаправки для автомобилей, но на них принципиально не хотят заправлять бытовые баллоны. Под Макарьевым (Костромская область) мне так и доложил разговорчивый оператор заправки: «Переходник у нас для баллонов, конечно же, имеется, но начальник, когда уходит, его домой забирает, сами понимаете, чтоб мы тут левые заправки не устраивали без него. Так что приезжайте завтра». То есть «приезжайте завтра» на трассе. Сильно сказано. А вывод такой. Он же и четвертое правило. Все брать с собой из Москвы. Сколько можно и сколько выдержит прицеп, хоть тонну. А то легко можно столкнуться со всякого рода «нет, не привезли», «были, но кончились», «ток с утра отключили», «кассовый аппарат сломался». Разумеется, не стоит обобщать, а то такие обобщения могут потянуть на очернительство нашей действительности, но, согласимся, путь на Север – это всегда экстрим, так или иначе, не в одном, так в другом.

Мытищи – Королев – Пушкино, как уже было сказано, испытание на прочность нервов и веру в человечество. И в этом тоже своя притягательность. Кому нужны легкие пути в этой жизни?

Дорога из Москвы до Мантурово Костромской области – наша дорога. Конечно, можно доехать ночным поездом по Транссибу прямо с Ярославского вокзала. Но по шоссейной трассе Москва – Ярославль – Кострома (далее она идет на Пермь и Екатеринбург) гораздо интереснее. Хотя это ровно 600 километров. Экспедиционный УАЗ справляется с дистанцией за 8–9–10 часов в зависимости от своего настроения и настроения водителя.

От Москвы до Костромы дорога – чистая суета, хотя и считается «золотым кольцом» России. Ничего в ней нет интересного и золотого. По сторонам одни трактиры и стойбища для дальнобойщиков. Случаются, конечно, жемчужины русской культуры и истории. Например, Ростов Великий, Переславль-Залесский, Ярославль. Но добраться до них непросто. Они стоят в стороне от основной трассы, и, взвешивая в уме, ехать, пока едетя, или съезжать в сторону для наслаждения архитектурой далекого прошлого, всегда выбираешь – ехать, пока едетя. И недосуг. Они остаются в стороне. Живут своей жизнью.

...После Костромы начинается зволжская Россия, не для туристов, преддверие Ближнего Севера. Деревни по сторонам случаются нечасто. Стеной подходит к обочине дороги мрачный еловый лес. Если тут что-нибудь случится с машиной, то помощи ждать не стоит. Зимой любая машина при остановившемся двигателе выстуживается за 15 минут. Остается только жечь костер.

Движение на дороге незначительное, особенно после захода солнца. Редкие деревни, хотя и считающиеся по-прежнему живыми, почти необитаемы. Разве что – то над одним, то над другим домом громоздится тарелка спутникового телевидения. А рядом – разбитые избы с провалившимися крышами и разбитыми окнами. И, разумеется, с восхитительной методичностью через определенное число километров высятся аккуратные вышки то ли Билайна, то ли МТС. А скорее всего, и того и другого. С этим товаром в Костромской области проблем нет.

Еще задолго до Мантурово возникает одна и та же мысль. Почти навязчивая. Какие безграничные просторы, сколько всего тут природного, неосвоенного, правда, частично уже испорченного, но испорченного, к счастью, не до конца! Признаков восстановления пока нет и не предвидится. Все тихо, умиротворенно-безлюдно, внутренне сбалансированно в своем нисходящем бытии. Это целая симфония, воистину сказано: над вечным покоем.

Многое, конечно, зависит от времени года.

В ноябре, декабре, вплоть до самого марта дорога может довести до полной депрессии. Мрачные сумерки опускаются уже в четыре часа. Власть тьмы неотвратимо наступает.

Тема безысходности. Точно в какой-нибудь позднеромантической симфонии.

Но если случится оказаться на трассе в самом начале июня и непременно на самом рассвете, на зыбком рубеже ночи и утра, то это уже совсем иная песня.

Клубятся туманом поймы речушек и ручейков, бегущих в Унжу, приток Волги. Туман забирает деревеньки, поглощает крыши домов, заборы, разрушенные фермы. И повсюду – синие волны миллионов цветущих люпинов. Они всюду, они струящимися коврами уходят к горизонтам. Тогда приходит иная навязчивая мысль. Быть может, земная жизнь уже закончилась, и все это есть начало нового существования. Ибо трудно найти другое объяснение тому, что видишь и чувствуешь.

Но вот другой десяток километров, и люпины отступают, солнце поднимается, туман исчезает. И мы вновь на земле, в этом мире.

Новые стандарты и старые песни

Если говорить на языке науки, то Мантуровский район – это зона депрессивной экономики и всех неизбежных ее спутников. Но катастрофы не наступает. Вот уже двадцать лет. Если попроще, то природная среда медленно, да и не очень медленно, отвоевывает у цивилизации все, прежде этой цивилизацией завоеванное. Деревни на глазах пустеют (забрасываются по шесть-десять домов за год), срубы еще несколько лет стоят, а потом сгнивают на корню. Сельские дороги и поля зарастают кустарником, не превращаясь при этом в полноценные леса, а мутируя в особого вида растительность, по большому счету бесполезную. Лесоповал постепенно уходит – все уже выпилили, осталась мелочь. Жители кормятся ягодным промыслом и браконьерством. Добраться до райцентра практически невозможно. Расстояние в 30 километров превращается в непреодолимое. Местная автобусная сеть почти перестала существовать, а дальнобойные маршрутные «икарусы» не всякого возьмут, а если и возьмут, то по цене разденут.

Так люди и живут. И что же?

Взять хотя бы эту самую трассу, идущую из Костромы в Мантурово, а потом в Киров, Пермь и далее. По ней в основном движется две категории автосредств: длиннейшие фуры с импортными логотипами на тентах и частные машины. Притом не раздолбанные «Жигули» и «Москвичи», как можно было бы предположить, а новенькие джипы БМВ и «мерседесы», каких и в Москве не сразу найдешь. Иногда попадетсЯ джип с прицепом, на котором – два (не один!) водных мотоцикла «бомбардье» – рядом волжские притоки: Нея, Унжа Ветлуга.

Куда направляются эти пелетоны? Что везут? Кому принадлежат?

Что касается фур, то они везут товар в основном не из области, а как раз в область. Продукты, строительный материал, ширпотреб. И это в депрессивный, дотационный регион, где нет наличности и все вроде бы обращено лицом к небытию? Парадокс между тем состоит в том, что мантуровский народ, хоть и депрессивный, но, с другой стороны, хорошо покупающий.

«Мерседесы» и БМВ, в отличие от фур, принадлежат в основном местным. Кто в райцентре живет, а кто и на селе пооткрывал магазинчиков, занялся скупкой мяса, приспособил пилорамы для коммерческих целей. И тут же покупает сверхдорогую иномарку. Это самое первое дело. И пусть она калечится на ухабах (местные и городские дороги по-прежнему отнюдь не европейские), но символ и есть символ. Престижное потребление пробивает себе дорогу во всех ситуациях.

Если раньше в основном по трассе шли юзанные легковые иномарки, то за время тучных двухтысячных стали преобладать вполне даже новенькие. Но вот парадокс. Федеральная трасса на Екатеринбург – на самом деле почти что полоса препятствий и гонка на выживание. В любое время года. За зиму ее разбивают вдребезги перегруженные фуры. Сначала они проделывают на поверхности дороги глубооченные колеи, «колейность», так сказать (об этом постоянно предупреждают дорожные знаки – а что толку, что предупреждают, ехать-то надо), а потом выламывают куски асфальта, так что вождение превращается в автослалом с постоянными выездами на встречную полосу или на обочину. Частота и плотность этих ям такова, что не-

избежно рождает ассоциацию с временами не сегодняшними – «немец пролетел», как говорят в народе, «и все разбомбил». Похоже, что именно так выводят из строя взлетно-посадочные полосы на аэродромах противника. С середины лета колеи принимаются срезать особыми дорожными фрезами, естественно, блокируя при этом одну из полос двухполосной магистрали. А ямы – заливать варом и асфальтом. Называется этот процесс «ямочным ремонтом». Это термин такой. Ямочный ремонт идет споро, и к началу сентября более или менее, «кое-где, порой» завершается. Заплатки на дороге все же остаются весьма выпуклыми даже в своем лучшем виде, так что милые сердцу джипы-иномарки только вздыхают, проносясь по ним на скорости. А вот экспедиционный УАЗ-«хантер» принимает каждую дорожную заплатку близко к своему автомобильному сердцу, бедную машину то и дело пробивает вплоть до митрального клапана, до аорты. Но инфаркта все не случается и не случается. Вот она, сила настоящего железа.

Итак, сентябрь – самый дорожный месяц. Ямочный и колеиный ремонт завершается, люди в желтых жилетах (рабочие) исчезают с дорог (как правило, их просто увольняют на полгода) и простым водителям дается дней сорок пять на использование трассовых маршрутов. Дорога более или менее приемлемая. Потом уже пойдут ночные, утренние и вечерние и просто постоянные заморозки, легкие и нелегкие гололеды. И так сезон сменяет сезон, год сменяет год, дорога живет своим неизменным циклом. И, кажется, ни одна земная сила не в состоянии этот цикл разорвать, как цепь, разомкнуть, выпрямить, что ли.

Приехали!

Само Мантурово, узловая станция с 16-тысячным населением на Транссибе, по статистике, безысходное место с упавшей экономикой и сплошной безработицей, с внешней стороны статистической картине не соответствует.

Всюду по району повыврастали мачты сотовой связи МТС и всех остальных операторов, а с ними и бесконечное число киосков, где можно обзавестись самими телефонами и теле-

фонными картами. Словно каждый житель Мантурово только и мечтает о насущной покупке телефона или повышении его классности. И тут же город украсился на всех углах призывной рекламой 4×6 с энергичной дивчиной, приглашающей приобрести мобилу.

Открылись несколько неплохих компьютерных магазинов с набором всех необходимых железок и аксессуаров. Народ туда в очередь не выстраивается, но бизнес идет, клиентура растет. На городском узле связи за 30 минут вам оформят доступ в Интернет через местный сервер и откроют персональный почтовый ящик. Ребята в интернетовском отделе симпатичные. Улыбчивые, динамичные, ориентированные на сервис. Хотя и московский айтишный синдром наблюдается. Молодые люди формально здесь, но фактически – не здесь, а там – в киберпространстве. Их реакции на простые слова и действия идут с задержкой – все же нас разделяют несколько световых лет. Не так ли?

Многие деревни телефонизировали, поставили цифровые коммутаторы, заложили в траншеи десятки километров экранированного кабеля. Теперь по коду можно звонить в любые уголки России и всего света. Но традиционная связь уступает место мобильной. У сельчан по одному-двум сотовым телефонам. А зачем второй? Один от одного оператора, другой – от другого. «Когда по ягоды за реку ходим, из одного болота хорошо ловит МТС, а в другом берет “Мегафон”». Но денег на связь у деревенских постоянно не хватает. Когда они звонят в Москву, то сделают звоночек и отключаются, мол, богатый москвич, перезвони, есть разговор.

Передовые сельчане снабдились широкополосным Интернетом. Оптоволокно дотянули до всех основных муниципалитетов в районе. Но эта связь такая дорогая, что большинство населения этим оптоволокном не пользуется, предпочитая подключаться к Интернету через операторов мобильной связи, через «воздушку». Соединения так себе, зависят от погоды, но с этим уже можно жить. Во многих «живых» домах, где есть работающие, и особенно в семьях со школьниками – свои ноутбуки. Ими теперь никого не удивишь. Активные и деловые деревенские, прежде чем взяться за плотницкую работу,

ремонт дома, строительство бани, загодя смотрят в Интернете на проекты, сверяют цены на стройматериалы, интересуются новыми инструментами и технологиями. И все не просто так, а с прицелом на практическое применение. По мере выполнения работ шлют по электронной почте городским заказчикам цифровые фотографии того, что сделано, обсуждают те или иные решения, возникающие по ходу дела. А когда работа выполнена, следует целая серия снимков. Под разными ракурсами работа выгодно демонстрируется далекому, можно сказать, дистантному городскому заказчику. За фотографиями следует детальная смета расходов и, как говорится, сумма прописью. Тут же из города по онлайн-платежу идет банковский перевод – с карточки на карточку. Вот такая цифровая модернизация. И она вполне работает. Притом не в единичных случаях, а как утверждающая себя практика.

Спутниковые антенны украшают в Мантурово чуть ли не каждый второй дом. В многоквартирных домах тарелки вылезают наружу из большинства окон. В хозяйственном магазине, декорированном пластиковым сайдингом, устойчиво торгуют этими «тарелками» и всеми другими причиндалами для спутникового телевидения. По паре десятков в неделю. Расходятся и по деревням, что удивительно. На некоторых деревенских домах по две тарелки. Как объясняют хозяева, каждая тарелка нацелена на разные спутники, «так больше интересных каналов».

Но апогей мантуровского потребительства – местный продмаг, преобразившийся в супермаркет. Весь товар, включая алкогольные напитки, – в большом количестве и выборе. Как в Москве, не хуже. И притом в открытом доступе. Такого еще не знала мантуровская земля. Про водку не говорю. Ее обилие и разнообразие затаренности – можно сказать, святое дело. Но и красные вина появились. «Вам как: в бутылке или из бочки?» (Это о чилийском красном «мерло».) Правда, стоит чуть дольше задержаться у полок с алкоголем, разглядывая этикетки, как за спиной тихо возникает охранник с браслетами и дубинкой. На всякий случай.

Пару лет назад в депрессивном Мантурово открыли аж целых два «Магнита» – сетевых продовольственных супермаркета. Тут все в полном комплекте, почти что как в Москве. Казалось бы,

мелкие продмаги должны были в одночасье почить в бозе. Но нет, они вступили в открытую конкуренцию с «Магнитами». И, судя по всему, не только не сдаются, но в чем-то и выигрывают. И по ценам, и по разнообразию особо индивидуализированной продукции. Свежий хлеб прямо из печи, разливное пиво десяти сортов и все в том же роде. Народ валом валит как раз в местные магазины.

В деликатесном отделе вам предложат что угодно, вплоть до пяти сортов кофе в зернах, набор различных сортов оливкового масла и пр., и пр. Про заморские тропические фрукты и говорить нечего. Киви, манго и ананасами торгуют на уличных прилавках. Не в массовом порядке, но устойчиво. При этом киви – дешевле яблок. И это в августе.

Всяческой домашней и кухонной техники, строительных товаров – немыслимое изобилие. Их повсюду столько, и притом лучших брендов, что, право, здесь отовариваться перспективнее, чем в Москве. И подспудно возникает вопрос: если бы все это не продавалось, то, наверное, и не предлагалось бы? И откуда деньги у населения? Это главная экономическая загадка Мантурово, ожидающая своего мага-социолога-экономиста.

По субботам и воскресеньям в городе – базарный день.

За одну ночь с пятницы на субботу площадь, в остальные дни недели абсолютно пустая, заполняется сотней полосатых палаток. Со всей Костромской области, да из соседних областей, везут сюда челночный товар – продукты и мануфактуру. Но тщетно искать на этой ярмарке что-нибудь местное и оригинальное. Ассортимент скучный, точно такой же, как и на московских оптовых рынках. Великий новый стандарт.

Но ярмарка интересна не товаром, а людьми. Это узаконенное место публичной коммуникации. В момент наступления пика торговли, около 11 часов утра, с боковых улочек и по центральной авеню к рынку подтягиваются шестнадцати- и семнадцатилетние девицы, вдохновленные журнальными образами «Космополитен» и «Вэнити Фэр». Томной и развинченной походкой манекенщиц они подплывают к торжищу. Их прически и личики несут следы кропотливой и вдумчивой домашней работы. Платица – сплошь черные, вечерние, отороченные стеклярусом и безбрежно короткие. Высоченными каблуками

своих лакированных лодочек они стучат по щербатому асфальту, положенному еще при советской власти. Вокруг себя они никого не замечают и гордо шествуют меж торгующих рядов. Подцепит такая покупательница наманикюренным пальчиком то один товар, то другой и с брезгливым выражением отойдет прочь: «Разве такую гадость можно покупать?» За этими девицами на расстоянии пятнадцати метров неотступно следуют их мамы, отнюдь не в вечерних платьях, а, напротив, в домашних матерчатых тапочках, с объемными сумками и со стреляющими по круговой глазами. В общем, «первый бал Наташи Ростовской». Таковы местные поведенческие паттерны.

Время от времени Мантурово посещают команды менеджеров и селекционеров для глубоко эшелонированного отбора юных фотомоделей и кандидаток из корневой России на звание «мисс Вселенная». Но рекрутеров с треском выбрасывают за городскую черту. Город блюдет чистоту помыслов и противостоит разврату масскульта. Взамен устраивают местный конкурс красоты – можно сказать, главное событие в году.

Тихо сдвинулось с места и капстроительство.

Все примитивные лавчонки превратились в лубочные кирпичные магазинчики с игривыми названиями: «Лилия», «Аленка», «Камелия», «Орион», «Водолей», «Стопка». И все они – в сайдинге, в сайдинге. Без пластикового сайдинга сейчас никуда. Все чаще и чаще он перекочевывает и в деревни. Купит иной москвич бревенчатый домик и тут же покроет его ядреным желтым сайдингом, а крышу – ярко-красным или столь же ярким синим ондулином (пластиковым материалом). Вроде как в Европе, но только «вроде». Так называемые «удобства» в большинстве «европейских» домов по-прежнему во дворе. Ясное дело, внешняя оболочка жизни, «кажимость» превалируют над сутью. Вот вам и общество спектакля. Оно и в села шагнуло. Все бы ничего, но одно удручает. Пара таких сайдинговых изб начисто разрушает ландшафт деревни, даже самой живописной. Гармония с природной средой нарушается безвозвратно. К этому добавьте металлические оградки, фонарики вдоль вымощенных бетонными плитками приусадебных дорожек – вот и конец эстетике деревенской улицы. Большой привет с кисточкой, как говорится.

Контрасты

Местный мантуровский предприниматель, поднявшийся на розничной торговле, построил 4-звездочную гостиницу. Дизайн – новодельный ампир XIX в. Неплохо сработано. Стекла непрозрачные, солнцезащитные, зеркальные. Сервис – до приторности навязчивый, но чувствуется – от души, а не по приказу. Все компьютеризировано: и рецепция, и ресторан. Правда, с локализацией интересная история получилась.

Гостиницу воздвигли не в центре города и даже не у станции, а в рухнувшей промзоне – среди заброшенных железнодорожных путей и тупиков, заколоченных товарных баз и складов. А если еще точнее, то под гостиницу переделали бывшее управление «зоной», или «химией». До середины 60-х тут все было опутано колючей проволокой. Эков ежедневно водили туда и обратно по многокилометровому коридору из колючки, проложенному от бараков на строительство. Тут же родился и тюремный анекдот: «Что такое теория относительности? Это когда мы все время топаем из барака на стройку, но при этом капитально сидим». Поблизости громоздится гигант социалистической индустрии – некогда секретный завод «Биохим» (производил фурфурол, т.е. твердое топливо для ракет, и почему-то медицинские бинты к тому же), десятки лет травивший Унжу своими отходами, но с начала 1990-х безвозвратно закрытый. Территория не охраняется и никак не используется. Если пройтись по его цехам, то шаги ваши гулко будут раздаваться в пустоте. Оборудование давно «распилено» и кануло в лету. Стены зияют оконными проемами. И без инженерного образования становится ясным, что эти цеха нельзя восстановить – это уже руины! А что с ними делать? На разборку нет средств. По территории бродят только местные искатели металла – с наушниками и специфическим оборудованием. Запищит сигнал – и они принимаются копать землю. Достанут кусок ржавого железа и засовывают его в багажник раздолбанных «Жигулей». Сгодится для пункта скупки. А вокруг «Биохима» и все ближе к реке простираются многометровые по своей толщине поля лигнина – это такой остаточный продукт переработки древесины на целлюлозу (опять же привет от за-

крьвшегося производства ракетного топлива). Что с лигнином делать, никто не знает. Экологически он отнюдь не нейтрален. Вывозить его некуда и по деньгам катастрофически убыточно для местного бюджета. На топливо не идет. Попытались было производить строительные блоки для коттеджей. Не пошло, да и экологическая проблема с этими блоками, по нашим временам важная, остается.

Впрочем, на гостиничный казус на границе с «Биохимом» можно посмотреть и иначе. Для тех, кто интересуется эпосом хаоса и тотальной деструкции, а заодно любит «Сталкер» Андрея Тарковского, лучшей гостиницы не сыскать во всем мире. Просто гостиницу надо переименовать и назвать, как в фильме, «Зона». А заодно и устраивать экскурсии на территорию «Биохима». Это будет шедевр туризма. Недаром кинематографисты уже снимали здесь монументальные эпизоды обороны Сталинграда.

Справедливости ради заметим, что в городе по-прежнему нет магистрального газа, центральной канализации и водопровода. Но эти чисто русские особенности – в сущности, мелочи по сравнению с пиршеством потребления. И до революции, между прочим, было точно так же. Мантуровские купцы прилично строились, но улицу и тротуар мостили исключительно перед своим домом, и ни аршина в сторону. А потому повозки и пешеходы, покидая твердое покрытие, тут же проваливались в мантуровскую грязь. Да, с солидарностью и координацией у нас проблема. Не любить их – это наша русская антиидея, я бы сказал. Ну, вот революцию и заработали. Которую по счету?

В деревнях по району, конечно, все скромнее. Хотя и здесь драйв в сторону потребления заметен...

Кто мог, отсюда уехал. В Кострому ли, в Москву ли, а иногда и подальше. «Евгенич, ты меня в Германию устроить можешь? У меня и паспорт заграничный выписан уже». – «Да откуда могу? У меня-то и связей таких нет. А фирмы московские по трудоустройству доверия не вызывают». – «Да ты постарайся. Я тебе благодарен буду. Завтра клюквы мешок принесу и грибов. А хочешь, рыбки свежей...» Но, самое интересное, если не в Германию, то в Канаду рано или поздно он уезжает. Как? Верно, вода камень точит.

Кое-кто из молодых парней все же остался. Так, по инерции. Во все дни недели они ходят в камуфляжной форме. Дешевле ее автолавка ничего не привозит. И потому вся деревня выглядит, словно расквартированный батальон. Молодцы, как правило, неженаты. Живут при матерях. От пенсии до пенсии. Материнской, естественно. Поэтому-то старушки – самый уважаемый контингент на селе. Их пенсии – основной источник дохода для всей семьи. А если дети по разным деревням разъехались, то старушку разыгрывают в рулетку: в какой месяц к кому из детей поедет жить. Им и пенсия пойдет.

Часто гремят в зону. Сидят в колонии либо в Поназыреве, либо в Островском, либо в самой Костроме. За что? За пьяный угон машины. За «мокрое» дело по пьянке. Но в основном за «чистку» московских дачников. Утащат старый телевизор или из холодильника свинтят мотор (целиком холодильник в окно не пролезает). Популярностью пользуются съестные запасы москвичей, оставленные на зиму до следующего сезона. Сами дома сильно не портят при этом. Не принято это. Все-таки представления о чести и должном еще остались.

Отсидка не считается здесь чем-то зазорным. Напротив, отдохнуть можно и подкормиться на регулярном питании. Это нередкий этап в жизни парня. Как служба в армии. Теперь семьи звонят им в зону по сотовым телефонам. И это приятно. Недаром всюду мачты МТС натыканы. После возвращения сиделец на законных основаниях «отдыхает» годик-другой, т.е. нигде не работает и ничего не делает. Восстанавливается для полноценной свободной жизни, ходит гоголем, почти что заслуженным ветераном. Потом – по-разному, чаще всего – вновь в ненормативность и девиацию.

Но вот кто-то свистнет: «Есть шабашка в лесу!» И оставшаяся свободной молодежь сдвигается в тайгу на лесоповал. Знать, мантуровский «бизнесмен» (их и здесь так зовут) правдами и неправдами получил лицензию на вырубку участка. Так называемая «черная порубка» в большом спросе. Со стороны трассы и дорог помельче оставляют защитную полоску леса, мол, ничего не видно, тайга как тайга. А за этой полоской идут огромные квадраты облысевших лесов. Достаточно посмотреть на космические снимки (они и в Интернете имеются в онлайн-

не), чтобы представить себе масштабы лесного беспредела. После черных порубщиков остается сплошь исковерканный лес, с невывезенными кряжами и вздыбленной землей. Похоже, Тунгусский метеорит прямо здесь и пролетал над самой землей и даже по этой самой земле и прокатился.

Все лето деревенские порубщики пропадают на делянке. Домой приезжают только помыться в бане. Не пьют совершенно, а то ведь, нешуточное дело, под падающий кряж угодить можно. Осенью гордо сообщают: «А я аж сорок тыщ заколотил. А ты сколько, Евгенич, у себя в Москве заколачиваешь?» На заработанные деньги непременно по традиции недельку погуляют и обязательно новый телевизор купят. Притом большой. Панель в 98 сантиметров по диагонали, а то и побольше. На этом деньги и заканчиваются.

Вечерами и ночами фонари по деревенским улицам, где эти фонари имеются, не включают – экономия средств и смысла нет. Из окон пока еще обитаемых домов льется голубой свет экранов. Он и освещает дорогу. А дорога-то непростая. Это – Екатеринбургский, более точно – Старо-Вятский тракт. По нему декабристов в Сибирь гнали. И не только их.

А если с ночной улицы в дом войти, то под телевизором на разложенной софе-лежанке спит, откинувшись и не раздеваясь, хозяин. Спит, не снимая своей пятнистой камуфляжки. По миазмам ясно: не чай здесь пили. Экран уже «снегом» пошел – канал вещание закончил. Через какое-то время телевизор и сам отключится. Отдохнет телевизор от почти круглосуточной работы. У него таймер есть, ведь техника-то современная. А в полпятого утра, перед первой дойкой, его снова включают.

Специфика местного сервиса

Экономическое мышление современных селян приобрело странноватый характер. С одной стороны, все они испили из чаши (подчас горькой) рыночных отношений, разрушивших патерналистский и архаический характер экономических зависимостей. Никто никому не верит, друг другу почти не помогают, каждый справляется со своими проблемами в одиночку.

Люди прямо на глазах превращаются в индивидуалистические субъекты хозяйственной деятельности. Обменным эквивалентом все больше и больше становятся деньги, а не предметы и услуги. Хотя и этого еще хватает, особенно в среде пенсионеров. (В сельповских магазинчиках, на сто процентов частных, по-прежнему под прилавком держат замусоленные тетради в коленкорových обложках, куда записываются долги временно неплатежеспособных покупателей. И долги москвичей, у которых не оказалось мелких купюр, а отпустить им товар пришлось.)

Деньги деньгами, но экономическая психология сельчан за этим не успевает. Она затормозилась где-то на предыдущем этапе. Истинной торговли и истинной выгоды своих действий в долговременной перспективе не видят, полагаясь на примитивный принцип: слупить, сколько можно, сейчас, а завтра – будь что будет.

– Ребята, выкосите мне участок, а то совсем зарос. Глазам неприятно.

Приходят гурьбой (хотя и вдвоем можно было бы легко справиться). Работают вечером. От силы два часа. Расслабленно.

– Сколько я вам должен?

– Зелененькую (тысяча рублей) отдай.

– Ребята, да вы что, с ума сошли? Тут же, считай, и делать-то было нечего. Загнул – зелененькую! Это ты столько за месяц не всегда получаешь в агрофирме. А работаешь там каждый день.

– Но нас же шестеро. Всем заработать нужно. И на закуску тоже.

– Так я же не просил вас вшестером приходить. И вдвоем бы управились.

– Ребятам тоже заработать надо. Так что ты лучше заплати. Я вот когда под Москвой в коттедже калымил, столько и платили.

– Но так ведь это под Москвой, там на все цены другие.

– Другие – не другие, а ты лучше заплати.

Ключевое слово здесь – «лучше». Действительно, лучше заплатить. Из опыта известно. Пускаться в деловую логистику не стоит. Никакие аргументы не действуют.

Продолжение диалога, между тем, следует.

– Я, конечно, заплачу. Но сами смотрите. Больше я вас не приглашу. У меня нет таких денег, чтоб каждый раз столько платить. А ведь работа на участке и в доме еще есть. Сами знаете.

– А нам без разницы. Ты сейчас давай. А что потом будя – дело хозяйское.

Вот и весь разговор. Нахрапом постоянно подрубают свои собственные рынки. Притом не только мелких подработок, но рынки посерьезнее. Это – местная структура мышления, инвариантная всем видам локального бизнеса.

В другой раз приносят ведро клюквы. Без предварительной договоренности. Явочным порядком.

– Да мне не нужна клюква. Уже есть достаточно.

– Так я же из лесу тебе принес.

– Но я-то при чем тут? Я же не просил.

– А что мне теперь с ней делать?

– Ладно, так и быть, возьму. Сколько за нее хочешь?

– Зелененькую. Как все.

– Да ты что! Это же цена на трассе! Для дальнобойщиков!

– А мне какая разница?

– Но на трассе ведь целый день под дождем стоять надо! Да и шоферня может без оплаты увезти все ведро. Сам знаешь.

– Ну, я и постоять могу. Мне что. Времени хватает. Ты уж лучше купи, как прошу.

Навязывание неоговоренных товаров и услуг – еще один прием местного маркетинга.

...Слышно близкое тарахтение мотоцикла. Двигатель глушится у моих дверей. Настойчивый стук. На пороге появляется местный житель из соседней деревни. Притом деревенский житель молодой.

– Возьми теленка. Я привез. После обеда заколол.

– А мне телятина не нужна. В холодильнике места нет. Мы же не договаривались...

– А на что я дочке к первому сентября буду все покупать?

И смех, и грех. Скорее все же – грех. Общий наш грех...

Порой трудно решить, что это: признаки экономической заторможенности, считай, отсталости, либо нечто совсем иное – особая крестьянская прозорливость, сметка, неведомая городским.

И так, и так можно рассудить.

Местных жителей теперь ничем не удивишь. Ни техникой, ни электроникой. Они все видели – либо в натуре, либо по телевизору, либо в Интернете. Во многих деталях разбираются не хуже городских. Это своего рода виртуальное потребление. Но все же – потребление. Не иметь, не обладать, но разбираться.

Крестьянские истории

По поводу деревни гипотеза такая имеется. Что ни дом, то трагедия. Большая, совсем большая или не совсем большая, масштабов драмы.

...Тонин дом стоит на нашей улице аккуратно напротив нашего. Выходит, Тоня наша ближайшая, а в опустевшей деревне почти что единственная соседка. Живет, разумеется, одна. Дети и внуки разъехались по стране. Дочка из Мангурово приезжает на уик-энды. Так вот, Тоня – святая женщина, только и можно сказать. Лицо ее источает доброту. Всегда, при всех обстоятельствах. Гостеприимство, радушие, хлебосольство. А еще незлобивость, внимательность к другим, предупредительность. А есть ли еще не упомянутое в этом списке добродетелей? Прямо-таки надо словарем обзаводиться, чтобы ничего не упустить. А муж где? Что с ним? А муж был колхозным трактористом и водителем. В тот год возил трактора с прицепными сенокосилками на заречные заливные луга. На августовский сенокос. Трактора грузили в кузова грузовиков и по обмелевшим бродам транспортировали на тот берег. На обратном пути грузовик натолкнулся на скрытый омут, перевернулся. Трактор оказался в воде. Захлебнулся надолго. И это в разгар покоса. Тянуло на вредительство. Но времена уже пошли хрущевско-брежневские, не столь кровавадные. Применили фактор психологической разборки. Стыдили на собраниях и в прессе. И до того перестарались, что пришел опозоренный тракторист домой и повесился на чердаке на стропилах в собственном доме. А дом-то этот прямо окна в окна с нашим. И с тех пор и березы уже выросли, и люди. А трагедия осталась. Считай, никуда она

не делась. Такая вот история. Короче, деревня – она многослойная, не такая простая она.

...Или взять другой дом, чуть поближе нашего к центру деревни, к Красной площади, как называют пяточок, на который время от времени приезжает продуктовая лавка, и все жители собираются на импровизированную сходку в ожидании машины. Стоит тут поблизости брошенный дом Аллы Александровны, учительницы. Дверь закрыта перемотанным узлом ботиночным шнурком вместо замка. Сама хозяйка съехала и живет в другой деревне, поближе к городу. Дом большой в шесть окон по фасаду, т.е. с прирубом. Жила здесь до войны большая семья, работающая, склонная к хорошим заработкам и потому чудом не раскулаченная. Ну вот, главу семьи, отца Аллы Александровны, стало быть, Александра, призвали на Северный флот. Началась война. В какой-то момент Александра из экипажа командировали в область по служебным делам. Он ухитрился на пару дней приехать в деревню, к своим. Увидел, как тут все было. Пахали поля женщины, впрягшиеся в плуг. Уехал страшно расстроенным всем увиденным. По возвращении в экипаж в неформальной обстановке рассказал сослуживцам о том, что происходит в деревне. На следующий день против него открыли дело по статье «пораженческие разговоры, деморализация личного состава» или что-то в этом роде. Но не расстреляли, а отправили в Сибирь в лагерь на десять лет. Семья с кучей детей оказалась в деревне не только без средств к существованию, но в полнейшей моральной изоляции – ЧСИР, «члены семьи изменника Родины», статья 58-8. С ними перестали здороваться соседи, о помощи и речи не могло идти. Так и шли годы, пока не наступила оттепель 50-х. Отец вернулся. Но семья осталась изгоем навсегда. Такой вот она бывает, сердобольная деревня. Если посмотреть заброшенный дом внутри, то и сегодня он удивляет своим особым устройством, необычной планировкой, высокими потолками. Все сделано с умом. В подсобных помещениях до сих пор аккуратно сложены многочисленные рамки для ульев. Занималась семья и медом. Но по-прежнему деревня не любит семью Аллы Александровны, не любит, и все тут.

Дачники

Постепенно в деревнях обозначает себя и другая категория жителей – «дачники». Это общее и многогранное понятие для подчас самых разных людей. Но общий факт один и тот же: мигранты из Москвы и Петербурга, накупившие местных домов и переселяющиеся сюда на лето. Трудно сказать, как к ним относятся. И так, и эдак. С одной стороны, они дома и приусадебные участки купили по всей форме. Права собственности оформлены на гербовой бумаге с водяными знаками и голограммами. Короче, обосновались. Значит, вроде местные, свои. С другой стороны, ясно, что дома эти для них – забава, игрушка. А это местным очень обидно.

Дачники делятся на несколько подкатегорий.

В самом низу иерархии находятся «беззаботные». Это бесшабашные группы столичных жителей, приезжающих сюда навалом, когда бог на душу положит. Дома свои они как следует не содержат. Гвоздя не забывают. Целые дни сидят на кухне и треплют языком. А потом вдруг, неожиданно снявшись, гурьбой идут за малиной, или по ягоды, или купаться на многокилометровые песчаные пляжи Унжи. У «беззаботных» всегда весело. По утрам местные носят им молоко и свежую картошку. Вечерами дачники палат костры на реке и под гитару жарят «шашлыки» (именно так и говорят: «шашлыки», во множественном числе). И вдруг без всякой подготовки – все разом на своих «Жигулях» и дешевых иномарках обратно в Москву отправятся. До следующего года.

Избы их иногда горят. По тем или иным причинам. Скажем, захочется им накалить русскую печь – так они ее, как паровозную топку, закидают кругляками. Сажа-то в нечищенной трубе и займется. Но это мало кого заботит. Другую избу можно купить. Не проблема. Их тут – море. Лишь бы пламя не перекинулось на деревенские дома. Тогда – настоящая беда. Ведь любой деревенский дом за 20–25 минут выгорает дотла. Даже если «пожарка» приедет вовремя, что она может сделать? Из колодца до дна за секунду воду засосет, а где потом воды взять?

Над «беззаботными» поднимается надстройка «трудовых бедных».

Это тоже столичные жители и собственники местных домов. Но приезжают сюда они не для веселья, а для разумного отдыха и пополнения запасов продовольствия. В городе это – чистой воды бюджетники: участковые врачи, школьные учителя, инженерная каста. Пережить лето в городе и хоть немного отдохнуть на курорте они не могут по финансовым соображениям. Вот и тянутся в деревню. У них все по науке. Дома подправлены и обустроены. Огород родит, как на приснопамятной выставке ВДНХ. Запасы делаются тоннами. За каждый рубль продукции, приходящей из деревни, торгуются и знают все цены в округе. Местные таких недолюбливают. Лидерство в ведении хозяйства деревенские признают только за собой. «А тут еще эти городские. Знаем мы их! Какие они хозяева».

Несколько в стороне стоят «постоянные». Это столичные жители, прочно осевшие в деревне и живущие на средства, получаемые от сдачи московских квартир. Иногда они даже прописываются в сельсовете, детей посылают в местную школу, обзаводятся скотиной и трактором. Таких местные не любят в первую голову. «Свои доллары стригут ни за что, а мы тут вкальваем». Такая вот интерпретационная парадигма.

И, наконец, над всеми дачниками возвышается категория «богатых».

Вообще, это группа весьма неоднородная. Например, в нее входят истинно богатые, т.е. по московским меркам полу- и недоолигархи и представители крупного капитала. Но и богатые победнее тоже имеются. После достижения полной пресыщенности на всей поверхности земного шара их потянуло на соленый огурец и кислую капусту, фигурально выражаясь. Лучшего края, чем Мантуровщина, для людей с таким синдромом не отыскать.

Купят пару или более того соседних домов, поднимут их, начнут «фан-фермерство» [от англ. *fun farming*, т.е. ведение убыточного хозяйства удовольствия ради]. Завезут лошадей, коров, овец, технику, наймут народ. (С работниками между тем самые сложные проблемы возникают. Хоть и за хорошие деньги, но никто уже работать не может. Навыки ушли. Можно сказать, безвозвратно. Поэтому работников, как правило, завозят извне.)

Из Москвы приезжают либо на «тойотах лендкрузерах», либо на военных вертолетах, которые их прямо за околицей и высаживают – с домочадцами вперемешку с ротвейлерами. Здесь уж, конечно, – гонки на водных мотоциклах на реке, фестивали воздушных змеев, гонки воздушных шаров и все в том же духе. В переоборудованных (но не перестроенных) домах полно техники: посудомоечные машины, микроволновые печи, хлебопечки «Хитачи». Но русские печи и самовары оставляют. Для колорита. Что касается самоваров, то без их внушительной коллекции ни один богатый московский дом немислим. Начищенные, отреставрированные в Москве на рынке «Вернисаж» в Измайлово, они смотрятся как музейные экземпляры. Музейные-то музейные, но дело свое знают, воду кипятят по-настоящему.

Что касается бань, то это сакральное. Новая русская религия. В любом раскладе событий, в любой ситуации баня – фокус притяжения и центр мироздания. Плещутся там, обливаются крутой от холода колодезной водой, парятся. Тут же в предбаннике закусывают, завернув нехудые тела в простыни.

Сеновалы, похожие по масштабам на самолетные ангары, очищенные от сеной трухи, вымывают дочиста и превращают в настоящие кинотеатры. С большими экранами, мультимедийными проекторами и круговым звуковым усилением. Там же и семейные концерты устраивают. С живым звуком, электроорганом и массой веселья. Местных зрителей приглашают, не гнушаются. Приходите, люди добрые! И плывет над деревней живой электронный звук мягкого рока. Станный бутерброд получается.

Эта своеобразная, в чем-то сюрреалистическая картина бедности и богатства, жизни и смерти, великого и мизерабельного оттеняет ростки нового уклада, появляющиеся то здесь, то там.

Многие местные начальники и просто деловые люди сообразили, что к крупномасштабному сельскому производству в этих краях пути обратно уже не будет. Не будет тысячных стад, распаханых до горизонта полей, молокозаводов-гигантов. Ни при каких обстоятельствах. Дело в том, что местная продукция, как ее ни производи, очень дорога. То же самое на юге России про-

дают в три раза дешевле. При общенародной плановой экономике на это не обращали внимание. А теперь обращают. По необходимости. На публике по идеологическим соображениям об этом еще открыто не говорят, дабы не возбуждать народ, но в частных беседах – очень часто.

А что будет? Скорее всего, новая экономика здесь будет носить «очаговый» характер. И возникать она будет совсем по другим основаниям – вокруг доходоприносящих «фокальных» центров. Например, сельского туризма.

Те же самые сельские избы, уже опустевшие, но еще не распавшиеся, превращают в пейзажные гостиницы со всеми удобствами для любителей русского колорита: завораживающих ландшафтов, свежего воздуха и здоровой органической пищи. Набор услуг бывает самый разный: от минимального до почти городского. Но тут вторгаются в эту «одну счастливую деревню» внутренние проблемы, а именно – местная психология. И владельцы бизнеса, и обслуживающий персонал на все смотрит сквозь призму быстрого обогащения. Побыстрее бы «слупить» с туриста как можно больше. Вот главная задача. Добавляется к этому и глубинная нелюбовь к сервису как таковому. «Подумаешь, городской. Знаем мы их. Чего на них горбатиться». Обслуживание вообще считается среди местных чем-то постыдным. Поэтому и получается, что сельский туризм в основном вовлекает специалистов привозных, а местные все еще борются с демонами в своих душах. Надолго ли их еще хватит? Не демонов, а жителей...

Даже такое дело, как охота, постепенно становится точкой не только браконьерского, но теперь уже и делового притяжения. Небольшие охотхозяйства переходят на коммерческий формат. Они четко блюдут численность животных в своих квадратах (иначе на кого же охотиться?) и пуще всякой государственной егерской службы, впрочем, практически несуществующей, по законам тайги изводят браконьеров, своих злейших врагов и конкурентов.

Ко всему этому добавляется ягодный и грибной промысел, поставленный на коммерческую основу. Травный сбор. Чистая органическая сельхозпродукция – безумно дорогая, но, тем не менее, весьма востребованная.

Вокруг всех этих очагов новой экономики заново возникает и сельское хозяйство, но в объемах, строго продиктованных нуждами сервисного бизнеса. Не больше и не меньше. Сторонникам старых экономических форматов все это может показаться сущей мелочевкой, о которой и говорить-то неприлично. Но это не так. По мелочам собранная и выстроенная сервисная экономика, быть может, единственный выход из положения, да и в совокупности она, по расчетам специалистов, может давать не меньше доходов, чем большое и бывшее сельское хозяйство, которого уже и нет. Да и потом, есть ли альтернатива «очагам»? Только дальнейший путь на дно. А так – еще и побороться можно.

Бажино

«Бажино» – это имя деревни. Она и на любой карте есть. Но местные знают: деревня брошена. Целиком.

...УАЗ, слегка прибуксовывая на песчаных откосах дороги, благополучно проходит Запильское (здесь еще осталось несколько живых домов, в основном московских), спускается к речке и благополучно взбирается на другой берег. По всему видно – это первая машина за все лето, идущая в Бажино. Дорога почти не проглядывается. Молодой кустарник хлещет по днищу машины. Наконец, на вершине холма появляется и само поселение – живое или мертвое. Аккуратный ряд домов, ни одного рухнувшего сруба или провалившейся крыши. Оконные рамы и двери не выворочены с мясом, как бывает. Но все безжизненно. Метелки цветущей крапивы и зонтики борщевика – в полтора человеческих роста. Прямо-таки джунгли, в которых утопают и дома, и дорога.

В центре деревни можно ставить смотровую площадку. Панорамный вид на все 360 градусов – просто бесподобный. Глаз не отвести. Далеко на горизонте чуть поблескивает Унжа. Далеко внизу идут, словно игрушечные, автомобильчики по трассе. Кругом – поля и деревня Федоровское со своими кажущимися отсюда кукольными домиками. Но она явно за границей. Это уже Макарьевский район. «Не наши». И множество по-

лей, как ни странно, засеянных овсом. При общем запустении зачем здесь овес? Ответ прост: овес сеют охотники на медведей и кабанов. На овсах ночью зверя легче бить из прикрытий-шалашей.

У одной из изб вроде бы какое-то шевеление. Так и есть, живые люди. К машине подходит хозяин. Удивлен встрече не меньше нас. Здесь он с женой и двумя сыновьями. С ребятами что-то не в порядке. Все время улыбаются без причины. Похоже, ДЦП. Короче, обычная семья из Москвы. Два года не появлялась в собственном доме. А когда приехали, то и обнаружили, что деревня полностью обезлюдела, все дома вскрыты, включая и их собственный, вся чугунина с печей и плит исчезла, как, впрочем, и нехитрая кухонная утварь. Так что москвичи теперь кормятся на костре. Идет возврат к первобытным временам.

– А что с электричеством?

– Вроде бы не отрезали линию. Но столб упал, а поправить некому. Кто сюда поедет.

– По другим избам пройтись можно?

– А почему нет? Идите. Все двери открыты.

В домах разору нет. Ни мусора, ни провалившихся полов. Все чин-чинарем. Даже печи в порядке. Только металлических изделий не сыскать. Все снято. Но, как бы то ни было, – приезжай, живи... Немного усилий – и лучшей дачи в мире не сыскать. Но – нет, дачники сюда не рвутся. А напрасно...

Церковь Воскресения

...На въезде в Угоры – большое село в Мантуровском районе – стоит церковь Воскресения. Это самое начало XIX в. Церковь во всех отношениях удивительная. Большая, двухсветная, с огромной колокольной. Это почти что целый собор. Когда-то она была выстроена на самой обочине Старо-Вятского тракта, по которому подобно той самой знаменитой Владимирке, гнали кандалников в Сибирь. Во многих местах здесь еще остались участки дороги, вымощенной камнями, вокруг которой, как вокруг оси, вращалась российская история позапрошлого века.

В церкви венчались Наталья Дмитриевна Апухтина и Михаил Александрович Фонвизин. Здесь же, на относительно небольшом расстоянии, на высоком берегу Унжи была их усадьба «Отрада». Фонвизин – известнейший генерал, герой Войны 1812 года, участник Северного общества декабристов, в котором занимал самый высокий военный пост. Апухтина, по общему мнению всех пушкинистов, наиглавнейший прообраз Татьяны Лариной из «Евгения Онегина». После восстания на Сенатской площади генерал был арестован под Москвой и отправлен по этапу в Читу. По иронии судьбы его путь проходил точно мимо церкви Воскресения и своей усадьбы, что стояла на Старо-Вятском тракте. Наталья Дмитриевна вскоре начала движение жен декабристов и сама отправилась в Сибирь, где прожила многие годы рядом с мужем. После его смерти она вышла замуж за Ивана Пуцуина. Сохранилась ее сибирская переписка с Достоевским...

Церковь закрыли в 30-е роковые. Но еще несколько десятилетий она стояла нетронутой. В годы последней войны в ней разместили эвакуированных из блокадного Ленинграда детей. В начале 60-х церковь по случаю сожгли приехавшие «на картошку» горожане, баловавшиеся костром на алтаре. Так и стояли десятилетиями обезображенные стены без крыши и с вырванными решетками и полуразвалившаяся колокольня. Иногда жители Угор вдруг возбуждались и устраивали субботник. Расчищали мусор вокруг стен, убирали на скорую руку и внутри. Порой даже в приливе энтузиазма завозили пиломатериалы с отдаленной мыслью что-то сделать с церковью, ведь получается как-то нехорошо. Кругом идет возрождение православия, а тут такое непотребство на глазах у всего честного народа. Но за первым субботником не следовали другие. А через неделю-другую темными ночами сами же местные аккуратно разворовывали пиломатериалы, собранные на коллективные подношения. Вскоре все вокруг храма зарастало метровыми сорняками и кустарниками. Такой вот круговорот энергии в природе.

Несколько лет назад церковь Воскресения стали восстанавливать по-настоящему. Озаботился этим в первую очередь глава районной администрации и местные бизнесмены. Тут

и финансирование пошло, и проект составили. Вот только с рабочими осечка вначале вышла. Ни одна местная бригада во всем районе, оказывается, не могла взяться за подряд. Задача сложная, нестандартная (не баню рубить!), мастеров уже давно нет, да и желания тоже. Ведь работать надо! И руками, и головой. А не жаловаться до бесконечности, как было хорошо при колхозном строе. Не то что теперь...

Тогда каким-то образом пригласили бригаду из Ферганы. Незадорого. Оформили регистрацию и дали отмашку. Трудитесь, братья по СНГ. Потом сочтемся. Поселили их в ближайшей избе.

С подозрением местная досужая публика смотрела на то, что получится. Присматривалась не без опаски. И действительно, работяги были «не наши». Днем устраивали намаз прямо в храме. Намаз не намаз, но дело буквально горело в их руках. Такое впечатление, что просто родились строителями. За один сезон церковь восстановилась и засверкала новой крышей, окнами и свежей штукатуркой. Во все окна вставили специальные стеклопакеты, сделанные по специальным лекалам. Красота несусветная! Вокруг стен, как последний аккорд, положили асфальтовую отмостку – предел местного строительного шика. Никто такого не ожидал. С одной стороны, «понаехали тут всякие», с другой, все сделали так, что и предположить было трудно. Молва говорит, расплатились с бригадой как-то нехорошо. О чем местные сожалеют, все-таки какие-никакие, но люди, и сработали исправно. Так что угрызения совести стали проявляться. И это отраднo. Раньше такого не наблюдалось.

Так и стоит теперь гордая церковь Воскресения. Сверкает цинковой крышей. Особенно в пасмурные дни. Прямо глаза слепит. Правда, приход формируется медленно. Священник только наездами. Но это уже другой разговор.

Барский колодец

Парадокс – и только. Здесь, в Унженском крае, где кругом реки, ручьи и озера, хорошая питьевая вода – проблема! Впервые, из открытых водоемов брать воду для готовки как-то

не принято. Во-вторых, роют колодцы плохо. Глубже 4–5 метров не проходят. По весне вся паводковая дрянь с поверхности льется прямо в колодец, отчего он весь оставшийся сезон дает буро-коричневую воду, почти коньячного цвета. Москвичи ее фильтруют, как могут. Но удовольствия от этого мало. Местные обходятся без фильтров.

Скважин не пробивают. Даже профессиональные гидрологи. Все затягивает пльвунами, если не добраться до глубинного горизонта метров в 50. Остается только колодец.

Сооружение колодца – это целая традиция и эпопея. Сначала землекопы ходят вокруг дома с какими-то усиками из алюминиевой проволоки и прилюдно соображают, где рыть, где «вода есть». По моим понятиям, шаманство, но так тут принято.

Потом начинают рыть. Обычно человека три. Заранее договариваются с хозяином, из чего колодец делать. Можно по старинке сруб рубить. Но могут обмануть и вместо осины на рубить сруб из сосны. Тогда колодезная вода такой запах будет давать, что не дай Боже. За всем уследить надо. Но в последнее время и в это дело шагнул прогресс. Мужики изготавливают здоровенные цилиндрические формы из листового проката, свинчивают их и вкапывают по месту. Эту опалубку заливают бетоном с проволочной арматурой. Кольцо застывает. Они его вновь подкапывают. Кольцо под собственным весом скользит вниз. На него громоздят следующее. И так далее, и так далее.

Как глубоко копать? Это вопрос вопросов. Эпопею по науке начинают в конце февраля – начале марта. Земля уже подтаивает, а грунтовые воды еще не подступили к поверхности. Лучшее время для работы. Казалось бы, все предусмотрено и все сделано. Но тут подстерегает одна напасть. В этих краях все время встречаются пльвуны. Это слои мельчайшего, почти пылевого песка, который проникает во все щели колодезного сруба и губит воду. Такой водой, мутной и несвежей, даже машину вымыть не получается, а уж пить... Стоит землекопам наткнуться на пльвун, рабочие становятся мрачными, неразговорчивыми, пытаются побыстрее рассчитаться с хозяином – мол, на следующий год все закончим. Исходя из опыта, лучше такой неудавшийся проект закапывать сразу и рыть новый колодец. Жалко, конечно, прораченных денег и времени, но выхода нет.

В округе только один чистейший колодец – «барский». Почему барский? Наверное, потому, что он вырыт на границе усадьбы Апухтиных-Фонвизиных и деревни Давыдово.

Отрыт колодец у дома Юлии, пожилой крестьянки. Зрение у нее плохое. И потому смотрит она на мир сквозь мощные очки, почти что телескопы. К ней вся деревня ходит за водой. И москвичи-дачники тоже. На машинах привозят капроновые бочки и заливают их водой. В дом из глубин колодца идет шланг с насосом. Но его Юля не дает. Для сохранности. «И тока лишнего тоже нет». Предлагает использовать здоровенную жердь с прикрепленным ведром на конце. Вначале эта жердь вырывается из рук и постоянно опрокидывает полное ведро. Но потом привыкаешь.

На то, чтобы залить все емкости водой из барского колодца, нужно минут сорок. И немало усилий. Тут выйдет на улицу и сядет на крыльцо Юля. Посмотрит на работу, поговорит о том, о сем. Чаще всего о болезнях. О светлых колхозных днях. О плохой современной жизни.

Как-то из-за спины Юли выскочил парнишка-подросток. И сходу: «Дайте я вам помогу. Все сам сделаю. Только вот нам вдвоем надо будет отнести фляги в машину. Мне одному не вподъем». Выясняется – из Москвы, внучок далекий. Дело сделал быстро, весело, с настроением. Даже удивительно. Смущенно комкает в ладони пятидесятку: «Да не надо. Я просто так». Это уже не по-московски. Ему бы тут малый бизнес наладить. Приторговывать барской водой и услугами. А он – «неудобно»...

Через неделю неспешная, почти недвижимая жизнь деревни Давыдово на полдня возбудилась. Ночью Юлина изба дотла сгорела. Сама хозяйка была в больнице в Костроме, а племянники-внуки, верно, забыли электроплитку выключить. Такая вот версия. Горящую избу лениво тушили водой из барского колодца. Забили его головешками и обломками каких-то досок. Но в целом дело безнадежное. Тут уж ничем не поможешь.

Попутру соседи слегка помародерствовали на пепелище. Это святое. Так все делают. Через пару месяцев разобрали по домам кирпич от развалившейся печи. Печная чугунина исчезла, разумеется, раньше всего.

Юля так и не приехала из Костромы. Говорят, ее перевезли к родственникам в Москву. Говорят, ее уже и нет, и что другая дочка, из Мангурова, даже на похороны не приезжала. Деревня все знает.

Колодец остался. И даже жердь с худым ведром прислонена к остаткам забора. Но вода стала непригодной. Замусорена до предела. Никто воду не берет. А если циркуляции нет, то и пользы в колодце – ноль.

Помещичий дом. Дверь Татьяны Лариной

Все всегда спрашивают: «Дом-то из “Евгения Онегина” сохранился? Есть он или нет?» Дома нет. Но, можно сказать, он сохранился. По-своему.

Усадебный дом, судя по всему, был небольшим и архитектурно невыдающимся. Небольшая и небогатая усадебка в Кологривском уезде, так в XIX в. именовались эти места. И вообще здесь усадьбы были неказистые. Пятнадцать-двадцать душ крепостных уже считалось большим владением. Зато сохранилась переписка Н.Д. Апухтиной со своим управляющим. Она из Сибири дает ему распоряжения, просит прислать денег. Ясное дело, в Красноярске, в ссылке и на поселении с мужем деньги ей были нужны.

Дом, какой ни есть, стоял на высоченном берегу Унжи, фасадом обращенный к бесконечным таежным далям. (Даже теперь кажется, что в этой высоте есть что-то совсем неземное, словно лежишь на вертолете, а внизу поля, пойменные луга, змейка реки.) Все пространство вокруг дома засадили липами, соснами и акацией вдоль дорожек. На обрывистых склонах высокого берега разбили парк и сделали террасы и партеры, чтобы спуститься к воде было легко и приятно. Как ни странно, почти все это сохранилось до наших дней. Конечно, парк зарос страшно. Сосны поднялись до небес. Липовые аллеи кое-где поредели. Посадки акаций и сейчас обозначают планировку старого парка. Все живо, все вопиет, все разговаривает на свой лад.

Целая группа ботаников, краеведов и ландшафтных архитекторов не так давно воссоздала план парка и проекцию фундамента усадебного дома. Все это опубликовано в научной литературе.

Во второй половине XIX в. Апухтина дом продала. Новые хозяева то ли его снесли и построили новый, то ли старый дом сдвинули и перенесли ближе к деревне. После Октября в нем был пионерский лагерь, возможно, школа. Потом дом и вообще исчез. Ни одного снимка или рисунка не сохранилось. Только по крестьянских домах все еще можно найти то шкаф, то кресло, то сундук прежних хозяев. Иногда показывают на массивную филенчатую дверь, явно сделанную не крестьянским столяром. «Из барского дома!» Ясное дело. Дверь Татьяны Лариной. Не иначе.

В парке (местные называют его «Липки») всегда пустынно. Редко-редко местная молодежь придет сюда вечерком с бутылочкой и шашлыками. Но это один-два раза за лето. А так тишина, покой, шумят на ветру кроны лип, гудят ветви корабельных сосен, касающихся своей хвоей кучевых облаков. Мягкий ветер несет с лугов запахи лечебного разнотравья. Далеко внизу извивается километровыми песчаными отмелями Унжа. Ни души. Ни одного инородного звука. Ничего. Заснуть, забыться.

Не так давно на одной престижной посиделке творческой интеллигенции в Госдуме в защиту испокон века все гибнущей и гибнущей русской культуры (сколько гибнуть-то можно!) случайно оказался рядом с молодым, но уже известным баритоном из Большого. Спрашиваю:

– Онегина поете?

– А как же. Случается.

– Не хотели бы поучаствовать в концертном исполнении «Онегина» под открытым небом в усадьбе Татьяны Лариной в Костромской области?

– Пусть филармония этим займется. А так недосуг. Сами понимаете.

Баритон прокашлялся, прокачал связки и сменил тему разговора. Конечно, понимаю. «Моя все понимает».

...В июне кочки и бугорки сплошь покрываются в парке каплями крови. Но это не кровь, а земляника. Иногда ее собирают. Чаще всего нет. Некому. Некогда. Опять же недосуг. Трудное это занятие.

Долгий путь на Ближний Север. Непростой. И по расстояниям, и по времени. И по тем впечатлениям, кои собираются сами собой и нанизываются на какие-то сквозные темы.

Магия северной природы

Таежные ландшафты

Все регионы Ближнего Севера лежат в природной зоне тайги. Она представляется многим читателям-горожанам глухими непроходимыми лесами, сплошными дебрями со множеством медвежьих углов и затерянными в глухомани редкими поселениями. Между тем, здесь зародилась и расцвела русская северная культура, здесь возникли города с их ремеслами, монастыри с их художниками-иконописцами и летописцами, знатоками земледелия. Здесь родился особый фольклор. Отсюда на восток продвигались землепроходцы. Представления же о диком Севере – это миф, сложившийся у несведущих людей. Правда, его поддерживала характерная для прошлого неосведомленность даже людей образованных.

В толковом словаре В.И. Даля (1860-е гг.) тайга – это «обширные, сплошные леса, непроходимая, исконная глушь, где нет никакого жилья на огромном просторе, кое-где зимовка лесоповальщиков... **Таежник** – проживающий или промышляющий в тайге; золотопромышленник, либо зверовщик».

Постепенно этот миф разрушался. В Большой энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова (1896) тайга характеризуется как сибирское явление. «Весьма употребительное в Сибири название для сплошных, совершенно диких некультурных пространств хвойного леса; значительная часть сибирской тайги заболочена и представляет малоценные леса; обширные участки, кроме того, совершенно испорчены лесными пожарами. Большая часть тайги ни к какой культуре негодна; только за последнее время делаются попытки выделения из нее участков более ценного леса, имеющего государственное значение, с другой стороны при-

влекаются разными льготами переселенцы на сколько-нибудь пригодные места, что продвигается крайне медленно; судьба тайги вероятно на много лет быть почти исключительной ареной бродячего охотничьего инородческого населения и золото-промышленников, временно привлекаемых в тот или иной участок тайги богатством ее золотоносных россыпей».

Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона (1890–1907) содержит развернутую статью о тайге «Тайга в колонизационном отношении». Хотя она больше посвящена Сибири, но наглядно показывает, как менялись представления о таежных лесах. «Еще... до середины 90-х гг. XIX ст. таежные и урманские пространства Сибири были совершенно не исследованы и считались непригодными для заселения и, в частности, для земледельческой колонизации... как по почвенным и климатическим условиям (крайняя суровость климата, избыток влаги), так и по трудности расчистки леса под уголья... Делавшиеся иногда попытки отвода земель под заселение по окраинам тайги почти всегда оканчивались неудачей: либо участки не заселялись, либо водворившиеся на них переселенцы переходили на более удобные места. Но исследования эти ... имели огромное значение, так как выяснили совершенную ошибочность прежних представлений о тайге: выяснилось, что, благодаря разновременным громадным пожарам, первобытные таежные леса выгорели на значительных пространствах, которые превратились в так называемые “гари” и “елани” – площади, покрытые березовым и осиновым редколесьем или даже вообще безлесные, а потому более или менее легко доступные для культуры; вместе с тем почвенные условия во многих местах достаточно благоприятны для земледелия, и такие препятствия для этого последнего, как избыток влаги и суровость климата, в значительной мере устраняются под влиянием заселения и культуры. Ввиду этого во многих таежных районах открыты работы по образованию переселенческих участков, которые дают и обещают давать в будущем очень удовлетворительные, в общем, результаты».

Мы видим, как знание о таежных землях, добытое серьезными исследователями, вытесняло ложные представления. Но многие современные описания таежных территорий остались

довольно однобокими. Это либо природоведческие, либо культурологические описания. Так, в современном Географическом энциклопедическом словаре (1988) определение термина «тайга» содержит только естественнонаучные (преимущественно ботанические) признаки: «Зональный тип ландшафта, представленный растительностью хвойных лесов (бореальные виды ели, пихта, лиственница, сосна, в том числе кедровая) с примесью лиственных пород... Тайге свойственно отсутствие или слабое развитие подлеска, однообразие травяно-кустарникового яруса и мохового покрова. По зональному принципу выделяют северную, среднюю и южную тайгу... По видовому составу различают светлохвойную тайгу (сосна, кедр, лиственница) и наиболее характерную темнохвойную (ель, пихта)...

Физико-географические описания зоны тайги богаче. В них присутствуют сведения о почвах, разнообразии рельефа, формирующем провинциальные различия зоны, о климате.

Географы, исследующие ландшафтную структуру таежной зоны, указывают на присутствие там не только зональных лесных природных систем, но и болот, речных долин, озер, разнообразных культурных ландшафтов».

Рис. 1. Южная тайга в Костромской области между реками Унжа и Ветлуга

Анализ космических снимков зоны выявляет множество лесных территорий, а также ареалов вторичных сообществ, сформировавшихся на вырубках, реже – зарастающих гарей: «это не только собственно бореальные леса, но и вся совокупность самых разнообразных природных экосистем, расположенных в зоне распространения бореальных лесов».

Рис. 2. Река Унга

Особая роль на Севере, и в зоне тайги в частности, принадлежит речным долинам. Они были путями освоения территории еще в неолите. Это основные оси развития, являющиеся таковыми и до настоящего времени.

Речная сеть в ее современном виде здесь сформировалась после окончания покровного оледенения. Территория Ближнего Севера испытывала также воздействие мощных потоков вод, образовавшихся при таянии покровного ледника. Эти потоки оставляли на современных междуречьях отложения – насыщенные гравием пески и супеси, иногда перемешанные с легкими суглинками. Подобные отложения встречаются и на высоких террасах крупных рек, представляя собой переотложенные продукты размыва ледниковых наносов и морены. Обширные участки грубых песков ледникового происхождения на низких междуречьях или в долинах рек называются зандрами. Таково, например, пространство между реками Унга и Ветлуга в их среднем и нижнем течении.

Речные долины являются основными элементами рельефа равнинных ландшафтов Ближнего Севера. Часто они имеют высокие правые борта, возвышающиеся над рекой на 60–80 метров. В крупных долинах четко выражены речные террасы.

Регионы Ближнего Севера Европейской России расположены в основном в зоне южной тайги, наиболее освоенной. С культурным северным ландшафтом ассоциируются и шедевры деревянного зодчества, и скромные часовни, и крестьянские избы, и поля ржи или голубеющего льна. Эти рукотворные элементы культурного ландшафта органично вписывались в северную природу, не разрушая, а насыщая северные пейзажи, они его неотъемлемые части. Их присутствием создается тихая красота пейзажей Севера. Тихим называет родной северный край Николай Рубцов: «Тихая моя родина, ивы, река, соловьи... Первый снег в замерзших руслах тихих рек... Тот лесной хуторок, задремавший счастливо меж звериных дорог...».

Магию белых северных ночей, одинаково прекрасных и в городе, и в сельском краю, замечательно передают писатели и кинохудожники. Вспомним Достоевского, Висконти, Кончаловского. Вспомним и петербургский музыкальный фестиваль «Белые ночи». Так, вместе с искусством природа Севера обретает свою магическую силу.

Животный мир Костромской земли

Птицы зимнего леса

Если спросить городского человека о птицах зимнего леса, то он, скорее всего, скажет, что их там нет. Охотник-любитель вспомнит о куриных – рябчике, глухаре, тетереве. Те, кто занимается охотой профессионально и добывает копытных и пушнину, скорее всего добавят врановых птиц – сойку, кукушку, ворона, прилетающих покормиться остатками добычи человека и таскающих наживку из капканов. Кто-то, возможно, вспомнит о дятлах, о совах. На самом деле в европейской тайге зимой обычны около двух десятков птиц, а если посчитать все виды, встречающиеся в зимнее время в лесной зоне, то видов будет больше пятидесяти.

В глухозимье, когда ветви деревьев укрыты снеговыми шапками, заметить мелких птиц в лесу непросто. Пискнет кто-то, перепорхнет между ветвями – и все стихло. Орнитологи, изучающие зимующих птиц, специально вслушиваются, а услышав писк, могут, если надо, подманить стайку свистом или магнитофонной записью птичьего голоса, чтобы определить состав входящих в нее видов.

Птицы, входящие в синичьи стаи, перепархивая в кронах деревьев, постоянно попискивают, поддерживая таким образом связь друг с другом. Что-то вроде: «Вы здесь?» – «Я тут! Как дела?» – «Все в порядке!» Если же обнаруживается что-то опасное – например, птицы находят притаившуюся среди ветвей сову, – начинают кричать громче. Более громкие сигналы раздаются и тогда, когда кто-то из членов стаи намеревается изменить направление движения, например свернуть или перелететь через поляну. Синичья стайка – название не совсем точное; кроме синиц, в нее могут входить и другие птицы – желтоголовые корольки, пищухи, поползни, малый пестрый дятел. Самих синиц в лесной зоне России семь видов.

При упоминании о синицах горожанам обычно сразу вспоминается большая синица – обычный посетитель зимних птичьих кормушек, с черной шапочкой на голове и желтым брюшком с черным «галстуком». Эти синицы обычны зимой в самых разных населенных пунктах – от больших городов до самых маленьких деревень. Редко встретишь их – как, впрочем, и других птиц – только в дачных и коттеджных новостройках, если, конечно, их жители не повесили кормушек. В лесах зимой большие синицы чаще встречаются на юге лесной зоны, там, где в древесном ярусе много черной ольхи, дуба и других широколиственных деревьев. В зоне тайги они зимой навещают леса только изредка, чаще во время оттепелей – проверить, как дела на их гнездовых территориях, куда они переселятся весной выводить птенцов.

Больше всего в лесах европейской тайги буроголовых гаичек, или, как их еще называют, пухляков. Пухляки живут в лесах, где есть хвойные деревья – ель или сосна. Довольно обычны они и в приручьевых ольшаниках с высокотравьем, хорошо развитым подлеском и отдельными елями. Как и большинство

зимующих лесных птиц, они избегают лесов из осины и березы – в их гладкой коре практически негде спрятаться насекомым и паукам, служащим птицам кормом, да и самим птицам среди голых ветвей не хватает укрытий.

Пары взрослых пухляков, которым весной удалось успешно вывести птенцов, круглый год придерживаются постоянного участка леса. Своих потомков, когда они вырастают – обычно это происходит ко второй половине июня – началу июля, – родители прогоняют. Молодежь стайками кочует по лесам, а к зиме присоединяется к паре взрослых – но не своих родителей. С ними проводит зиму, весной же взрослые выгоняют их со своего участка, и молодым приходится искать для гнездования другую территорию. Если кто-то из взрослых или оба не переживают зиму, их заменяют молодые птицы. Так участок обитания может существовать много лет – гораздо дольше жизни птицы (а она в природе обычно не превышает 5 лет).

Питаться пухляки предпочитают беспозвоночными – различными насекомыми, пауками, но в холодное время года охотно едят и семена. Семян же зимой в таежной зоне птицам доступно немного. Это семена бурьянных растений, торчащих из-под снега, семена березы, если они сохраняются до зимы, семена ольхи из шишек. Но особенно хороши как корм семена ели: они крупные и очень питательные. Ель плодоносит не ежегодно, а раз в 3–4 года, и, соответственно, корм то есть, то нет. Кроме того, большую часть времени чешуйки шишек плотно прижаты, и семена для мелких птиц, которые не могут их открыть, недоступны. Раскрываются шишки только в ясную, солнечную погоду, когда они нагреваются и высыхают. Обычно это происходит в конце зимы, в марте. Реже шишки открываются в ясные теплые осенние дни. Когда при большом урожае шишки раскрываются и семена начинают высыпаться, еловый лес превращается в гигантскую кормушку, и множество птиц – и синицы, и вьюрковые, и куриные – активно кормятся еловыми семенами. Пухляки в такое время не только наедаются вдоволь, но и запасают семена – прячут их в разные укромные места на стволах и ветках. Они могут запастись другой корм, когда его много, в том числе и насекомых. Места, куда спрятан корм, синицы не запоминают, отыскивая его позже

так же, как спрятавшихся на зиму насекомых, обшаривая подходящие укрытия. Получается общий «банк кормов» – запасы может найти и другая птица того же или близкого вида. Это отличает синиц от ряда других запасующих корм птиц, например от соек и кедровок, прячущих на зиму желуди и орешки кедра. Эксперименты, в которых оценивали скорость отыскания этими птицами своих и чужих запасов, показали, что свои кладовые кедровки и сойки помнят и отыскивают намного быстрее, чем чужие. Одна птица делает на зиму несколько сотен кладовых и запоминает, где они все находятся.

Добывать корм зимой пухлякам, как и другим синицам, позволяют специфические особенности их поведения. Главное – это их умение отыскивать скрытые кормовые объекты – спрятавшихся беспозвоночных, семена в соплодиях – и извлекать их – расклеивать укрытия, выковыривать, вытаскивать. Среди нашей орнитофауны это умеют делать далеко не все птицы. Например, трясогузка, пеночка, мухоловка или ласточка не могут извлекать спрятавшихся насекомых – у них нет для этого ни нужной программы поведения, ни специально устроенных клювов и лапок. Синицы же готовы расковыривать все что угодно. Широко известна история о том, как в Англии большие синицы научились открывать вначале оставленные на улице у порога дома торговцами молочные бутылки, закрытые крышечками из фольги, а позже – пакеты с молоком. У нас на Костромской биостанции был интересный случай, иллюстрирующий способность пухляков к поиску скрытых кормовых объектов. Как-то раз, размечая по лесу маршрут для учетов птиц, мы развесили на ветках бумажные «флажки» – сложили небольшие листки бумаги вдвое, надели на ветки и закрепили по бокам канцелярскими скрепками. Через несколько дней обнаружили, что пухляки «разгрызли» листки бумаги сверху. Видимо, решили проверить, не прячется ли кто-то в пустом пространстве между бумагой и веткой. Как же тщательно они обследуют, сканируют все возможные закоулки в заснеженном зимнем лесу! Кроме умения находить и расклеивать убежища насекомых и соплодия с семенами, синицам в их зимней жизни помогает еще одна их способность – «подвешиваться» на ветках сбоку и снизу, в том числе вниз головой, прицепившись на

согнутых лапках и крепко ухватившись коготками. Движение, которое они при этом выполняют, напоминает подтягивание спортсмена на перекладине. Для человека это упражнение достаточно трудно. Синицы же благодаря особенностям строения своих нижних конечностей выполняют подобные движения без специального усилия сотни раз в день. Это позволяет им осматривать ветки со всех сторон и находить убежища насекомых, в том числе и снизу, под ветвями и хвоей.

К сожалению, численность пухляков постепенно снижается. Отчасти на птиц влияют изменения климата. Зимы становятся теплее, а сырая осенняя и зимняя погода менее благоприятна для выживания птиц, чем более сухая и солнечная, хотя и морозная. Другая возможная причина – массовые вырубки таежных лесов. После рубок на месте ельников и сосняков вырастают леса с преобладанием березы и осины, где условия обитания для оседлых птиц гораздо хуже.

Кроме пухляков, из синиц в лесах Костромского Заволжья встречаются хохлатая синица – гренадерка, московка и лазоревка. Гренадерки – обитатели, прежде всего, сосновых лесов. Особенно они любят участки старого леса, где к сосне примешивается ель. Реже их можно встретить в ельниках. Как и у пухляков, взрослые птицы у гренадерок живут оседло, придерживаясь круглый год постоянных территорий обитания. По отношению к другим представителям своего вида гренадерки еще более нетерпимы: на участок обитания взрослых птиц зимой может быть допущена только одна пара молодых. Поэтому в одной синичьей стае не бывает больше 2–4 гренадерок. Московки же, наоборот, настоящие кочевники. Основная их масса обитает восточнее, в хвойных лесах Урала и Сибири. Корм московки, в отличие от гаичек и гренадерок, не запасают. Численность их колеблется в зависимости от условий среды и в значительной степени – от плодоношения ели. Если после нескольких благоприятных лет наступает бескормица, московки начинают кочевать и могут улететь очень далеко. Бывают годы, когда они массами долетают до Западной Европы. В Костромском Заволжье московки чаще всего встречаются в конце лета и осенью, во время кочевков. Но часть птиц остается на зиму, а потом и на гнездование. Лазоревки же по своей

«специальности» – птицы лесов южного типа, где есть широколиственные деревья. Костромское Заволжье – северо-восточная оконечность их ареала. Здесь они придерживаются поим больших рек, где есть ольшаники, ивняки, встречаются дубы и вязы. В некоторых частях своего ареала лазоревки, как и большие синицы, приспособились зимовать вблизи человеческого жилья. В Москве, например, среди птиц – посетителей кормушек, развешанных в парках и у домов, – одна лазоревка приходится примерно на десяток больших синиц. В Костромском Заволжье в населенных пунктах лазоревки, как правило, не зимуют, но на зарастающих ивняком и ольшаником заброшенных полях и лугах вблизи деревень встречаются регулярно. Кроме ветвей деревьев и кустарников, лазоревки любят осматривать стебли тростника, растущего по берегам водоемов. Как и стебель любого злака – соломина, – у тростника они внутри полые. Лазая по стеблям, лазоревки «простукивают» их клювом и осматривают внешние повреждения; обнаружив место возможной зимовки насекомых, они расклевывают тростинку. Несколько раз во время кочевков, в ноябре, в окрестностях Костромской таежной станции отмечали, кроме пухляка, представителей еще двух видов гаичек – черноголовую и сероголовую. Черноголовая гаичка – вид юга лесной зоны; ей для обитания нужны леса с участием дуба и ольшаники. Сероголовая же гаичка, наоборот, обитатель северных таежных лесов. Оба эти вида ведут оседлый образ жизни, нередко выбираясь за пределы основных территорий своего обитания.

Кроме синиц, в составе синичьих стаяк встречаются желтоголовые королюки и ополовники. Среди зимующих лесных птиц Костромского Заволжья эти виды в среднем занимают по численности королек – второе, а ополовник – третье место после пухляка. Королюки и ополовники – исключительно насекомоядные птицы; семена, в отличие от синиц, они в пищу не употребляют. Оба эти вида не запасают корм и широко кочуют. На станции кольцевания на Куршской косе Балтийского моря, где ведутся многолетние исследования миграций птиц, в ловушки в отдельные годы попадают многие тысячи королюков и ополовников, откочевывающих к западу из лесов Европейской России. В другие годы этих птиц может быть в сотни раз мень-

ше. Подобные явления характерны и для московки. Гаичек же и хохлатых синиц среди отловленных для кольцевания птиц никогда много не бывает. Орнитологи Куршской косы считают, что количество молодых птиц в осенних отловах отражает успешность размножения и связано с характером весенней погоды. Если весна ранняя и теплая, размножение птиц проходит успешно, и во время осенних миграций численность оказывается выше. При холодных, поздних веснах размножение птиц менее успешно, и численность их ниже. Эта закономерность бывает видна на примере корольков и ополовников. Для синиц же она «не работает». Конечно, кроме весенней погоды на численность птиц влияет и много других особенностей: урожая семян, летние засухи, зимняя погода и т.д. Эти факторы оказываются для синиц важнее весенней погоды.

И королек, и ополовник – птицы очень своеобразные. Королек «знаменит» тем, что это одна из самых маленьких из обитающих у нас птиц. Мелкие размеры позволяют королькам свободно передвигаться по ветвям ели и выклевывать спрятавшихся в хвое насекомых и пауков. Это гораздо сложнее, чем может показаться на первый взгляд – для большинства птиц передвижение по тонким ветвям ели представляет значительные трудности. Диаметр концевой еловой ветки – около 3 мм, она густо покрыта иголками толщиной около 1 мм, короткими, скользкими и колючими. Иголочки мешают лапке птицы уцепиться за стержневую ветку; обхватить ветку вместе с иголками целиком тоже непросто. К тому же ветки пружинят, а часто еще и свисают вниз. У корольков же, кроме мелких размеров, еще и длинные пальцы на лапках; благодаря этому они могут передвигаться по еловой ветке как по лесенке, обхватывая пальцами по несколько хвоинок. Осматривать концы ветвей королькам помогает также специфический поведенческий прием – трепещущий полет, или «зависание в воздухе». Этот прием доступен только очень мелким птицам и насекомым; им широко пользуются бабочки-бразники, колибри. Среди наших птиц кроме корольков его используют пеночки, приспособленные разыскивать насекомых среди листвы. Птицы при этом останавливаются в воздухе на одном месте, очень часто взмахивая крыльями. По этой особенности поведения корольков в си-

ничьей стае легко отличить от других птиц. Зимой королюшки, кроме лесов с елью, часто держатся в сосняках; лиственных же лесов избегают.

Ополовники, или длиннохвостые синицы, – обитатели смешанных и сосновых лесов. По форме эти птички напоминают пушистый шарик на палочке – из-за очень длинного хвоста. Возможно, с формой тела связано их название: ополовник – половник – ложка на длинной ручке, которой разливают суп. Известно, что хвост у птиц служит рулем при полете; длинный хвост свидетельствует о том, что птица способна к очень маневренному полету. Среди наших птиц ополовник – один из немногих, кто успешно кормится на тонких концевых ветвях берез. Можно отметить, что по своей структуре кроны берез существенно отличаются от других наших лиственных деревьев. Их концевые ветви чрезвычайно тонкие (менее 3 мм в толщину), очень гибкие и прочные. Такая особенность помогает березе отвоевывать пространство в конкурентной борьбе с другими видами деревьев: при ветре ветви берез охлестывают кроны соседних деревьев, мешая им расти. Особенно успешно береза «сражается» таким образом с сосной; это хорошо заметно, если обратить внимание на форму крон растущих рядом деревьев. Благодаря своей тонкости, гибкости и прочности тонкие ветви берез издавна используются человеком на веники – для подметания дорожек, для бани. Периферические части крон берез, где ветви формируют густую сетку, неудобны для передвижения птиц, так же, как и тонкие ветки елей. Ополовник же благодаря своей маневренности успешно перепархивает среди березовых ветвей; используя хвост как балансир, прицепляется к тонким, свисающим вниз веткам. В отличие от других зимующих птиц, выводки у ополовников не распадаются до следующей весны, и их стайки – это 2–3 выводка, молодые птицы с родителями. Ополовники в стайках очень привязаны друг к другу; если часть птиц попадает в руки исследователей, кольцующих птиц, остальные не улетают, а с тревожными криками перепархивают рядом. Стайность помогает ополовникам переживать холодные зимние ночи – они ночуют в различных укрытиях (иногда под снегом), тесно прижавшись друг к другу. Поэтому при кольцевании очень

важно быстро отпустить птиц, чтобы они не отбились от своей стайки.

Виды, входящие в зимние синичьи стаи, хорошо различаются по своей специализации в выборе мест поиска и добычи корма; это позволяет им снизить конкуренцию между собой. Разделение ресурсов осуществляется за счет предпочтения разными видами различных древесных пород или частей крон. Так, различаются виды – «хвойники», предпочитающие кормиться на ели и сосне – желтоголовый королек, московка, хохлатая синица, пухляк, и «лиственники» – лазоревка, черноголовая гаичка, ополовник, большая синица. По предпочтению частей крон можно выделить птиц, приспособленных к поиску корма на тонких ветвях – короляка, ополовника, лазоревку, на более толстых скелетных и сухих ветвях – пухляка, хохлатую и большую синиц, и «ствольников». Среди постоянных участников синичьих стай «ствольников» два – обыкновенная пищуха и поползень. Пищуху можно встретить как в хвойных лесах, так и в лиственных. Для нее важна структура коры на стволах – гладкая она или трещиноватая, поэтому деревья с гладкими стволами – березы, осины, серая ольха – для нее неблагоприятны. Пищуха своим тонким, длинным, изогнутым клювом «зондирует», как пинцетом, трещины коры и извлекает оттуда спрятавшихся на зимовку насекомых и пауков. Передвигается она при этом по стволу всегда снизу вверх, опираясь при движении на хвост, так же, как и дятлы. Часто двигается по стволу по спирали; изредка забирается и на толстые ветви. Поползень же бегает по стволам и толстым ветвям, хватаясь за кору только своими сильными, цепкими пальцами ног, и на хвост не опирается. Хвост у него короткий, клюв мощный, похожий на клюв дятла, тело плотное, вальковатое. Кроме беспозвоночных, поползень зимой используют в пищу семена. В Костромском Заволжье зимой можно встретить поползней двух подвигов – европейского и сибирского. И тех, и других очень мало. Европейские поползень обитают там, где есть дуб и лещина, т.е. в основном юго-западнее, в подзоне европейских хвойно-широколиственных и широколиственных лесов. Зимой, кроме беспозвоночных, они едят желуди и орехи: сначала забивают их в «развилку» трещин на коре дерева, а потом раздалбливают и выклеивают мякоть. Где-нибудь в Калужских

засадах можно в начале зимы найти поползневую «столовую» – старый дуб, утыканный в нижней части выпотрошенными половинками желудей. Сибирские поползни используют в пищу орешки кедра. Поскольку в Костромском Заволжье кедра нет, а дуба и лещины очень мало, поползни здесь – редкость. Они изредка появляются во время кочевков, в очень небольшом количестве зимуют и остаются на гнездование в хвойно-лиственных лесах речных долин. Большая часть пищух и европейских поползней круглый год не покидает эту территорию. В синичьих стайках они чаще всего встречаются парами, реже по одной или по 3–4 птицы. Поползни сибирского подвида более склонны к стайности; если вдруг встречается стайка из нескольких поползней (что очень большая редкость), то это, значит, кочующие «сибиряки».

Синичьи стаи передвигаются по лесу довольно медленно – за ними большую часть времени можно идти по лесу, «тропить» их в обычном темпе пешего человеческого шага. Движение то замедляется в местах, где птицы рассредоточиваются и активно кормятся, то ускоряется. На человека птицы внимания практически не обращают – не пугаются, не пытаются спрятаться или улететь. Перепархивая с места на место, птицы обычно тихо попискивают. Писк разных видов для человеческого уха практически одинаков. Перед тем как сделать «бросок» или изменить направление, птицы начинают издавать более громкие сигналы, по которым разные виды хорошо различаются. Часто, покричав, птицы замолкают и быстро перелетают; в этот момент стайку легко потерять. В состав стаи обычно входят территориальные особи разных видов, чьи участки обитания перекрываются, плюс не территориальные птицы. Когда стая доходит до границ чьего-то участка, его хозяева отстают и возвращаются. Скорость движения птиц разных видов разная: быстрее всего перемещаются ополовники (их стайку временами можно тропить только бегом), медленнее всего – желтоголовые корольки. Поэтому состав синичьей стаи очень динамичен: кто-то присоединяется на время, кто-то отстает, кто-то улетает вперед. Тем не менее, ближе к середине зимы, когда кочевки в основном заканчиваются, выделяются более или менее постоянные участки обитания синичьих стаяк.

Виды, входящие в синичьи стаи, очень редко «летают по небу», как это представляется для птиц, – т.е. пересекают обширные открытые пространства или поднимаются выше крон деревьев. Обычно они перепархивают с ветки на ветку или между деревьями на уровне крон, а на полянах и опушках движутся по кустарникам или среди сухой травы. При этом птицы очень подвижны – ни минуты не сидят на месте. Стаи вьюрковых ведут себя иначе. Птицы подолгу сидят или перепархивают на небольшие расстояния между ветвей, копошатся в кронах одного или нескольких рядом стоящих деревьев, шелушат семена, оставаясь на одном месте. В какой-то момент стая со щебетом взлетает в воздух, пролетает несколько десятков или сотен метров и вновь устраивается на выбранном дереве. Стаи у вьюрковых обычно одновидовые, исключение – чечетки и чижи, которые зимой часто держатся вместе. В паузах между перемещениями птицы, как правило, ведут себя тихо и мало заметны; голоса их слышны, когда они взлетают и перелетают от одного места кормежки или отдыха к другому. В это время они в первую очередь и обнаруживаются наблюдателями. У каждого вида вьюрковых свои специфичные сигналы, и названия у многих видов звукоподражательные, повторяющие те звуки, которые они издают в полете: чечетка, чиж, клест. Кстати, синица – тоже звукоподражательное название; оно образовано от позывки большой синицы – «синь, синь».

Каждый вид вьюрковых приспособлен к питанию семенами своей определенной группы видов растений. Поэтому они практически не образуют смешанных стай. Исключение – чечетки и чижи, которые в своем зимнем питании похожи и сплошь и рядом держатся вместе.

Зимняя жизнь зверей

Следы на снегу помогают узнать, какие звери обитают в Костромском Заволжье и сколько их. Следы лосей будут встречаться нам не так часто, как можно было бы ожидать при таком обилии осины, ивы, рябины, которыми лось питается. Довольно скоро мы заметим, что встречаем следы почти одних лишь взрослых животных. Лосихи с лосятами осенью уже ред-

ки, а до весны доживут лишь немногие лосята. Следы волчьих лап, почти столь же обычные, как и лосиные, скоро объяснят нам причину малочисленности лосей. На каждого волка приходится всего пятнадцать лосей, хотя минимальное соотношение должно быть один к тридцати. Тогда популяция лосей может увеличивать свою численность.

Довольно часто мы пересечем следы кабанов. В начале зимы, когда у кабанов время гона (в декабре), они держатся группами по 50–70 животных. В молодом сосняке или в пойме ручья можно слышать визг, а если подойти поближе – топот и шелканье клыков секачей, сражающихся между собой. В середине зимы, в лютые морозы в сырых ельниках, где почва не промерзает под снегом, можно видеть кабанов. Где-нибудь под елью, на разрытом муравейнике, – лежку – гнездо кабанов. Прижавшись друг к другу, они лежат по несколько суток, пережидая морозы или метель.

Кабаны появились в таежной зоне совсем недавно, не более двадцати лет назад. До этого считалось, что снег глубиной в полметра и более кладет предел их распространению. Однако кабаны сделали неожиданный рывок на север, продвигаясь в некоторые годы на сто километров. Остатки картофеля, хлебные колоски на полях помогли им удержаться в новых суровых условиях. Правда, в конце зимы совсем не редкость встретить на лесной дороге шатающегося от голода кабана, не способного даже отбежать от человека.

В начале XX в. в лишайниковых сосновых лесах, на верховых болотах Костромской области еще встречались стада лесного северного оленя. Теперь ближайшие места его обитания – в Архангельской области, т.е. в 600 километрах севернее. Однако зоологи думают о завозе и восстановлении оленей в этих краях. Такая работа уже начата в Нижегородской области (в Керженском заповеднике). Зимнего корма для оленей достаточно, например, в сосновых лесах урожайность лишайников достигает трехсот килограммов (воздушно-сухой массы) на гектар. Более обилен летний корм. Снежный покров обычно не превышает 80–90 см глубины, а его плотность держится на уровне 0,2 в лесу и 0,23 на открытых местах. Такой снег не должен препятствовать кормежке оленей. Очень важно для

олений, что имеются большие верховые болота, где во влажном, пышном мху олени могли бы отлеживаться в жару.

Чаще всего в лесу встречаются следы зайцев-беляков и рысей. Зайцев так много, что за два часа охоты с гончей собакой можно добыть 5–6 зверьков. Удивляет обилие рысей. В середине зимы, когда у рысей начинается гон (в феврале), вместе ходят два-три хищника (кошка, а за ней два кота). Помимо зайца рысь часто ловит глухарей.

Обращает внимание, что нигде в лесу не встретится след лисы. Рысь не терпит лису, преследует, убивает. Эти два хищника делят между собой угоды: рысь живет в лесу, а лиса на полях и в пойме больших рек.

Характерные парные следочки хищников куньей породы встречаются умеренно часто. Пройдя по лесу десять километров на лыжах, можно встретить следы 4–5 куниц, 2–3 хорьков. В пойме каждого ручья обязательно прочертят снег мелкие следочки горноста и ласки. На речушках побольше довольно обычны норки: европейская и американская, акклиматизированная в России. Не столь часты следы выдры. Охота на выдру полностью запрещена.

Пройдя десять километров на лыжах, мы наверняка спугнем 3–5 глухарей, стайку тетеревов, десяток-полтора рябчиков. Тетеревов с каждым годом встречается меньше. Хорошим показателем численности тетеревов является размер их зимних стай. При высокой численности в них насчитывается по несколько сот птиц, при средней – по несколько десятков.

Следопыты по чернотропу

Летом на грязной дороге мы встречаем следы медведей. Размер и возраст медведей могут быть легко установлены, если вы меряете ширину отпечатков мозолей на передних лапах. У молодых медведей она равна 8–9 см, у 2–3-летних медведей и самок достигает 14 см, и, если вы пересекли след с мозолью в 15 см или больше, это означает, что большой медведь прошел здесь, хозяин этого места. Медведи, впрочем, всегда уступают дорогу людям, так что их можно видеть только в конце августа, когда они приходят кормиться на овсяные поля.

Между июлем и концом сентября в лесу много людей. В течение этого сезона звери предпочитают убежища в удаленных поймах рек, покрытых высокой травой. Здесь вы можете встретить лося, лежащего на мелководье, вспугнуть выводок крякв или чирков. Медведи кормятся здесь сочными стеблями зонтичных растений, называемых в России «медвежьими дудками».

Бродя по лесам, вы нередко будете вспугивать выводки куриных птиц (глухаря, тетерева или рябчика) и слышать материнское квохтанье, созывающее птенцов. Часто вы слышите характерное карканье воронов над лесом. Из хищных птиц наиболее заметны луны, живущие в полях, коршуны и пустельги с их характерной привычкой трепетать крыльями, зависнув над одним местом.

Проводник, хорошо знающий местность, может показать вам колонию бобров: две или три хатки из сучьев и плотину, создающую пруд. Здесь вы наверняка поднимете выводок уток. Среди высоких трав нередки гадюки и ужи, так же как обыкновенные жабы.

Осенью, в годы, когда обилен урожай ягод рябины, многие деревца бывают сломаны, повалены медведями. Другая примета осени – масса подгрызенных и поваленных деревьев вдоль ручьев и речек. Это бобры заготавливают на зиму запасы корма, разгрызают стволы деревьев на чурки и таскают их в воду. Люди теперь предпочитают собирать ягоды на верховых болотах, где созрела клюква, больше брусники.

Уже в конце сентября случаются первые утренние заморозки. А в середине октября выпадает первый снег. Если повезет, можно найти последний след медведя, спешащего в глухое место строить берлогу. По первому снегу спускают на поиск зайцев своих гончих охотники.

Наиболее заметные виды зверей и птиц

Рябчик

Прямо с дерева, головой вниз рябчик ныряет в снег и остается ночевать в его пушистой, согревающей пелене. Едешь на лыжах или на снегоходе по лесным дорогам, и вдруг из-под

ног взлетит птица. Как тут не вздрогнуть от неожиданности? Зимой рябчики вялые, малоподвижные. Кормясь зимним днем сережками берез и ольхи, почками деревьев и кустарников, ягодами рябины и калины, рябчики любят хоть чуть согреться, усевшись на солнечной стороне дерева.

В апреле, как только обнажатся от снега вершины муравейников и из них вылезут еще вялые, не кусающиеся муравьи, рябчики любят сесть на муравейник, распутив крылья, чтобы рассерженные муравьи хорошенько опрыскали их своей кислотой, помогли освободиться от паразитов. В это же время курочка и петушок справляют свадьбу.

Едва сойдет снег, рябчики уходят из темных хвойных лесов на вырубки, полянки, места, где ветер повалил лес, и здесь самка сооружает на земле гнездо. Она насиживает яйца так старательно, что к ней не только что подойти, но и погладить рукой можно. Впрочем, рябая окраска птицы делает ее почти незаметной среди травы, так что найти гнездо очень трудно.

Летний корм рябчиков – бутоны цветов, незрелые ягоды, насекомые, пауки, пока не созреют массовые в тайге ягоды – черника, брусника. Бродя по лесам, часто вспугиваешь выводки рябчиков. Мать взлетит на дерево, неподалеку рассядутся ее птенцы. У маленьких петушков от испуга и возбуждения то и дело взъерошивается на голове гребешок из перьев.

Уже с августа молодые петушки начинают ухаживать за самочками, ищут их. Птицы скликаются характерным тонким свистом, которому нетрудно подражать, используя манок. Зоологи используют такое подманивание, чтобы узнать численность рябчиков и сравнить ее изменения по годам.

Глухарь

В конце марта, когда верхний слой снега уплотнен и по лесу легко ходить на лыжах, зоологи начинают поиск мест, где глухари соберутся на ток. Вот где-то в сосновом лесу встретились крупные следы глухаря, а по обеим сторонам от них – характерные бороздки от крыльев. Как говорят, глухарь «чертит». Здесь же случается встретить и характерный жидкий помет, словно у птицы от возбуждения началось несварение желудка.

Позже, апрельской ночью, зоологи приходят в заранее намеченные места «на подслушивание». Только-только засветлеет, как вдруг донесется характерное глухаринное шелканье клю-

вом. Ближе к рассвету серии щелчков повторяются чаще и заканчиваются скрежещущими звуками. В эти мгновения глухарь ничего не слышит, можно безбоязненно бежать к нему. За эту особенность и прозвали эту птицу в России «глухарем», что значит «глухой».

Вдруг обнаруживается, что на току собралось много птиц, не все поют, есть молчуны. Это молодые, годовалые птицы. Здесь же самки, своим кудактаньем подзадоривающие самцов. Те спускаются на землю, дерутся. Хлопанье могучих крыльев как гром разносится в предрассветном лесу. Лет пятьдесят назад на тока собиралось по 50–70 глухарей. Сейчас ток 7–10 птиц уже считается нормальным. К тому же собираются они не в высоком сосновом лесу, а в молодом, где сосенки гнутся под тяжестью птиц. Обычными стали рассеянные тока, где птицы поют в сотнях метров друг от друга.

Тайга предоставляет глухарям изобилие корма. Зимой это иглы сосны, летом – трава, хвощи, побеги и ягоды черники и брусники, плоды можжевельника, рябины и шиповника, сережки березы.

Выхухоль

Выхухоль – редчайший зверек, занесенный в «Красную книгу России» и мира. Этому виду грозит исчезновение. Этот зверек обитает только в Европейской России, преимущественно в более южной ее части. Его излюбленное место обитания – поймы рек, которые обычно сильно освоены человеком. В старицах Унжи живет самая северная популяция выхухоли. Выхухоль в прошлом считалась ценным пушным зверьком, а ее хвост, где много мускусных желез, хозяйки любили хранить с бельем. Это придавало белью приятный запах.

Размером этот зверек меньше ежа, больше крота (они все из одного отряда насекомоядных), в среднем весит около 400 г, самцы чуть крупнее, самки мельче. Для выхухоли характерны уплощенный, чуть расширенный к концу хоботок, которым удобно искать пищу в иле на дне водоемов. Другие характерные черты – длинный хвост, которым выхухоль активно работает, когда плавает, оторочка из жестких волос на кисти и ступне и плавательная перепонка между пальцами. Все это признаки водного животного, бывающего на суше редко.

Старицы и озера в пойме рек – излюбленные места обитания выхухоли. Особенно благоприятны глубокие, не пересыхающие и не промерзающие водоемы с глинистым дном, где зверьки находят себе много корма. Используются и временные озера, однако к концу лета, когда они мелеют и зарастают, зверькам приходится переселяться.

В начале зимы, когда лед на озерах тонок и прозрачен, легче и точнее проводить учеты выхухоли. Идя вдоль берега, каждые 50–100 м замечаешь подо льдом цепочки пузырьков вдоль дорожек в иле, ведущих к норам. Выхухоль предпочитает рыть норы в высоких берегах. Начинает работу под водой и прокапывает ход наискось вверх, где в метре-полтора от уровня воды устраивает гнездовую камеру.

В одной норе обычно живет семья – самец, самка и 3–5 молодых. Выхухоли размножаются круглый год, но особенно весной и осенью. Самец остается с беременной самкой, согревает беспомощных, голых, слепых новорожденных, пока самка кормится.

Основной корм выхухоли – водные насекомые и брюхоногие моллюски. Нападает зверек и на мальков рыб, ест и растительную пищу.

Заяц-беляк

Среди самых обычных зверей русской тайги – зайцы-беляки, русское название которых отражает их снежно-белый цвет зимой. Зайцы невелики – 5–6 кг, однако многие жители охотятся на них не только ради мяса, но и из-за спортивного азарта. В России распространена охота с гончими собаками.

Зайцы кормятся ночью и на рассвете. Чаще на опушках, но нередко и в глубине леса. Стоит собакам залаять, и охотник спешит к месту, где собаки подняли зайца с лежки. Непередаваемо красива музыка азартных собачьих голосов, постепенно удаляющейся погони. Заяц стремится остаться на своем излюбленном участке. Поэтому довольно скоро, проскакав километр или чуть более, заяц делает поворот. Голоса гончих начинают приближаться. Ориентируясь по ним, охотник перебегает чуть правее или левее, стараясь оказаться у зайца на пути.

Немало любителей и преследовать зайцев без собак, по следам на снегу. Интересно разгадывать заячьи хитрости. Зверек нередко круто поворачивает на 180 °С, пробегая по своим сле-

дам, а потом делает прыжок далеко в сторону, куда-нибудь за кусты. Перед тем как лечь на отдых, он делает дугу, подходит к своему следу и ложится головой так, чтобы первым увидеть преследователя.

В марте у зайцев начинается гон – все полянки в лесу бывают покрыты следами возбужденно бегающих друг за другом зайцев. В апреле рождаются по 3–4 детеныша на зайчиху, а летом обычно бывает и второй выводок. На следующий год те из зайцев, кто счастливо пережил зиму, сами участвуют в размножении.

Летом они питаются преимущественно травой, зимой объедают кору и побеги ив, осин, берез.

Бобр

Присутствие бобров на таежных ручьях и реках невозможно не заметить. Через 400–500 м, а то и чаще встречаются перегородивающие течение плотины. Разница уровней воды выше и ниже плотины достигает метра, а сами плотины протягиваются на 100–150 метров. Впрочем, многие из плотин оказываются брошенными, на плесах, образовавшихся выше плотины, уже не встречается недавно обгрызенных бобрами веток. Причину ухода бобров легко понять. По берегам плеса уже не осталось ивы, осины, рябины, которыми бобры питаются. Еще с год они перебиваются березой и ольхой, а потом вынуждены переселиться на другое место.

В общем, бобрам нигде не удастся задержаться дольше 4–5 лет. Таежные условия слишком суровы для бобров, и постоянная смена мест обитания стала для них обязательной. Впрочем, обширные осиновые леса растут на возвышенных междуречьях. Удивленные зоологи, бывает, замечают следы бобров в местах, где и в трех километрах нет ни озера, ни ручейка. Все же внимательное обследование открывает или большую лужу, или низину, откуда берет начало поток воды, пока еще нам невидимый. И бобры умудряются запрудить его, вызвать затопление участка леса, своими лапами создать подходящие условия для жизни. Конечно, такое поселение редко существует больше года. Волки, медведи, а то и браконьеры уничтожают его.

Даже самые крупные семьи бобров редко насчитывают больше 5–6 животных (взрослый самец и самка и их потомство). Живут они чаще в домиках, имеющих вид высокой (до метра и более) кучи хвороста, в глубине которой имеется гнездо и выход под воду. В норах бобры живут реже, обычно у более крупных рек, с высокими и крепкими берегами.

Бобры предпочитают доставлять корм (обрезки стволов, веток) по воде. Там, куда не дошел разлив воды, они выкапывают каналы глубиной в полметра и глубже и такой же ширины. Околоречные низины, частью затопленные водой, частью пересеченные многочисленными каналами, заросшие высокой околководной растительностью, очень живописны, хотя ходить здесь человеку очень трудно.

Добавим еще, что бобры охотно поселяются на мелиоративных каналах, перегораживают их плотинами, прекращая сток воды. Другая неприятность – затопление сенокосов. Немало находится людей, желающих изгнать бобров. Однако служба охотничьего надзора, соблюдая закон, запрещает разрушать бобровые дома и плотины. В результате бобры стали очень многочисленны. Сейчас немало бобров добывается осенью ради прекрасного меха.

Куница

Среди пушных зверей русской тайги куница – один из самых ценных. Характерные парные следы куниц встречаются не так часто. За день пути на лыжах удастся пересечь следы 3–4 зверьков. Нередко следы самца и самки встречаются вместе. Разнополые зверьки не конкурируют друг с другом.

В былые годы, когда еще не были вырублены еловые леса, куница питалась в основном белкой. Теперь ее след вьется по ельнику столь же часто, как и по березняку, и по вырубке. Главным зимним кормом куницы стали полевки. Лесные мыши почему-то редко становятся добычей куниц. Возможно, полевки более медлительны и не так сообразительны, как мыши, и кунице их легче ловить. Из птиц добычей куниц особенно часто становятся дятлы, которых куница легко ловит в дуплах, в которых и сама нередко останавливается днем на отдых. Куница – ночной зверек. Для дневок она охотно использует и пустоты под валежником. Летом куница питается не только грызунами,

землеройками и птицами, но и яйцами птиц, насекомыми, медом пчел, ягодами.

В разгар лета у куниц бывает гон, однако быстрое развитие зародыша начинается лишь в конце следующей зимы, в апреле. Еще через месяц-полтора куница рождает от 3–4 до 8 детенышей. Через три месяца они почти сравниваются по своему размеру с куницей-матерью, хотя и остаются намного легче, могут жить самостоятельно, пока мать участвует в размножении. Окончательно выводки распадаются в конце лета. В ловушки охотников чаще попадают молодые звери. Взрослые используют более глухие участки леса и доживают до 5–6 лет.

Бурый медведь

Медведи Европейской России не очень крупны. Максимальный вес их 320–350 кг. Встречаются звери и темные, и довольно светлые. У медвежат до зимы сохраняется красивый светлый ошейник.

На Костромской таежной станции на площади лесов 44 тыс. га обитает 25–30 медведей. Судя по ширине подошвенной мозоли на передних лапах, в популяции 18 % сеголетков, молодых самцов и самок – 45 %, медведиц с медвежатами – 11 % и взрослых самцов – 26 %.

Первые следы медведей, поднявшихся из берлог, мы наблюдаем около 30 марта, когда снег еще очень глубок. Обычно зверь делает короткий, в 1–1,5 км ход до последней осенней добычи (лося), здесь подъедает остатки, потом кормится чем придется: сухой травой, муравьями, почками деревьев, падалью – всем, что найдет в лесу и на полянах, особенно расположенных на южных склонах, где раньше оттаивают кочки.

Все лето основу питания медведей составляют муравьи, которых он добывает не только из муравьиных куч, но и из гнилых пней и валежника. В начале лета – молодые побеги и листья осины, в июле – сочные листья и стебли борщевика, в августе – сентябре ягоды черники, брусники, рябины – все это также важные для медведя корма. Особое значение имеют походы на овсяные поля, где медведи, если люди им не мешают, кормятся с вечера и часть ночи. Многократно отмечено, что перед залеганием в берлогу медведи (особенно крупные самцы) стремятся поймать лося, благо в это время (период гона у лосей) эти животные не столь осторожны.

Гон у медведей происходит с середины июня по конец июля. В это время удается найти брачную тропу, по которой самец и самка по многу раз проходят. Обычно тропа очерчивает эллипс длиной в несколько километров. На одной из полян медведица вдруг сворачивает на малый кружок, останавливается, происходит спаривание, после чего медведи снова уходят по гонной тропе.

В период гона, а также раньше и позже его, медведи-самцы метят деревья. У выбранной ели или пихты долго топчутся, стоя спиной к стволу, прижимаются головой, закидывают назад лапы, делая задиры когтями. У таких деревьев легко наблюдать и характерные следовые метки: зверь идет, вдавливая и проворачивая пятки в земле.

Каждый год на территории станции обнаруживается по 200 и более меченых деревьев. Чаще метят ель, впятеро меньше пихту, еще реже сосну, иногда березу и липу. Свежие затесы топором, рана на коре привлекают медведей, и они оставляют здесь же свою метку.

Начиная с конца октября, медведи ложатся в берлогу. Большинство берлог расположены на поверхности земли. Выбрав место в густом молодом ельнике, зверь заламывает на себя небольшую ель или другое дерево, приминает со всех сторон молодые елочки, натаскивает вершинки елок со стороны. Образуется гнездо, несколько прикрытое сверху. Встречаются и грунтовые берлоги – наклонные ямы, вырытые под корнями сосны. Отмечают обязательно наличие возле берлог «колодцев» – специально вырытых ямок с водой.

Медведи вполне мирно уживаются с местным населением. Их следы встречаются на оживленных дорогах и у самых деревень. Каких-либо происшествий, связанных с хищничеством медведей, не отмечается. Некоторые очень крупные и старые звери живут возле одной деревни по 10 и более лет. Осторожность и неагрессивность костромских медведей поддерживается охотниками.

В костромских лесах вполне достаточно пищи, чтобы поддерживать довольно плотную популяцию медведей. Максимальная наблюдавшаяся плотность составляла 0,3 особи на 10 кв. км. Для сравнения, в других районах Европейской России были

установлены плотности медведей: в Карелии – от 0,14 до 0,82, в Новгородской области от – 0,1 до 0,9, в Тверской области – от 0,1 до 1 зверя на 10 кв. км. Расселяясь из тайги в районы, где леса занимают меньшую часть территории, медведи часто оказываются в неблагоприятных условиях. А.Е. Богатырев, много лет работавший начальником управления охотничьего хозяйства Костромской области, регистрировал случаи, когда медведи появлялись в густо населенных людьми и малооблесенных районах области. Ни один из этих медведей не дожил до зимы. Большинство из них было застрелено; некоторые погибли в дорожных происшествиях.

Медведи беспомощны, когда спят в берлогах. Животные ищут для берлог безопасные места, удаленные от человеческих поселений, часто в буреломах или участках леса с обильным валежником. Существует мало мест, подходящих для устройства берлог, где медведи могут успешно провести зимнее время, не тревожимые лесорубами или охотниками. Эти места необходимо защищать. К счастью, в наши дни навыки поиска медвежьих берлог потеряны.

Другой успешный метод охоты – поиск и преследование медведя со стаей собак. Эта охота еще практиковалась в нашем районе 15 лет назад. Охотники владели стаями из 7–10 лаек, которые надежно останавливали медведей, лосей и кабанов до подхода стрелка. Собаки были очень высокого качества. Охотники тратили массу времени и денег на их разведение, кормление и тренировку. Сейчас нет охотников, которые содержат стаю собак. Имея только одну или две собаки, охотники способны найти и остановить только лося и кабана. В последние 30 лет наиболее популярный метод охоты на бурого медведя – устройство засад на овсяных полях. Там можно встретить медведей в течение августа – в начале сентября. Даже очень опытные и удачливые охотники не могут убить таким методом больше двух медведей в течение осени. Большинство охот бывает неудачны. Очень бдительные животные избегают появляться на овсяных полях в дневное время. Большинство животных не посещают овсяных полей вовсе и счастливо выживают.

Волк

Еще совсем недавно, в 1970-е гг., в СССР публиковалось много статей в защиту волка. В них не только восхищались умом, силой, выносливостью этого хищника, что вполне справедливо, но и пытались доказать пользу от сохранения этого зверя в природе, его безопасность для человека. Конечно, это писали люди, видевшие волка лишь в зоопарке. Волк таежной России – это крупный (50–60 кг, самцы до 70 кг), сильный зверь, легко становящийся вредным и опасным, лишь слабеет за ним охотничий контроль. Во время Второй мировой войны и в первые пять лет после нее в таежных районах России, где стало мало охотников, участились нападения волков на людей. Большею частью волки подкрадывались, валяли, хватили за горло, уносили в лес детей до 12–14 лет. Удивляла дерзость и настойчивость хищников, не выпускавших из зубов добычу, несших подростка по 200–300 м, невзирая на крики преследовавшей толпы людей. Специальные охотничьи команды истребили обнаглевших особей, снизили общую численность волка. В 1946 г. в СССР было добыто рекордное количество волков – 62,6 тыс. В дальнейшем в России ежегодно добывали по 15 тыс. волков. В 1970-е гг., когда волка едва не взяли под защиту, хищники вновь быстро размножились. Вероятно, их общая численность достигла 120 тыс. Потребовалось вновь усиление охоты. Волки вновь стали сильно вредить охотничьему хозяйству и животноводству.

В не очень богатой кормом тайге волчьей стае приходится осваивать большой участок. Проходя в день до 30–40 км, звери обходят свой охотничий участок за 4–5 дней, прежде чем повторить поиск добычи на прежнем месте. Стаю в 5–7 волков прокармливает участок в 5–10 тыс. га, но нередко и такого участка бывает мало. По краям участка могут обитать одиночные особи.

В марте начинаются волчьи свадьбы, когда за одной волчицей следуют несколько самцов. Можно найти места, где волки утоптали снег, волчица оставила кровавые пятна на снегу, где волки дрались. В мае, в глухих лесных овражках, обязательно неподалеку от воды, пара волков роет нору. Часто одно и то же место логова используется много лет. Число волчат – 5–7, они

рождаются 0,5 кг весом, быстро растут, питаются сначала молоком, а потом полупереваренной пищей, получаемой в виде отрыжки из желудка родителей.

Уже в июле, заслышав голос отца или матери, возвращающихся с охоты, щенки начинают скулить, лаять. В это время логово можно обнаружить, подражая голосу взрослых волков. Вой остается способом общения, сбора волков, принадлежащих к одной стае, до поздней осени. Не менее важны для волков и мочевые метки, по которым они также многое узнают друг о друге.

Волки питаются в тайге лосями, зайцами, мелкими грызунами, реже бобром, подбирают павших домашних животных, ловят охотничьих и деревенских собак. Охота – самый сложный способ пропитания, требующий опыта, правильной тактики поиска и поимки добычи. С этим связана хорошо известная для волков специализация питания. Если волки повадятся ловить гончих собак, охотникам здесь лучше не появляться. Стоит залаять собаке, поднять с лежки зайца, как волчья стая даже издалека поворачивает на голос собаки.

Особенно трудна для волков охота на лося. Еще в 1970-е гг. не раз находили волков, убитых или покалеченных мощными ударами лосиных копыт. Тогда волки старались остановить, окружить лося. Теперь же волки охотятся на лосей, преследуя сзади, выхватывают куски из ног или промежности убегающего зверя. Хищники не рискуют нападать слишком азартно, предпочитают выжидать, пока раненый лось истечет кровью, ослабеет. Волки уничтожают преимущественно лосят. Поэтому популяции лося медленно растут, хотя в таежных популяциях много зрелых лосих, приносящих ежегодно по два лосенка.

Кампания в защиту волка не забыта. Теперь уже вряд ли встанет вопрос о его полном уничтожении. Однако и органы охотничьего надзора теперь уже не будут столь беспечны, чтобы вновь допустить размножение этого хищника. Поддерживая невысокую численность волка, удастся избежать как чрезмерного вреда, так и появления в лесу бродячих собак. Волки подбирают больных лосей, кабанов, зайцев, предотвращая распространение болезней.

Чтобы спасти волчью популяцию от окончательного уничтожения, необходимо запретить использование ядов, а также поиск щенков в логовах. Профессионалы находят волчьи логова достаточно легко. Живший в Костроме охотник Коршунов имел орден Ленина (высшую награду в СССР) за массовое истребление волков. Он мог безошибочно найти волчье логово в любом районе. Волчий выбор условий, подходящих для логова, очень специфичен, и профессиональный охотник знает эти условия очень хорошо. Сначала охотник определяет вероятное расположение логова. Далее, используя волчьи следы и тьяканные волчат, охотник достигает своей цели.

Сейчас не осталось профессиональных волчатников, и только яды – реальная опасность для волчьей популяции. Для отравленных приманок охотники используют фтор-ацетат бария. В 1998 г. мы имели волчью стаю, состоявшую из 8 животных. Это было большое наслаждение для меня – изучать их ежедневную жизнь, следуя по их следам. Многие местные охотники пытались отравить этих волков, потому что надеялись получить премию, что и сейчас еще выплачивается за истребление волков в России. В течение всей зимы стая успешно избегала отравленных приманок – обычно туш собак или других домашних животных. Весной охотник нашел лося, ставшего волчьей добычей всего лишь пару часов назад. Охотник побежал домой и вернулся с ядом. На следующий день все волки этой стаи были найдены мертвыми вокруг отравленной лосиной туши.

Лось

Русская тайга – дом относительно небольшого лоса (быки весят до 350 кг, лосихи – до 330 кг) в сравнении с их сибирскими или североамериканскими собратьями. Рога наших лосей также невелики.

Лоси населяют хвойные леса и часто кормятся на вырубках и сосновых плантациях. Они обычны в лесах вдоль берегов водоемов, также на болотах. Когда глубина снега превышает 70 или 80 см, они придерживаются двух или трех главных троп; когда появляется опасность, лось предпочитает достичь этих троп и потом убежать. Поздней зимой их участок обитания меньше, чем 2,5–10 га, и ежедневные передвижения меньше, чем 700–900 м.

В сильные морозы ниже -20°C лоси активны только 1–2 часа в день и потом лежат. Летом, после появления кровососущих насекомых, лось переходит к ночному образу жизни. Лоси отдыхают в местах, защищенных зарослями с одной стороны и открытых с других сторон, с видимостью примерно от 70 до 90 м.

Лоси специализируются на древесных видах и травах. Зимой они поедают ветки и кору сосны, пихты и можжевельника, иву, козью иву, рябину, осину, листья деревьев и кустарников, водные растения, разнотравье и травы в течение всех бесснежных сезонов. Токсичные растения составляют от 13 до 33 % поедаемых лосем растений, некоторые из них являются главной пищей этого вида. Однако некоторые из них смертельны для лосей. Мы имели печальный опыт, когда 8 лосей умерли в один день, наевшись цикуты. Взрослые лоси съедают от 10 до 13 кг сырого корма в день зимой и от 30 до 40 кг летом.

Лоси живут в одиночку или маленькими группами. Мать и ее телята живут вместе. Много лет мы держали ручных лосей и наблюдали за их поведением. У ручных лосей мы обнаружили сильные связи между парами самок, указывающие на способность к личному распознаванию. Лоси не защищают своих территорий, но лосихи с маленькими лосятами защищают небольшую территорию вокруг них от вторжения чужаков. Лосята-самки полутора лет участвуют в гоне. Самцы участвуют в гоне в возрасте двух с половиной лет. Большинство ручных годовиков уходят от матери на второе лето жизни на расстояние до 120 км, но некоторые особи остаются там, где родились. Самки сильно привязаны к местам отела и спаривания и возвращаются год за годом почти на те же несколько метров.

Период гона лосей приходится на конец сентября и октябрь. Недавно было установлено, что бык и корова встречаются из года в год на том же месте и в тот же день. После короткого спаривания они расстаются до следующего года, но бык немедленно идет на другое место, где он спаривается с другой самкой. Есть некоторые доказательства, что существуют места, где много лосей собирается в период гона. Одно такое место было найдено в районе Костромской станции. Там множество моло-

дых сосен было сломано лосиными рогами и множество ямок выбито в земле копытами. Там же было найдено множество рогов, сброшенных самцами сразу после гона.

Телята рождаются в мае и весят от 8 до 10 кг. Первоначально они растут медленно, но когда они начинают питаться растительным кормом, их рост ускоряется, и осенью они весят от 90 до 100 кг. Лосята учатся от матери, какие растения съедобны и как лучше объедать их. Сопровождаемый лосятами, я ходил в лес, останавливался возле съедобных деревьев и кустарников, щипал несколько листьев, и усыновленные лосята повторяли мое поведение. Они не начинали оглаживать кору деревьев, пока я не демонстрировал им топором, как делать это.

Плотность популяции лося в тайге невысока, около 2 лосей на 10 кв. км. Таежные популяции составлены из гораздо более старых животных, чем популяции смешанных лесов. Иногда охотники добывают 15-летних животных, что близко к предельному возрасту лосей в наших краях. Наоборот, имеется мало молодых животных, поскольку неопытные лосята с трудом выживают в тайге, где их постоянно атакуют волки и медведи. Также, большинство добытых охотниками животных – молодняк. Во время охоты используют собак, задача которых – преследовать лося, остановить его и позвать охотников. Старые животные чаще успешно убегают.

Низкая плотность лося в тайге в основном объясняется тем фактом, что и люди, и волки убивают молодых лосей, препятствуя росту численности лося. Также важный фактор – это отсутствие болотистых речных пойм, маленьких болот и озер, где лось находит наиболее питательный корм.

Обилие молодых лесов на вырубках и гарях позволяет лосю выживать зимой, потому что такие леса содержат много осин, ив и рябины. Однако лось не ограничивается широколиственными видами деревьев, а предпочитает поедать сосновые насаждения, причиняя значительный вред. Одно из решений этой проблемы – выращивание ели вместо сосны, потому что раньше лось мало объедал ель. Но примерно 30 лет назад появились первые сообщения о повреждении лосями плантаций ели. В наши дни повреждение лосем еловых посадок в некоторых районах стало бедствием.

Около 200 лет назад во многих областях России люди даже забыли, как выглядит лось. С 1790-х и начала 1800-х гг. лось полностью исчез из многих областей центральной России, и упадок популяций сохранился до 1850 г. Примечательно, что от первого великого падения численности лосей страдали их популяции Восточной Европы. Зоологи полагали, что промысловая охота на лося ради шкур была первопричиной первого упадка. Интересный факт: до 1790-х гг. все русские кавалеристы надевали бриджи, сделанные из лосиной шкуры. Среди других факторов, повлекших за собой первый великий крах лося, было похолодание климата, наблюдавшееся в середине XIX в.; оно было сильнейшим в последнем тысячелетии. Кроме того, на громадных пространствах были разрушены места обитания, поскольку лесные районы были превращены в сельскохозяйственные земли. Второе резкое сокращение численности лося случилось между 1920 и 1928 гг. Специфической чертой второй депрессии была чрезмерная добыча людьми, страдавшими от экономических трудностей и голода, как первичная причина упадка популяции. В тех районах, где популяции лося сократились особенно сильно, тогда остались только единичные животные и небольшие локальные стада.

Во время обоих упадков костромская популяция лося сохраняла среднюю плотность, в то время как лось был почти полностью истреблен в соседних областях. Тот факт, что Костромская область служила убежищем, из которого восстановились лосиные популяции большей части Европейской России, послужил весомым аргументом для создания заповедника в Костромской области. Мы убеждали местных руководителей принять более строгие ограничения охоты на лося, чтобы сохранить их как источник пополнения всех популяций Европейской России.

В тайге фрагментация лесов мала. Охотники не могут выстроить линию стрелков. Вот почему они чаще охотятся, вытрапывая лосей или посылая собаку, которая останавливает лося и держит его на месте, пока охотники приближаются. Охотники обычно используют автомобиль и ищут на лесных дорогах следы лося. Потом они идут по следам или посылают собаку. Интересно найти различия в поведении лосей, спаса-

ющихся от охотников в районах, где охота очень распространена и где ее почти нет. В относительно благоприятной среде лоси не слишком пугливы. Слыша шум приближающихся охотников, они отбегают на несколько сотен метров, останавливаются и пытаются определить степень опасности. Время от времени они повторяют этот же маневр. Неудивительно, что в таких случаях лоси довольно скоро становятся жертвой охотников.

Если охотников в районе много, лоси убегают, едва услышав шум погони. Тогда они бегут без остановки от 3 до 5 км. Охота на таких животных – трудная задача. Но если охотники настойчивы, как это случается в человеческом обществе в голодные годы, такая стратегия поведения лосей не спасает их. Главная проблема для лося – это следы, которые он оставляет. Но охотники не могут найти животных, которые стоят на маленьком участке и не делают следов. Во время весеннего упадка сил лосей было замечено, что животные, которые использовали стратегию затаивания, выживали. В некоторых случаях крестьяне обнаруживали лосей прямо возле поселения, и можно было подойти к ним в упор. Следы показывали, что животные жили на этом участке долгое время.

Заповедник «Кологривский лес» и Таежная биостанция

Сорок лет назад на дверях простой деревянной избы в Мантуровском районе появилась надпись, гласящая: «Костромская таежная научно-опытная станция Академии наук СССР». Интерес ученых к этой части Костромской области имеет давнюю историю. Здесь работал великий российский эколог А.Н. Формозов. В 1950-х гг. здесь работала Лесная станция Института леса. Это область бескрайних лесов, населенных зверями и птицами, пришедшими с разных сторон: здесь и сибирские виды (вроде бурундука и росомахи), и западные европейские и южные (садовая соя, удод и другие). Малочисленное людское население не оказывает слишком большого воздействия на жизнь таежных млекопитающих и птиц. Другая выгода региона – это исключительная чистота от промышлен-

ных загрязнений. Один геохимик определил этот эффект так: «Чисто, как в ледниковом периоде». Управление охотничьими животными очень важно для этого региона.

Ученые Академии наук и Московского университета, пришедшие работать на станцию, скоро обратили внимание на клочок очень старого елового леса всего лишь в 100 км к северу. Началось сражение с лесными компаниями за сохранение Кологривского леса. Чтобы сберечь этот прекрасный лес, пришлось обратиться к правительству СССР.

В 1997 г. начался новый этап в охране природы края. После почти десяти лет исследований и хлопот в районных, областных, а потом и в федеральных органах был создан заповедник «Кологривский лес», теперь сохраняющий 60 тыс. га в Кологривском и Мантуровском районах. Конечно, главное богатство заповедника – сохраненный участок девственного елово-липового леса в 20 км на запад от Кологрива. Но и остальная территория уже стала важным рассадником зверей и птиц. На территории заповедника восстанавливаются вырубленные в прошлом леса. Здесь и вдоль границ заповедника резко увеличилась численность лося и медведя, волка и тетерева, вновь зазвучали весной глухариные тока. Охраняется уникальная весенняя посадка 3–5 тыс. гусей, летящих из Голландии на Таймыр и Ямал.

Заповедник ведет большую просветительскую работу. Туристы, в том числе приплывающие на байдарках вдоль по реке Унже, бывают в заповеднике.

Зубр и домашний скот в русской тайге

Зубр никогда не населял русскую тайгу. В.Г. Гептнер, заботливо изучивший всю информацию, касающуюся распространения зубра в прошлом, нашел, что северо-восточная граница распространения зубра располагалась примерно в 50 км к югу от территории Костромской станции. Зубр занимал районы, теперь густо населенные людьми. Однако к северу и северо-востоку от первоначального ареала (в Костромской и Вологодской областях) начинается тайга, где живет мало людей, слабо развито сельское хозяйство и имеется достаточно места для крупных животных.

Главный вопрос – какой фактор ограничивал распространение зубра в тайге в прошлом? Была ли это потребность в воде (могут ли зубры утолять жажду снегом), или зубры питаются лишь мягкими породами деревьев (ивой, рябиной, бересклетом)? Мы завезли на Костромскую биостанцию 5 зубров и изучали их способность адаптироваться и найти подходящие условия.

Другим кандидатом на то, чтобы заселить бескрайние костромские леса, был одичавший домашний скот. Дикий предок скота истреблен в XVII в. Мы надеялись, что скот, оказавшись в природной обстановке, будет демонстрировать те же черты экологии и поведения, что были характерны для его предка. С 1986 г. мы наблюдали коров, быков, молодых животных и телят. Сейчас у нас есть телята, четыре поколения предков которых жили в естественных условиях и снабжались сеном только зимой.

Также мы выпустили в тайге двух американских бизонов. Европейские зубры – в основном лесные животные, адаптированные к объеданию деревьев и кустарников. Американские бизоны – в основном степные животные, питающиеся травой. Домашний скот по питанию занимает промежуточную позицию.

Мы начали наш эксперимент с четырех годовалых коров. Первую зиму они содержались в стойле, но позднее мы уверились в их способности жить на снегу. Только когда температура была ниже -27°C , коровы начинали дрожать, искать убежище в сарае или, по крайней мере, стояли, прижавшись к стене сарая. Мы особенно беспокоились насчет новорожденных. Когда первый отел случился, мы спрятали коров в сарай, где сотрудники вели постоянное наблюдение. Со временем мы убедились, что новорожденные могут выживать и расти хорошо даже в сильные морозы. Однако матери часто не имели достаточно времени, чтобы вылизать уши, хвост, носовое зеркало новорожденных. Эти части тела отмораживались. Среди наших животных некоторые имеют очень короткие остатки хвостов и ушей и уродливые носы. Однако слабые телята, родившиеся в сильный мороз, нередко замерзают, потому что не способны быстро встать на ноги и начать кормиться молоком матери. Только одна корова отморозила вымя, хотя, казалось,

вымя, смоченное телятником, должно бы вскоре замерзнуть. Это животное со временем выздоровело, и его вымя нормально продуцировало молоко.

Мы беспокоились насчет водопоя. Зимой местные крестьяне дают своим коровам теплую воду. Мы делали то же самое, но со временем мы увидели, что холодная вода не вредна. Больше того, когда мы прекратили делать отверстие во льду пруда, коровы сделали отверстие во льду сами и пили ледяную воду. Мы не смогли проверить, могут ли зубры выживать зимой, если они получают воду только из снега. Живя вместе со скотом, они использовали те же отверстия во льду. Все бычьи используют снег в течение зимы, особенно в теплую погоду, но предпочитают пить воду, если могут.

В течение лета зубры предпочитают пастись в лесу, хотя биомасса травы в лесу вдвое ниже, чем на полянах, где скот и американские бизоны обычно пасутся. Одну четверть летнего рациона скота и зубра составляют листья и побеги деревьев и кустарников. Американские бизоны использовали преимущественно траву. Зубры использовали рябину и козью иву, небольшие количества березы и осины, очень редко ольху. Зубры иногда обгрызали кору елей и побеги пихты. Загадка, почему животные не использовали осину в значительных количествах. В тайге очень много осины; это дерево могло бы быть важной пищей для бычьих. Только весной, когда дни становились теплее, все наши животные охотно объедали кору срубленных осин. Излюбленные рябина и козья ива весьма многочисленны в тайге, но их недостаточно, что обеспечить пищей существующую в вольере популяцию бычьих зимой.

Когда глубина снега становилась больше 50 см, все животные прекращали бродить по лесу и собирались в месте, где они получали корм. Сено было их единственной пищей в течение долгой зимы. Мы могли давать им овес только в очень холодные дни. Было очевидно, что зубры были очень разборчивы, когда ели сено. Они любят мягкие лесные травы, и их потребность в пище весьма мала. Американские бизоны также едят немного. Однако они едят луговое сено, даже плохое, гнилое. Коровы более всеядны. Долгий период domestikации сделал их непривередливыми.

Очень мощный лимитирующий фактор в тайге – кровососущие насекомые, особенно слепни. В первый год наши животные, которые родились в зоопарках или на фермах, не умели найти убежище в тайге. Коровы первыми научились адаптивному поведению, они прятались в густом еловом лесу и стояли там в течение жаркого времени дня. Бизоны адаптировались позднее. Они создали «отстои» внутри густого елового подростка. Каждое животное оказывалось в своего рода комнате, более или менее закрытое со всех сторон. Я наблюдал совершенно такие же отстои в Кавказском заповеднике, когда я изучал поведение диких зубров. В отстоях в течение жаркого дня температура была та же, что и на открытых местах, но влажность была много выше. Главной особенностью отстоев была тень; солнечный свет не проникал туда. По той же причине животные охотно прятались в сараи.

Другим типом адаптивного поведения было медленное движение по тропам в густом еловом лесу. Животные двигались в полудремоте и могли приблизиться к человеку на метр, прежде чем распознать его. Еловые ветви обхлестывали их тела, сгоняя слепней. Живя свободно в тайге, коровы демонстрировали многие поведенческие элементы, которые, вероятно, существовали у их предков. Ночью они всегда заходили в лес, но предпочитали поляны, а не темный еловый лес. Коровы прекрасно знали свой участок обитания; они переходили из одного излюбленного места кормежки к другому по тропам, сеть которых появилась очень скоро после выпуска животных в экспериментальный вольер. Коровы покидали стадо перед отелом. Телята рождались в лесу в пределах от 1 до 4 км от центра активности стада. Матери оставались с новорожденными от 12 до 24 часов и после этого возвращались в стадо, посещая своих телят вечером и в течение ночи, тогда как с утра и до вечера телята были в одиночестве и оставались неподвижными. Коровы вели телят к стаду через 2–4 дня после отела, но иногда даже после 10 дней телята оставались в лесу, затаившись. В течение первой недели жизни телята часто оставались позади стада, где они формировали «детские сады». Обычно одна или две годовалые самки оставались с ними. С двухнедельного воз-

раста и позже телята часто пытались украсть молоко у соседних коров, когда те кормили своих собственных телят. Коровы отвергали их первые попытки, но постепенно телята добивались своего, и мы наблюдали, что одну корову сосут два или три теленка. Теленок-сирота мог бы выжить, таким образом, с двухмесячного возраста.

Старые и новые города

Города Ближнего Севера

В Европейской России севернее Московской области можно насчитать до 160 городов. Из них более 500 тыс. жителей кроме Санкт-Петербурга имеют только два города: Ярославль, который находится на южной границе Ближнего Севера, и Киров. Еще 5 городов – от 250 до 500 тыс. (Иваново, Кострома, Вологда, Череповец и Петрозаводск). Это крупнейшие городские центры Ближнего Севера, организующие его пространство и концентрирующие более 2 млн человек. Архангельск и Мурманск уже трудно отнести к Ближнему Северу, тем более расположенные южнее Тверь, Владимир, Смоленск. Влияние Новгорода и Пскова также велико, хотя они не дотягивают до 250 тыс. жителей. Большинство крупных городов – столицы своих регионов. Их влияние на окружающую территорию можно проследить по распределению плотности сельского населения, которое десятилетиями стягивалось не только в города, но и ближе к ним (рис. 1-4).

Для регионов Ближнего Севера, потерявших к концу XX в. большую часть сельского населения, контрасты в заселенности территории между ближайшими к крупным городам районами и удаленными периферийными особенно велики. Эти различия были характерны и в советское время, а в некоторых регионах и в досоветское. За последние 20 лет контрасты лишь увеличились. А в Костромской области они наибольшие.

Важно, что крупные и большие города часто смещены к границам своих регионов, оставляя обширные пространства периферии.

Рис. 1. Изменение плотности сельского населения внутри Костромской области по мере удаления от центра, чел./кв. км

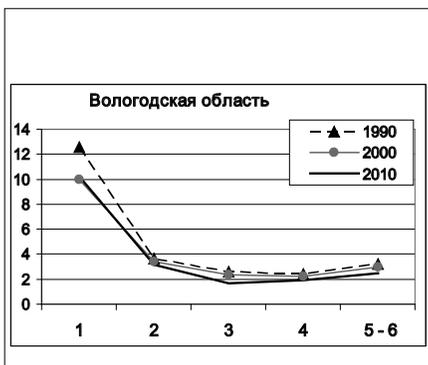

Рис. 2. Изменение плотности сельского населения внутри Вологодской области по мере удаления от центров, чел./кв. км

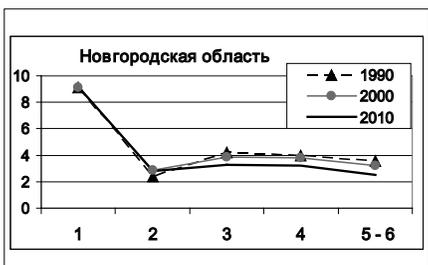

Рис. 3. Изменение плотности сельского населения внутри Новгородской области по мере удаления от центра, чел./кв. км

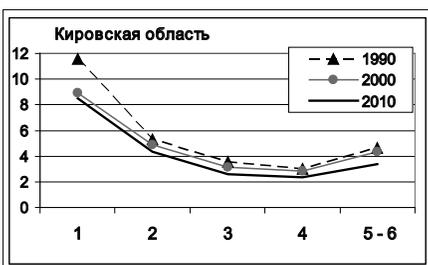

Рис. 4. Изменение плотности сельского населения внутри Кировской области по мере удаления от центров, чел./кв. км

На рисунках 1–4: 1 – районы, непосредственно примыкающие к региональному центру, 2 – районы-соседи центра второго порядка, 3 – соседи центра третьего порядка и т.д. до окраинных (6 и 7 порядка) районов.

Например, Ярославль, Кострома, Рыбинск, Вологда суммарной численностью 1,4 млн жителей формируют относительно компактную группу (расстояние от Ярославля до Костромы составляет около 60 км, до Рыбинска – 85 км, до Вологды – 190 км). При этом и в Вологодской, и в Костромской областях столицы регионов сдвинуты к югу и юго-западу, их влияния не хватает на всю обширную северную и восточную территорию своих регионов, что усиливает процессы поляризации про-

странства на Ближнем Севере. Новгород, наоборот, приближен к Петербургу. Если учесть, что Тверь тяготеет к Москве, то между Тверью и Новгородом формируется большое пространство внутренней периферии, хотя и в староосвоенной зоне¹. В целом 14 городских центров с населением свыше 100 тыс. человек (9 % всех городов) концентрируют 74 % городского населения. Среди них есть очень старые города с огромным культурным наследием (Великий Новгород – 859 г., Псков – 903 г., Ярославль – 1010 г., Вологда – 1147 г., Кострома – 1152 г.).

Средних городов (от 50 до 100 тыс. жителей) на Ближнем Севере немного (всего 12), и живет в них 7 % городского населения, что меньше, чем в среднем по России (10 %). Зато здесь множество малых городов и городков – 135, каждый пятый – городской житель (в России в малых городах живет лишь 15 % горожан). Есть совсем крошечные – 48 городов имеют менее 10 тыс. жителей, большинство из них старинные города, из которых население в XX в. уезжало в крупные центры. Много старых городов потеряло свой городской статус. Например, Судиславль в Костромской области (4,7 тыс. жителей), когда-то богатый купеческий город, бывший в XVIII в. удельным центром, в XXI в. стал поселком. А г. Мышкин в Ярославской области с населением, не дотягивающим до 6 тыс. человек, наоборот, отстоял городской статус. Да еще так раскрутил имидж города, используя с юмором символ мыши, что в него едут толпы туристов.

Многие города именно Ближнего Севера как носители культурного наследия имеют туристско-рекреационный потенциал, хотя в «Золотое кольцо России» вошли лишь избранные города. Исторические малые города могли бы сформировать нечто вроде «Серебряного кольца» отдельных областей. Однако они разбросаны по огромной территории, слабо связаны и не обустроены. В табл. 1 и 2 показано, как стремительно малые исторические города теряли свое население в последние годы. Лишь некоторым удалось создать сеть услуг для привлечения мигрантов и туристов.

¹ См.: «Путешествие из Петербурга в Москву: 222 года спустя» / ред. Т.Г. Нефедовой, А.И. Трейвиша, К.В. Аверкиевой. Кн. 1 и 2. М.: URSS ЛЕНАНД, 2015.

Исторические малые города Ближнего Севера, возникшие в IX–XV вв., и изменение их населения в XX–XXI-вв.

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. человек							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Белозерск	Вологодская	862	5,0	7,0	н/д	н/д	11,8	12,3	11,2	9,6
Торопец	Тверская	1074	7,4	9,4	15,2	16,9	16,7	17,6	16,5	13,0
Вельск	Архангельская	1137	2,0	3,5	н/д	н/д	н/д	26,1	25,8	23,9
Тотьма	Вологодская	1137	4,9	5,4	н/д	н/д	8,9	10,4	10,6	9,8
Торжок	Тверская	1139	12,7	н/д	34,9	45,4	н/д	50,1	49,0	47,6
Приозерск	Ленинградская	1143	1,3	н/д	13,9	16,7	18,5	20,3	19,3	18,9
Холм	Новгородская	1144	5,9	5,5	н/д	3,8	4,4	4,8	4,5	3,8
Старая Русса	Новгородская	1167	15,2	н/д	25,4	34,6	н/д	40,3	40,7	31,9
Великий Устюг	Вологодская	1212	11,1	19,1	37,0	36,7	36,4	36,6	34,8	31,7
Шенкурск	Архангельская	1229	1,5	2,6	н/д	н/д	7,4	7,3	6,7	5,7
Галич	Костромская	1238	6,2	8,9	16,1	19,4	н/д	21,7	19,6	17,3
Кашин	Тверская	1238	н/д	н/д	16,2	17,7	н/д	20,5	19,1	16,2
Порхов	Псковская	1239	5,6	8,0	н/д	н/д	13,2	14,1	13,0	10,6
Устюжна	Вологодская	1252	5,1	н/д	н/д	н/д	н/д	10,2	9	9,8
Шлиссельбург	Ленинградская	1323	5,3	6,3	н/д	н/д	10,5	12,7	12,1	13,2
Солигалич	Костромская	1335	3,4	3,5	н/д	н/д	6,8	7,3	6,9	6,4
Остров	Псковская	1342	6,3	7,6	17,6	22,4	26,7	28,8	28,2	21,7
Каргополь	Архангельская	1380	3,1	3,4	н/д	н/д	11,0	13,0	12,0	10,2
Чухлома	Костромская	1381	2,2	2,2	н/д	н/д	4,7	5,5	5,5	5,4
Кингисепп	Ленинградская	1384	4,6	4,8	8,4	17,3	38,6	50,2	52,1	48,5
Выборг	Ленинградская	1403	23,5	н/д	51,1	65,2	75,6	80,2	78,6	80
Опочка	Псковская	1414	5,7	7,1	н/д	н/д	н/д	16,1	14,6	11,6
Гдов	Псковская	1431	2,1	3,4	н/д	н/д	4,5	6,0	5,5	4,4
Котельнич	Кировская	1459	4,2	7,6	27,6	29,2	н/д	35,8	29,5	25

Таблица 2

**Исторические малые и средние города
Ближнего Севера, возникшие в XVI–XVIII вв.,
и изменение их населения в XX–XXI вв.**

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. человек							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Себеж	Псковская	1535	4,3	5,5	н/д	н/д	10,5	9,6	6,0	6,4
Буй	Костромская	1536	2,6	9,9	27,2	29,2	28,3	31,8	27,3	25,8
Слободской	Кировская	1539	10,1	10,9	30,8	34,4	37,3	39,3	34,3	34
Яранск	Кировская	1584	4,2	6,1	11,8	15,4	17,2	20,4	21,6	17,3
Малмыж	Кировская	1584	3,2	4,4	н/д	н/д	н/д	10,6	9,8	8,3
Уржум	Кировская	1584	4,4	5,7	н/д	н/д	11,7	12,0	11,8	10,2
Сортавала	Карелия	1632	1,6	н/д	20,4	22,2	21,7	22,1	19,4	19,2
Олонец	Карелия	1648	1,2	1,8	н/д	н/д	10,2	11,8	10,9	9,1
Новая Ладога	Ленинградская	1704	3,9	н/д	н/д	н/д	н/д	11,5	10,6	8,8
Кемь	Карелия	1764	2,4	н/д	18,1	21,0	н/д	17,6	15,4	13,1
Боровичи	Новгородская	1770	9,4	н/д	49,5	54,8	59,6	63,0	58,8	53,7
Валдай	Новгородская	1770	2,9	н/д	н/д	н/д	н/д	19,2	18,5	16,1
Осташков	Тверская	1770	10,4	12,9	19,5	23,4	25,0	26,6	20,6	18,1
Вышний Волочек	Тверская	1770	16,6	31,2	66,4	73,9	71,7	64,9	57,9	52,4
Вытегра	Вологодская	1773	4,5	5,1	н/д	н/д	11,9	12,9	12	10,5
Тихвин	Ленинградская	1773	6,6	10,3	18,4	34,0	58,6	71,3	66,6	58,5
Калязин	Тверская	1775	5,5	ка	ка	ка	13,8	15,4	15,4	13,9
Кириллов	Вологодская	1776	4,3	4,3	н/д	н/д	7,4	8,8	8,5	7,8
Красный Холм	Тверская	1776	2,5	н/д	н/д	н/д	н/д	7,8	7,5	5,8
Весьегонск	Тверская	1776	3,5	н/д	н/д	8,4	н/д	9,5	8,8	7,3
Луга	Ленинградская	1777	5,6	н/д	25,5	31,9	н/д	41,2	39,2	38,6
Новоржев	Псковская	1777	2,8	3,1	н/д	н/д	н/д	5,0	4,5	3,4
Кологрив	Костромская	1778	2,6	3,1	н/д	н/д	4,2	4,3	3,9	3,3
Нерехта	Костромская	1778	3,1	7,4	22,3	25,7	27,0	29,0	27	22,8

Город	Регион	Год образования	Население, тыс. человек							
			1897	1926	1959	1970	1979	1989	2002	2010
Макарьев	Костромская	1779	6,0	6,5	н/д	9,3	9,0	9,1	8,1	7,3
Грязовец	Вологодская	1780	3,2	4,8	н/д	н/д	13,0	16,1	15,5	15,5
Кадников	Вологодская	1780	2,4	2,3	н/д	н/д	5,4	5,4	4,9	4,5
Никольск	Вологодская	1780	2,6	н/д	н/д	н/д	н/д	8,3	9	
Нолинск	Кировская	1780	4,8	5,6	ка	ка	12,4	10,8	10,5	9,6
Сольцы	Новгородская	1781	ка	4,3	ка	9,4	11,6	11,8	12,7	10,1
Пудож	Карелия	1785	1,5	2,2	н/д	н/д	8,4	10,9	11,0	9,7
Лодейное Поле	Ленинградская	1785	1,4	7,2	17,5	19,6	22,3	25,0	24,2	20,7
Гатчина	Ленинградская	1796	14,8	16,6	36,7	63,3	75,2	80,3	82,2	92,9

Наиболее известны культурно-туристические бренды таких городов, как Великий Устюг и Мышкин, другие города активно работают над созданием своих брендов: Снегурочка в Костроме, Кикимора в Кирове, Василиса Премудрая в Юже и др. О судьбе исторических и новых городов Костромской области как типичного региона Ближнего Севера будет рассказано более подробно.

Города Костромской области

Кострома с ее 273 тыс. жителей в 2014 г. заметно уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (602 тыс.), Иваново (409 тыс.) и другим. Поэтому ее влияние распространяется на меньшую территорию. Кроме столицы в регионе нет больших городов. Городской округ Шарья на востоке (удаленный от региональной столицы на 260 км) в 7 раз меньше Костромы. Сама Кострома как центр субъекта РФ в макроэкономическом плане может быть отнесена к периферии Центрального федерального округа, находясь на его окраине. Еще в большей степени это касается всей

Костромской области. Во многом это определило и благополучие ее городов.

Таблица 3 показывает, как менялась численность населения городов (без учета сезонных дачников) во второй половине XX – начале XXI вв.

Таблица 3

Население и сальдо миграций в городах Костромской области с 1970 по 2014 г., человек в год

Города и городские округа	Население, тыс. человек				Прирост, % 2014 к 1990	Сальдо миграций на 1000 жителей, промилле					
	1990	2000	2010	2014		1970	1980	1990	2000	2005	2012
ГО Кострома	280,9	287,2	269,3	273,4	97	14	8	3	8	3	9
ГО Шарья	26,3	41,2	36,7	36	137	-10	2	4	0	7	1
ГО Буй	32,0	34,4	25,2	25,2	79	-21	1	1	1	-1	-11
Нерехта	29,7	27,7	22,5	21,8	73	-5	3	-1	1	3	-9
ГО Мантурово	21,9	20,7	17,1	16,4	75	-17	-7	1	4	0	-18
ГО Галич	21,6	20,2	17,0	16,9	78	1	0	2	-4	-8	-4
ГО Волгореченск	18,0	18,8	17,0	16,8	93				8	-1	-5
Нея	13,1	11,9	9,6	9,2	70	-5	0	-2	0	-4	-15
Макарьево	9,2	8,3	7,2	6,9	75	-30	-6	6	3	0	
Солигалич	7,5	7,0	6,3	6,1	81	-10	-4	0	1	-12	
Чухлома	5,5	5,5	5,3	5,1	93	-4	-6	8	6	1	
Кологрив	4,2	4,0	3,3	3,1	74	-18	-3	-4	7	12	

Источник: Паспорта городов России

Наибольший отток населения характерен для 1970-х гг. Хотя тогда еще не было столь сильного экономического кризиса во многих малых городах, как и сейчас, население стремилось в крупные центры не только из сельской местности. Положительное сальдо миграций имела только Кострома. В 1980 г. отточными были города с населением менее 20 тыс. жителей. В 1990-х и начале 2000-х гг. ситуация была изменчивой, но Кострома продолжала притягивать население, хотя и некото-

рые малые города стали привлекательны, например крошечный Кологрив, Чухлома, Макарьев. В основном они продолжали стягивать местное сельское население (в частности, дети забирали стариков из деревни в город, прописывали их у себя и продавали сельские дома), но появился и тоненький ручеек дезурбанизации в эти живописные и спокойные городки.

В 2000-х гг. наметились основные точки экономического роста региона: Кострома, Волгореченск, где расположена Костромская ГРЭС и трубный завод, входящий в структуру «Газпрома», а также Шарья на востоке области, все больше берущая на себя роль второго центра региона, в том числе и из-за эксцентриситета его столицы. И хотя ее «бурный рост» в 1990-х гг. связан с присоединением поселка Ветлужский, в последние годы благодаря миграционному приросту темпы уменьшения населения замедлились. Соотношение абсолютных и относительных (на 1000 человек населения) размеров естественной убыли и миграционного притока/убыли населения в разных городах области приводится на рис. 5 и 6, из которых видно, что лишь Кострома и Шарья остались привлекательными для мигрантов и меньше теряли население из-за естественной убыли благодаря более молодому населению.

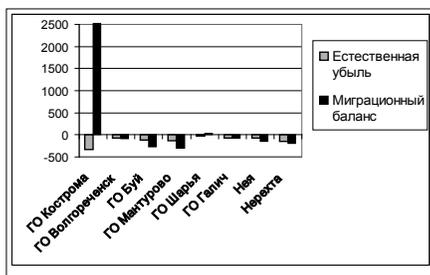

Рис. 5. Соотношение абсолютных балансов рождений/смертей и прибытия/выезда населения городов Костромской области, человек, 2012 г.

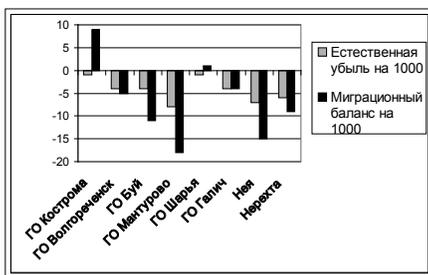

Рис. 6. Соотношение относительных балансов рождений/смертей и прибытия/выезда населения городов Костромской области, человек, 2012 г.

Экономическое положение городов Костромской области на фоне других российских городов России менее благополучно. Во всех городах зарплата превышала прожиточный минимум

всего в 2–2,5 раза, за исключением Волгореченска, где заработки выше. Однако тратили люди свои деньги часто в Костроме, которая выделяется по объему розничной торговли, общественного питания и платных услуг на душу населения (ситуация резко улучшилась в последние годы), или в других крупных центрах. Кострома и Волгореченск отличаются и по темпам/объемам ввода жилья, что служит хорошим индикатором общей экономической активности. От них несильно отстают Шарья и Галич. Можно выделить некоторую группу городов «середняков» (Галич, Буй, Нерехта, Шарья), которые отчасти сохранили машиностроительные, химические производства или привлекли новые инвестиции. Остальные малые города пытаются выживать, опираясь на лесопереработку и местную пищевую индустрию. Жизнь во многих малых городах замерла, почти ничего не строится, большая часть их территории – сельские дома, не обустроенные даже элементарными удобствами. Их население вынуждено подрабатывать и в других местах, в том числе в Москве и Подмосковье. Важным подспорьем в малых городах служит и личное подсобное хозяйство. Приведем примеры некоторых из них.

Мантурово

Самое сильное впечатление в Мантурово производит созерцание на местной станции расписания проходящих поездов.

100Э Москва – Владивосток

044Э Москва – Хабаровск

100Э Москва – Владивосток

070Ч Москва – Чита

068Ы Москва – Абакан

074Е Санкт-Петербург – Тюмень

014А Санкт-Петербург – Новокузнецк

040А Санкт-Петербург – Астана

192А Санкт-Петербург – Челябинск

Вокруг довольно невзрачный вокзальный зал ожидания, не отличающийся повышенным комфортом. Сонная кассирша в окошке. Отдельно сидящие ожидающие, дремлющие на дере-

вянных жестких скамьях. Вялая очередь местных пассажиров. А тут на табло такое невероятное пересечение мировых путей, охватывающих чуть ли не половину земного шара. Мол, прямо сейчас, что называется, не отходя от кассы, можно купить билет и пересечь на транссибирском экспрессе всю Сибирь и добраться аж до самого Владивостока и Тихого океана. Не верится. И все эти космические поезда останавливаются в Мантурово. Пусть на пару минут, но остановку делают. Значит, Мантурово – это не просто так, это что-нибудь да значит.

К сожалению, это значит не слишком много. Да, вокзал, да, разъездные пути, да, городок на Транссибе в его европейской, костромской, части. Все так, да не слишком более того. Еще есть река Унжа, приток Волги. Река красивейшая, но не в пределах Мантурово. Здесь же ни набережной нет, ни красивых речных видов. В основном какие-то балки и баньки спускаются прямо к реке. Вот и вся живописность. Унжа прекрасна где угодно, только не в Мантурово. Увы, но так.

Мантурово испокон века было поселком и только в 1958 г. получило долгожданный статус города, при этом отделившись своим районом от Кологрива и его района. Это была своего рода война за независимость. Впрочем, войны, конечно, не было, но мечта о самостоятельности у местных жителей и властей была. А до этого Мантурово было селом в чистом виде. Апокриф гласит, что железную дорогу в Сибирь должны были тянуть через этот самый Кологрив, в 60 километрах выше, т.е. севернее, по той же самой Унже. Но якобы мантуровские купцы дали взятку проектировщикам, и Транссиб повели через Мантурово. Трудно сказать, так или не так было дело, но в итоге Мантурово превратилось в некое значимое место на карте. Здесь и станция, здесь и мост через Унжу, здесь и всякого рода промышленные и полупромышленные объекты. Но основа основ – промышленные гиганты. Те, что были, и те, что есть.

В основном те, что были.

Жемчужиной в короне индустриализации был завод-гигант с поэтическим названием «Биохим». Запустили его в самый разгар советского брежневского застоя, в 1975 г. Строила его, как тогда говорили, «вся страна», но главным образом ЗК («заключенный контингент»), приговоренные к «химии», т.е.

к работе на вредных производствах. Целью производства официально значились «перевязочные материалы»: медицинские бинты, бандажи. Но на самом деле здесь, на берегах Унжи, производили... топливный компонент для космических ракет. Надо же, отсюда и прямо в космос! Трудно представить, глядя сегодня окрест. Вот такие мантуровские дела.

Построили «Биохим»-бинтопроизводство немного за городом, на отшибе. Но развернули на территории поистине масштабной. При заводе соорудили целый жилой район, так называемый 9-й квартал, или «Юбилейный», видимо, в честь очередного юбилея Октября. В отличие от поселочной деревянно-индивидуальной застройки исторического Мантурово, 9-й микрорайон по своим временам был высоким достижением социалистического жилищного строительства и благоустройства. Даже центральная канализация имелась. Кстати, она здесь и по сию пору существует. Но только здесь и нигде более в Мантурово. В лучшие свои годы «Биохим» занимал до 1800 работников. Для Мантурово это было просто рекордом всех рекордов. В те же лучшие свои годы «Биохим» от души травил местную природу и в первую очередь Унжу. Старожилы рассказывают, что река переливалась всеми цветами радуги, каждый второй день меняя цвет своей воды, да и в воздух выбрасывалось ядовитого добра немало. Но это уже в прошлом. Природа самоочистилась. Спасибо ей за это.

Но так уж случилось, что ракетная индустрия перешла на жидкое топливо, потом произошли перемены начала 90-х гг., и «Биохим» начисто закрыли, под завязку, без права переписки с будущим. 9-й микрорайон естественным образом перешел к прозябанию, внешние следы которого видны повсюду. Хотя, впрочем, построили тут одно симпатичное здание на насыпном холме, архитектурно осмысленное, и, по сравнению со всем остальным, шикарное, по индивидуальному проекту, под зеленой крышей. И называется оно «Мантуровская Межрайонная инспекция Федеральной налоговой службы». Трудно сказать, много ли сегодня дает налогов город Мантурово и Мантуровский район с их депрессивной экономикой, но налоговая инспекция имеется, чтобы помнили. Тут же и больница. Она не в лучшем состоянии, ой, не в лучшем.

По всем мало-мальски серьезным случаям ездят в Шарью или Кострому. Кто может. Но это другой разговор.

Есть в Мантурово и совсем не депрессивное экономическое чудо, а именно завод «СВЕЗА Мантурово», одно из лучших в России производств березовой фанеры, идущей на экспорт. До недавних пор он назывался фанерным комбинатом, а в народе просто «Фанерником». В 1990-х и 2000-х завод лихорадило. Но не так давно вошел «Фанерник» в состав знаменитой корпорации «Северсталь» Мордашева из Череповца и стал именоваться «Свезой». Красиво звучит, ничего не скажешь. Жизнь на «Свезе» проходит за массивным охраняемым забором. И только по количеству и качеству машин и грузовых фур, припаркованных на стоянке, можно косвенно судить о внутренней жизни «Свезы». И еще. На внешней стене заводууправления, выходящей на улицу, врубили сбербанковский банкомат для народа. Знать, не случайно. И, надо же, работает он исправно. Наличности в городе ходит немного, а здесь имеется по потребности.

Важен один из парадоксов местной экономики. По всем показателям Мантурово находится в глубокой экономической депрессии, или рецессии, или в чем-то таком нехорошем. Но вот торговля растет и множится прямо на глазах. Продовольственный гигант «Магнит» открыл в Мантурово аж две супермаркетовые точки неплохих размеров. Возник отнюдь не маленький магазин стройматериалов и всего домашнего с громким именем «Армада». Это, конечно, вам не московские «Леруа Мерлен» или «ОБИ», но по ассортименту очень и очень прилично. И народу в «Армаде» всегда много, бойко идет торговля. И так повсюду. Все торгуется, все покупается – от обычного и деликатесного продовольствия и ширпотреба до утонченной электроники и почти что столичного эксклюзива. И как так все это происходит? Непонятно. Все жалуются на безработицу и бескормицу, а торговля растет на глазах. Чудеса чудесные.

Можно ли погулять по Мантурово? Можно, но не нужно. Не в том смысле, что эта прогулка будет небезопасной. Нет, не об этом речь. А просто город при своих 16 с небольшим «тыщ» населения так распростерся по окружающим костромским по-

лям, что без машины тут никуда не добраться. Есть автобусы, но, сами понимаете, они отнюдь не экскурсионные. Кварталы индивидуальной избяной застройки простираются на километры. В них врезаются, где отдельными вкраплениями, а где и такими лепыми анклавчиками, коттеджи нового среднего класса. Гипотеза: не он ли, этот новый средний класс, и ходит по магазинам и точкам улучшенного общепита?

А если войти в коттедж, попроситься в гости? Тут уж все сказочное и великолепное. Полы мраморные, стеклопакеты на окнах в рамах из лиственницы, двери из дуба. Санблок блестяет итальянским фаянсом. Кухни под 30 метров. Правда, магистрального газа нет и не предвидится (т.е. предвидится, но не сбудется по нашим временам, надо думать). Но это детали. Хорошие коттеджи в Мантурово.

Лет пять тому назад жило Мантурово ожиданием экономического чуда. В результате сложных манипуляций и подковерной борьбы добился город святого права строить самый большой в Европе по своей инвестиционной мощи ЦБК (целлюлозно-бумажный комбинат). По соседству с руинами «Биохима» выделили территорию под стройплощадку, поставили понижающую электроподстанцию, намеревались рыть канал к Унже. Жители аплодировали с переходом в овацию. Энтузиасты стройки из числа представителей народных масс потирали руки: заживем, зажируем. Не учитывали, правда, что ИПРовцев намеревались завозить из-за рубежа, а рабочих всего-то предполагалось не более 150 душ. Но это все неважно. Главное, общественное мнение ликовало по поводу факта самой большой стройки Европы. Скорые на руку и подъем столичные экологи подсчитали, что очистные сооружения, если запускать их по-серьезному, съедят всю выручку комбината, воды в Унже для гидролизных ванн не хватит, как, впрочем, и леса. Придется лес возить за сто километров из дальних районов и соседних областей, т.е. золотым станет лес. Но все эти аргументы померкли перед восторгом предстоящих инвестиций. Эгих самых инвесторов меняли как перчатки. Местная природная среда уже заказывала себе реквием. Начинались отдельные словесные и публичные стычки властей и экологов по варианту Химкинского леса. То есть развивался обычный для таких случаев сценарий. Но тут среди яс-

ного неба ударил экономический кризис 2008–2009 гг., власти затормозились. Инвесторы рассосались. Территорию ЦБК даже не успели обнести забором. Потом сменился губернатор. И новый глава области, коренной, местный, костромской, имел совсем другие взгляды на перспективы промышленного роста за счет погубления природы. Так вот и не случилось чуда технологии и процветания на костях русского леса. Перекрестимся при этом на всякий случай.

Живет ли Мантурово своей отдельной от всего остального пространства жизнью? И да, и нет. Внешняя жизнь проникает во все поры, во все клетки провинциального организма. Да и провинция ли это, по большому счету? Не совсем. На каждом шагу находим признаки нового, но нового своего, нового по-своему и со своим колоритом. Быть может, это и неплохо?

Макарьев

Рассказ о г. Макарьево надо начинать с села Унжа, расположенного к северу от него. Это один из самых старых городов Костромской области, появившийся при князе Всеволоде в XII в. Сначала это был опорный пункт при защите от татар, потом – торговый центр. Летопись впервые упоминает о нем в 1219 г. и до начала XX в. село так и называлось – Старый город. К концу XIX в. в нем еще оставалось 1280 жителей. И до сегодняшнего дня сохранились три церкви, в том числе одна действующая, и старые огромные бревенчатые дома на несколько семей. Здесь еще работает сельскохозяйственный кооператив, но население катастрофически сокращается, в селе множество брошенных и полуразрушенных домов.

Именно здесь в 20 км к югу от Старого города на высоком берегу реки Унжи преподобный Макарий Желтоводский (позже и Унженский) поставил в 1439 г. свой скит. Со временем на его месте был построен монастырь, место паломничества и стимул экономического развития нового города, выросшего из примонастырской слободы. Значение Макарьево-Унженского монастыря усиливалось и тем, что он пользовался особым покровительством царской династии Романовых.

Рис. 7. Бывший городской дом в селе Унжа

Рис. 8. Церкви в селе Унжа

Расстояние от Костромы – 186 км. Тем не менее, город быстро развивался. Вот что писала энциклопедия Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона в конце XIX в.: «До 1439 г. на месте, где теперь город, была пустошь, покрытая лесом. Вскоре около нее образовались поселения, известные еще в XVI в. под именем монастырской слободы и с. Коврова. В 1778 г. они преобразованы под именем Макарьева в провинциальный город Костромского наместничества, в котором было 318 душ. В 1797 г. его переименовали в уездный город. Дворов 632, жителей к 1895 г. 6273 (дворян 36, духовных сословий 54, почетных граждан и купцов 246, мещан 5572, военных сословий 42, крестьян 312). Церквей 2. По Унже от Макарьева ходят пароходы».

Макарьев возглавлял значительный по площади уезд. В той же энциклопедии написано: «Болот много в северной части. Она более лесиста, чем юго-восточная. Там лес во многих местах непроходим. Всеи земли в уезде 1077,7 тыс. десятин, в том числе под лесом 695,7 тыс. дес., под покосами 63,7 тыс. дес., под пашней 176 тыс. дес., под выгоном 73,9 тыс. дес. Огородничество развито в заштатном г. Унже, с несколькими соседними селениями; лук идет на продажу и за пределы губернии. Рыбы довольно много ловят в реках Немда и Унжа. Всех жителей к 1895 г. в уезде без городов было 142 тыс. человек, в том числе 1,5 тыс. раскольников, деревень 943, усадеб 24. Количество дворов в селениях невелико: от 1 до 10 дворов имеют 558 сел. Из кустарных промыслов распространены выделка деревянных изделий, мочального товара, посуды, телег, саней, холстов, обуви, смолокурение, производства дегтярное, горшечное, кузнечное и красильное. Отхожие промыслы развиты преимуще-

ственно в северной части, на сторону отправляются плотники, печники, стекольщики, маляры, портные, шерстобиты и др. Фабрики и заводы: 8 кожевенных, 1 мыловаренный, 1 свечной, 11 кирпичных, 1 винокуренный, 1 бумажный, 1 угольный, 2 солодовенных, 2 спичечных, 2 клейных. 283 торговых лавки, 2 постоянных двора, 7 винных лавок. Базарных пунктов 12; ярмарки в 22 местах».

Как видно из описания, жизнь здесь была ключом. Унженские леса были известны своим корабельным лесом, и в городе функционировал один из основных лесных рынков на Волге. Специфика Макарьева в том, что городской план повторяет верный план Костромы – улицы расходятся от круглой площади. Такая регулярная застройка возникла после очередного крупного пожара 1802 г. Но, в отличие от Костромы, у Макарьева, который стоит на высокой террасе, нет набережной, и к берегу реки город почти не выходит. На площади прежде располагались торговые ряды, в XIX в. Макарьев славился своими ярмарками, которые проводились несколько раз в год. Теперь там парк, а весьма скромная воскресная ярмарка на лотках сдвинулась ближе к зданиям.

Рис. 9. Центральная торговая площадь г. Макарьева с купеческими особняками

Рис. 10. Макарьево-Унженский монастырь

В городе много других примечательных старых зданий, например здание присутственных мест, построенное в 1806 г. по проекту архитектора А.Д. Захарова. Во второй половине XIX в. были выстроены здания городской управы, дворянского собрания, ремесленного училища, жилые дома с лавками на нижнем этаже. Достопримечательностью города являются и почти восстановленный Тихвинский собор в центре города (собор

Александра Невского). А также краеведческий музей с удивительными экскурсоводами, любящими свой город и умеющими о нем рассказать, и уникальными экспонатами (например, макет плотов, сплавляемых по Унже, ныне убранный в запасы из-за отсутствия места).

В советское время монастырь был закрыт. Прекращение потока паломников затормозило хозяйственную жизнь города. В 1995 г. в монастырь вернулась его главная святыня, мощи преподобного Макария Унженского и Желтоводского, а в 2001 г. рухнула монастырская колокольня. Сейчас это сравнительно небольшой женский монастырь с десятком сестер и столькими же воспитанницами девочками-сиротами.

Появились новые импульсы роста. Правда, в постсоветское время они резко изменились. Рядом с городом работал льнозавод. С прекращением выращивания льна в 1990-х гг. он был закрыт, но помещение приспособили под более актуальную в современных условиях переработку грибов и ягод, которыми изобилуют окрестные леса и болота. Дары леса собирает местное население. Варенья и соленья под брендом «Царь Берендей» завоевали не только костромской, но и московский рынок. Последней новинкой стали молодые сосновые шишки в сиропе, а также варенье из одуванчиков. Есть и цех заморозки грибов и ягод, где закутанные женщины при -18°C посменно перебирают и сортируют продукцию. В реализацию поступают еще и сушеные грибы и ягоды.

Рис. 11. Бывший льнозавод в Макарьевском районе – ныне предприятие по заготовке грибов и ягод «Царь Берендей»

Рис. 12. Продукция предприятия «Царь Берендей»

В советское время был построен машиностроительный завод. В годы перестройки он не выжил. Возникший в его цехах спиртоводочный завод тоже просуществовал недолго. В районе при лесистости более 80 % издавна ключевой была лесная промышленность. В советское время здесь было создано около 30 лесопромышленных поселков, заготавливающих древесину. В 2000-х гг. сюда пришли инвестиции, и в помещениях бывшего машзавода был создан Макарьевский деревообрабатывающий завод, доставлявший разнообразные отделочные материалы на московский рынок, но и он испытывает трудности. Хотя множество мелких лесозаготовительных предприятий и пилорам (даже в агросекторе) продолжают работать. В Макарьевском районе осталось формально 9 из 15 советских агропредприятий, но более половины посевов и поголовья скота сосредоточено всего в двух предприятиях. При столь сильном сжатии производства молокозавод города также закрылся. Производственная база города все более сужается.

Макарьев обладает удивительной аурой тихого провинциального города, спокойная жизнь которого нарушается лишь в дни церковных праздников, когда в монастырь на службу съезжаются жители не только окрестных районов, но и больших городов и соседних регионов. В городе приятно гулять по широким тенистым улочкам, чаще не мощеным и больше похожим на деревенские, но с аккуратными красивыми домами с резными наличниками. От монастыря и с окраин города открывается великолепный вид на Унжу и заунженские дали. Здесь есть городские дачники, живущие подолгу. Частная гостиница в здании бывшего леспромхоза принимает гостей почти по-домашнему.

Но местное население уезжает из города, хотя в последние годы жизнь в нем внешне активизировалась, построены новые современные магазины с неизменным «Магнитом», появилось кафе. Если в позднесоветские годы город еще собирал окружающее сельское население, то теперь его аттрактивность для селян свелась к минимуму. Работы нет, жизнь с дровяным отоплением (газа тоже нет), не отличающаяся от бытовых условий деревни, не устраивает молодежь.

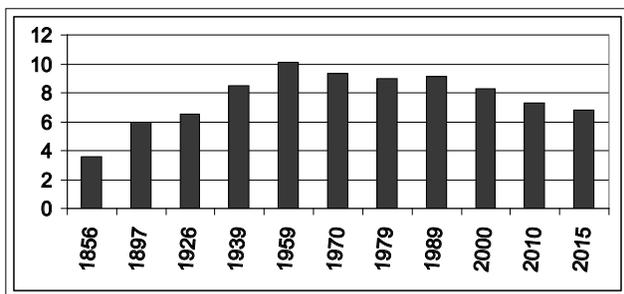

Рис. 13. Численность населения в г. Макарьеве с 1956 по 2015 г.

При таком тающем населении Макарьев даже хотели лишить городского статуса, переведя в сельское поселение, имеющее ряд преференций для жителей, в том числе и по оплате ЖКХ. Но горожане, гордые своим прошлым, отказались.

Шарья

Город расположен на реке Ветлуга, притоке Волги, и удален от Костромы на 328 км. Как и Мантурово, он примерно равноудален от Костромы и других региональных центров – Нижнего Новгорода и Кирова, что, с одной стороны, создает проблемы его глубинного положения, а с другой – заставляет брать на себя функции организации огромной территории востока Костромской области, поскольку при западном эксцентриситете Костромы Шарья – самый большой город на этой восточной окраине.

Шарья – город, по сравнению с древним Макарьевом, новый и гораздо более перспективный. Это связано с двумя факторами: он расположен на железной дороге, и в него пришли сравнительно крупные иностранные инвестиции. Население собственно города в 2015 г. составляло 23,9 тыс. человек, а городского округа Шарья, который был создан в 2004 г. и включил крупный поселок Ветлужский и другие населенные пункты Шарьинского района, – 36,7 тыс. человек. Его население уменьшалось из-за превышения смертности над рождаемостью, но в последние годы оставалось стабильным, поскольку Шарья – это единственный город, кроме Костромы, который имеет положительный миграционный баланс.

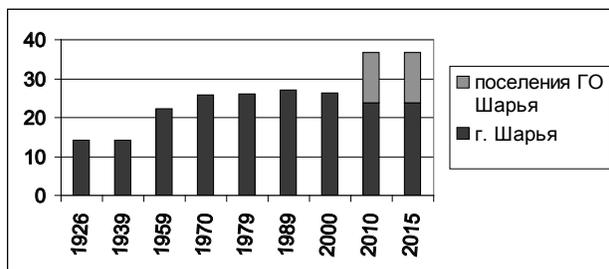

Рис. 14. Численность населения города и городского округа Шарья с 1926 по 2015 г.

История города началась со строительства железной дороги Вятка – Вологда, в 1906 г. участок дороги, которая подходила с востока от Котельнича, был завершен, состоялось официальное открытие движения поездов. Дорогу назвали Северной, а станция Шарья оказалась удалена от Москвы на 700 км (как Санкт-Петербург). Строительство дороги осуществляли частные подрядчики, в этом не участвовала государственная казна. А через год закончилось строительство паровозного депо Шарья и вокзала. В поселке стали строиться жилые дома на единственной улице, которая так и называлась – Вокзальная, появились школа и больница с поликлиникой.

Городской статус поселок Шарья получил в 1938 г., тогда в нем проживали 12 тыс. человек. Он всегда имел несколько привилегированное положение и в советское время был городом областного подчинения.

Главным локомотивом развития в послевоенные годы были лесозаготовка и деревообработка. Лесокombинат «Шарьядрев» стал градообразующим и крупнейшим предприятием своей отрасли не только в городе, но и в Костромской области. В 1970-х гг. на нем были заняты около 5 тыс. человек. Появились предприятия пищевой, швейной промышленности, более тонкая переработка древесины, в том числе производство мебели. Город расширялся.

Шарья – важный транспортный узел. Через него проходит железная дорога из Москвы во Владивосток. Это узел пересечения автомобильных дорог, идущих с запада от Ярославля и Костромы на Киров, и дорог, связывающих восточные районы

Костромской области с Нижним Новгородом. Пришлось даже построить объездную дорогу вокруг города. Шарья всегда тяготела к Нижегородской области и вошла в состав Костромской только в 1944 г., хотя прежде эта территория находилась в составе Костромской губернии. И сейчас Шарья входит в межрегиональную ассоциацию городов Поветлужья, имея тесные связи с северными районами Нижегородской области.

Рис. 15. Новые и старые районы Шарьи,
источник: <http://venividi.ru/node/10202>

Шарья – типичный промышленный город. «Шарьядрев» в начале 2000-х гг. стал филиалом российско-швейцарского холдинга «Кроностар», который построил на окраине города новый, «с иголки», современный завод по производству древесно-стружечных плит. Тем не менее, есть и самостоятельное предприятие ООО «Лесопромышленный комплекс», который занимается лесозэксплуатацией, пытаясь создать новую сеть на месте разрушенных леспромхозов, строительными работами, производством мебели. В качестве градообразующих можно считать локомотивное и вагонное депо, а также новое предприятие по производству минеральной воды.

Рис. 16. Памятник первому паровозу в Шарье

Рис. 17. Предприятие ООО «Кроностар» по производству древесно-стружечных плит в Шарье

Город сильно изменился с приходом столь крупного иностранного инвестора. Если в 1990-х гг. он производил впечатление заштатного городка, то уже с середины 2000-х гг. жизнь в нем закипела. В городе восстановили центральную многоэтажную гостиницу «Шарья», весь центр заняли торговые павильоны.

Помимо местного населения в Шарью стекаются работники из других поселений городского округа Шарья и из соседних районов, в том числе на «Кроностар», где зарплаты в среднем выше, чем на других предприятиях. Правда, в нескольких шагах от центра начинается обычная спокойная провинциальная жизнь с деревянными домами, намощенными улицами, курами, разгуливающими вдоль заборов.

И все же, несмотря на то, что формально Шарья – малый город, ее особое географическое положение способствовало тому, что в нем разместилось несколько филиалов вузов, в том числе филиалы Костромского госуниверситета им. Н.А. Некрасова, Гуманитарного университета, Международного юридического института при Министерстве юстиции РФ и Московского института экономики, менеджмента и права.

Здесь находятся предприятия, обслуживающие не только Шарьинский район, но и соседние муниципальные районы. В общем, Шарья все увереннее исполняет роль субрегионального центра на востоке Костромской области.

Галич

Город Галич – важный исторический и культурный центр Костромской области, некогда имевший значение второго города региона, сейчас является одним из промышленных центров и имеет статус монопрофильного поселения. Он расположен на берегу самого крупного в Костромской области Галичского озера, в его планировке четко читаются различные этапы развития. Он является одним из немногих городов России, где сохранилось несколько комплексов средневековых оборонительных сооружений, а также нарядный архитектурный ансамбль уездного купеческого города. Галич удобно расположен на пересечении железнодорожных путей (через город проходит северный ход Транссибирской магистрали и ветка на Кострому) и автомобильных дорог: через город проходит автомобильная дорога на север области, а также дороги на запад в Буй и на восток в направлении Антропово и Неи. Казалось бы, богатое историческое и культурное наследие, сложившийся в дореволюционные и советские годы промышленный комплекс и хорошие транспортные пути могли бы способствовать процветанию города, но он ежегодно теряет население, его социально-экономическое положение трудно назвать стабильным.

Датой основания Галича принято считать 1159 г., хотя первое упоминание о городе в летописях встречается не ранее 1238 г. Название города Галич (в прошлом – Галич Мерьский, от названия финно-угорского племени меря) говорит о том, что он был основан в годы активной славянской колонизации северо-восточных земель, когда новые поселенцы давали населенным пунктам и даже рекам названия, «перенесенные» из южных земель. Так, город Переславль в Ярославской области получил название Переславля-Залесского, чтобы отличать его от Переяславля (ныне Переяславля-Хмельницкого), расположенного вблизи Киева. Аналогично и Галич Мерьский был назван так, чтобы отличаться от Галича Вольнского. Историки связывают первые укрепления на территории Галича со временем княжения Юрия Долгорукого, который основал цепочку кре-

постей для охраны Ростово-Суздальского княжества от черемисов и татар. Первые оборонительные сооружения (Нижнее Городище) были выстроены недалеко от берега Галичского озера. Сейчас эту территорию занимают жилые дома и огороды горожан, а память о древней крепости сохранилась в названии улицы Городище.

В 1246 г. Галич стал столицей самостоятельного удельного княжества. Его территория охватывала большую часть современной Костромской области, простираясь от реки Костромы до верхнего течения Унжи и Ветлуги. В начале XV в. Галич стал центром оппозиции Москве. Сыновья галичского князя Юрия Дмитриевича – Дмитрий Шемяка и Василий Косой – больше 20 лет вели войну против московского князя Василия Темного. В то время была выстроена новая крепость уже не у подножия холма Балчуг, как Нижнее Городище, а на его вершине. Крепость была окружена высокими валами, а естественные овраги служили дополнительной обороной. С этого времени Балчуг стал именоваться Шемякиной горой. У подножия холма расположился посад и торговая площадь, рядом с которой в конце XV в. был основан Никольский Староторжский монастырь, сохранившийся до настоящего времени, но в полностью перестроенном виде. Галич потерпел поражение в междоусобной войне и в 1450 г. был окончательно присоединен к Москве как центр обширного уезда, для управления которым в Москве был создан особый приказ – Галичская четь.

Верхнее городище не помогло уберечь город от разрушительных набегов татар, поэтому в конце XV в. строится третья по счету крепость, но уже не на высоких склонах озерной котловины, а на плоском участке. Крепость была окружена мощными валами, на которых были выстроены деревянные укрепления с 12 башнями. Естественной защитой крепости служила излучина реки Кешмы, были вырыты дополнительные рвы, которые сейчас стали городскими прудами. После присоединения Казанского ханства к Москве Галич потерял свое оборонное значение и стал развиваться как торговый центр на торговом пути, связывающем Москву с портами Белого моря.

Расположение на берегу большого озера способствовало развитию местных промыслов. Галичане занимались рыболовством, поставляли рыбу в Кострому и Москву. Ершей жители

рыбной слободы в Галиче умели высушивать в печах до хруста, такую сушеную рыбу называли «вандыш». В голодные годы он помогал выжить многим галичским семьям. Другой промысел, связанный с озером, – это производство огурцов. Озерный сапропель (илистые донные отложения) служил отличным удобрением, поэтому утепленные высокие грядки («лунки») давали богатый урожай. В городе развивались и другие промыслы. С севера торговые караваны привозили олени шкуры, поэтому здесь развивалась выделка кож и обувное производство. Из местной глины производили кирпич, болотная руда позволяла построить здесь небольшое металлургическое производство.

В 1778 г. в ходе екатерининских реформ Галич получил статус уездного города Костромской губернии. В условиях сложного рельефа на склонах озерной котловины было трудно разработать регулярный план застройки города, который мог бы учесть и историческую специфику с несколькими центрами. До сих пор планировка Галича интересна архитекторам как изящный компромисс между строгостью регулярной планировки и мягкими линиями природного ландшафта. В середине XIX в. в Галиче появляются первые промышленные предприятия – несколько меховых заводов и перчаточная фабрика купцов Вакориных. Позже строятся несколько кирпичных и винокуренный завод. В городе появляется ансамбль каменных торговых рядов, наподобие костромских, но в более простых формах; строятся богатые особняки вдоль основной планировочной оси города. В начале XX в. через город прошла железная дорога. Старинный деревянный городской вокзал, построенный одновременно с железной дорогой в стиле эклектики, был снесен в 2009 г., когда Галич готовился отмечать свое 850-летие.

Советский период развития Галича характеризуется, с одной стороны, наращиванием промышленного производства, с другой – утратой большинства исторических и архитектурных памятников. В городе были разрушены все колокольни, из высотных доминант в городе осталась лишь пожарная каланча начала XX в. Почти все храмы были обезглавлены и приспособлены под хозяйственные нужды: в храме Василия Великого была устроена рыбокоптильня, Троицкий собор стал районной котельной и гаражом, в кафедральном Воскресенском соборе был устроен

хлебозавод и т.д. Многие храмы и монастыри были разрушены до основания. Промышленный комплекс включал в себя все необходимые для районного центра предприятия: заводы пищевой промышленности, льнозавод, мебельную и швейные фабрики, продолжали действовать несколько дореволюционных предприятий: кожевенный, кирпичный, пивоваренный и ликероводочный заводы. После Великой Отечественной войны в городе начинает развиваться металлообработка и машиностроение. В 1940-х гг. на базе бочкотарного предприятия были открыты ремонтные мастерские Министерства сельского хозяйства, позже здесь был налажен выпуск навесной сельскохозяйственной техники. В 1961 г. было открыто производство экскаваторов, а в 1980-х гг. завод был переименован в автокрановый. К настоящему времени ОАО «Галичский автокрановый завод» является градообразующим, он выпускает подъемные краны «Галичанин» на автомобильном ходу. Автокрановый завод был построен на окраине города, вокруг него вырос микрорайон с многоэтажной застройкой (именуемый местными жителями «Калинка», названный так по улице Калинина).

Сейчас на автокрановом заводе работают свыше 1500 человек – около 1/5 от экономически активного населения города. В структуре произведенной продукции автокраны составляют 83 %. Безусловно, Галич является монопрофильным городом. Согласно перечню монопрофильных поселений, утвержденному в 2014 г. Министерством экономического развития и актуализированному в августе 2015 г., он отнесен ко второй категории монопрофильных городов, т.е. к городам, «в которых имеются риски ухудшения социально-экономического положения». Комплексный инвестиционный план, который должен быть направлен на диверсификацию городской экономики, предусматривает дальнейшее расширение автокранового производства, а также создание двух новых предприятий: деревообработки и завода по обогащению кварцевых песков. Кроме того, КИП предполагает дальнейшую газификацию города и строительство нескольких котельных, обустройство нового полигона по захоронению ТБО. Насколько такие меры действительно смогут снизить риски, связанные с нестабильностью машиностроительного производства, непонятно.

Деятельность автокранового завода сделала невозможной реализацию инвестиционных проектов, направленных на использование природных ресурсов. В середине 2000-х гг. рассматривалась возможность использования озерного сапропеля для производства удобрений, такие проекты предлагали несколько зарубежных компаний. Но после детального анализа донных отложений от этой идеи отказались, поскольку в составе ила были обнаружены частицы тяжелых металлов. Видимо, городские очистные сооружения недостаточно хорошо очищают промышленные стоки, а также в озеро осаждается пыль, содержащая металл. Российское предприятие «Плодородие», которое осуществляло выпуск удобрений на основе сапропеля и торфа, уже прекратило свое существование.

Хотя Галич и расположен вдоль береговой линии озера, к воде он почти не выходит. Основная застройка вытянута вдоль нескольких улиц (Ленина и Свободы, сходящихся от железной дороги к центру, и Луначарского, идущей от центра до микрорайона при автокрановом заводе). Подойти к озеру можно лишь в нескольких точках: в районе старого городского пляжа недалеко от центра, на «перевозе» (остатках пристани, где раньше действительно была переправа на другой берег) в Рыбной слободе, а также около спасательной станции. Около каждого подхода к озеру выстроились ряды металлических «гаражей» для лодочных моторов. Купаться в озере жители не рекомендуют: дно илистое, мелкое, вода мутная. Но рыбу в озере галичане все равно ловят, в городе есть несколько специализированных точек по продаже свежей и копченой рыбы.

Прекрасный вид на озеро открывается с Балчуга. С холма можно увидеть вновь выстроенную шатровую колокольную и храм Василия Великого в Рыбной слободе, вытянувшейся вдоль берега, и огромный Троицкий собор Староторжского монастыря, расположенный у подножия холма, и уютные домики в историческом центре Галича. Совсем другая панорама открывается с валов третьей, наиболее поздней крепости. Прогуливаясь по восточному полукольцу, можно видеть взбирающуюся на склон озерной долины и огибающую овраги нагорную часть города с краснокирпичным зданием дореволюционного винокуренного завода. Если посмотреть на юг, то

в дымке виден Паисиев монастырь. В Галиче много и других видовых точек, которые позволяют увидеть постройки разного времени.

Хочется верить, что постепенно Галич вернет себе былое значение второго города области, поскольку никакой другой город так не растворен в ландшафте и не овеян историей. Он может стать не просто монопрофильным городом, а прекрасным центром для своего окружения, привлекать туристов и тех, кто готов переезжать из крупных городов в провинцию. Но главное, чтобы в город поверили его жители, научились ценить его архитектурное наследие и заботливо относились к городскому пространству.

Солигалич

Возникновение и развитие Солигалича связано с природными ресурсами, расположенными в черте города и его ближайших окрестностях. Уже в 1332 г. упоминаются соляные варницы на берегу реки Костромы в устье Шашкова ручья. Соляному промыслу город обязан своим названием: изначально поселение именовалось Соль Галицкая (чтобы отличать его от других центров солеварения, расположенных как в пределах современной Костромской области в районе г. Нерехты, так и от Соли Тотемской, расположенной в 100 км к северу на территории современной Вологодской области). К XIV в. относится не только первое летописное упоминание о добыче соли, но и первые сведения о Воскресенском монастыре, основанном галицким князем Федором Симеоновичем. Монастырь и посад с соляными варницами легли в основу формирования города, который в XV в. (по другой версии – в XVI в.) имел не только промышленное, но и оборонное значение, в нем появилась первая крепость. Примечательно, что крепость располагалась на противоположном по отношению к монастырю и варницам берегу реки Костромы, такая ситуация нехарактерна для большинства древнерусских городов, располагавшихся компактно на стрелках при слиянии рек. Крепостные валы сохранились до наших дней, но угадать расположение шести башен сейчас почти не-

возможно, а Успенский храм, расположенный на территории крепости, находится в руинированном состоянии. О глубоком рве напоминает лишь небольшая заболоченная низина в пойме реки. Сейчас с валов хорошо просматривается панорама древнего Солигалича с исторической застройкой ул. Набережной, Воскресенским монастырем и торговой площадью.

В XVI в. город уверенно развивался, так как к соляному промыслу добавилась добыча «белого камня» (известняка), который не только служил хорошим строительным материалом сам по себе, но и обжигался на известь, которую использовали при приготовлении строительного раствора по всему Русскому Северу. С развитием международной торговли (которая до основания Санкт-Петербурга осуществлялась по Белому морю, через порты Холмогор и Архангельска) Солигалич приобрел транзитное положение на одном из важных торговых путей. Торговые караваны шли от Волги по реке Костроме, которая берет начало чуть севернее Солигалича, оттуда суда перемещались в бассейн Белого моря по рекам Сухона и Северная Двина. Добыча соли и извести, а также развитая торговля способствовали развитию города, пик которого, как и для большинства городов Двинского торгового пути, пришелся на конец XVII – начало XVIII в. В XVII в. началось каменное строительство: был заложен поражающий своими размерами (для небольшого городка) Рождественский собор, в камне были выстроены храмы Воскресенского монастыря и храмовый комплекс на Наволоке (на берегу реки за Торговой, ныне Красной площадью). Большинство храмов сохранилось до наших дней, но все они требуют реставрации.

Рис. 18. Рождественский собор

Рис. 19. Собор Воскресенского монастыря

Постепенно город утрачивал основные ресурсы для развития. Торговый путь переместился в бассейн Балтийского моря, а более дешевую самосадочную соль стали добывать на юге России. Основу экономики во второй половине XVIII в. составляли добыча извести и лесозаготовка, в небольших количествах добывали болотную руду и ковали железо. В середине XIX в. макарьевский купец В.А. Кокарев выкупил земли, где ранее находились соляные варницы, с надеждой возродить промысел. Во время бурения новых скважин был обнаружен источник минеральной воды. В 1858 г. Солигалич посетил химик и композитор А.П. Бородин, который описал целебные свойства воды. Он рекомендовал устроить здесь водо- и грязелечебницу, которая сохранилась до настоящего времени и теперь является санаторием им. А.П. Бородина. К концу XIX в., согласно сведениям из словаря Брокгауза и Ефрона, Солигалич был «... глухой город, не имеющий никакого торгово-промышленного значения».

Индустриализация советского времени обошла Солигалич стороной. Из крупных промышленных предприятий здесь появился лишь известковый комбинат (по сути – это просто расширенная по сравнению с прошлым добыча известняка). Если раньше известь транспортировалась в основном по реке, то в советский период основные перевозки приняла Монзенская железная дорога, проходящая по границе Костромской и Вологодской областей. До настоящего времени она остается крупнейшей ведомственной железной дорогой широкой колеи. Солигаличский известковый комбинат входит в состав ее собственников. Как районный центр город приобрел «обязательный набор» предприятий по переработке местного сырья (маслосырзавод, льнозавод, деревообрабатывающие фабрики) и базовые градообслуживающие производства.

Из предприятий до настоящего времени сохранились известковый комбинат (по сути, градообразующее предприятие, хотя он дает работу лишь 300 жителям города и района), предприятия деревообработки, хлебозавод, маслосырзавод, цех по производству газированных напитков, производство валенок и небольшая швейная фабрика. В структуре промышленной продукции в ценовом выражении 75 % приходится на извест-

ковый комбинат, по 12 % приходится на продукцию деревообработки и пищевой промышленности, остальное – на валенки и швейные изделия. Работу местным жителям дают также санаторий имени А.П. Бородина, школа-интернат для сирот и другие учреждения сферы услуг. В Солигаличском районе работают 6 сельскохозяйственных предприятий и несколько фермеров. Все специализируются на молочном хозяйстве.

Солигалич имеет неповторимый и очень цельный образ. Застройка города в основном деревянная. Исключение составляют лишь храмы, несколько общественных зданий дореволюционного времени в центре (в них разместились районная администрация и краеведческий музей имени Г.И. Невельского) и несоразмерный городской застройке дворец культуры, построенный в стиле советского модернизма. Город интересен не только сохранившейся атмосферой северной провинции с деревянными тротуарами и малоэтажной застройкой, но и яркими архитектурными памятниками, не получившими широкой известности за пределами Костромской области. Помимо храмов к ним можно отнести ансамбль торговых рядов, построенных в середине XIX в. наподобие костромских, но не из камня, а из дерева, а также многочисленные городские усадьбы и домики, построенные на рубеже XIX–XX-вв. и украшенные невероятной деревянной резьбой.

Рис. 20. Купеческие особняки в Солигаличе

К местным достопримечательностям можно отнести и преобладание желтого цвета в городском ландшафте. Кто-то может говорить о городской легенде о том, как купцы украли вагон желтой краски и, чтобы пропачка не была обнаружена, принялись красить все дома в городе. Но во времена купечества железная дорога к городу не подходила (да и сейчас вет-

ка дотянута только до известкового комбината), и в целом эта история выглядит неправдоподобной. Тем не менее, количество домов желтого цвета бросается в глаза, они создают теплое радостное настроение. Еще одной яркой деталью Солигалича является обилие вывесок и рекламы, нарисованных от руки. Даже доска почета в центре города – это портреты известных людей, связанных с солигаличской землей: химика и композитора А.П. Бородина, адмирала Г.И. Невельского, купца В.А. Кокарева и других.

Рис. 21. Городская доска почета

Рис. 22. Вывеска фирменного магазина сапогокатального цеха

В городе сохраняется очень уютная, почти домашняя обстановка. В деревянных торговых рядах можно купить продукцию местного маслосырорудельного завода. Куски сыра «с циферками» продавщицы в передниках заворачивают в бумагу, сливочное масло заворачивается в вощенный пергамент. Местная газета «Солигаличские известия» рассказывает о небольших, но важных для жителей города событиях: о расширении ассортимента хлебозавода, о возобновлении работы фабрики по производству валенок (на здании которой сохранилась табличка «Сапогокатальный цех», написанная, конечно же, от руки), о других местных радостях и огорчениях.

К сожалению, город продолжает терять население и по-прежнему остается всего лишь небольшим районным центром, не имеющим широких перспектив ни для промышленного развития, ни для рекреационной сферы. Такая динамика кажется вполне оправданной, ведь чуть больше века назад Солигаличский уезд был описан земским врачом Д.Н. Жбанковым как «бабья сторона» из-за того, что боль-

шинство взрослых мужчин отправлялись в отход в города Верхневолжья или в Санкт-Петербург. Многие из них все равно возвращались в родные села и в Солигалич, но «вирус» городского образа жизни глубоко проник в жизнь крестьян, и начался стремительный миграционный отток, с середины XX в. дополненный естественной убылью из-за изменения возрастной структуры населения.

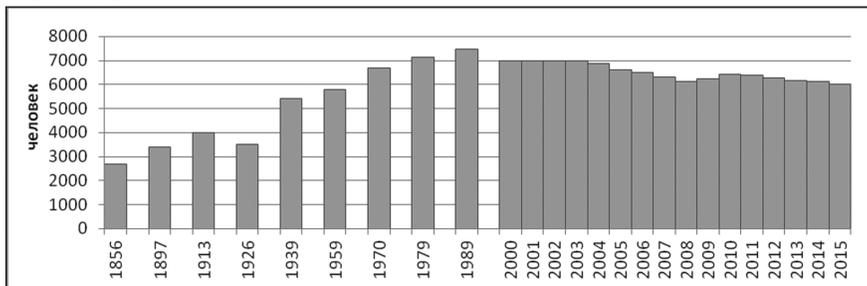

Рис. 23. Динамика населения г. Солигалича, 1956–2015 гг., человек

Уникальное архитектурное наследие находится в плачевном состоянии: старинные деревянные ряды признаны аварийными, ансамбль Воскресенского монастыря – тоже. В 2014 г. начались реставрационные работы, в ходе которых были сняты «скелеты» куполов, а колокольня укреплена мощными металлическими стяжками. Ветшают и купеческие особняки.

Развитие Солигалича сдерживает его периферийное положение. Удаленный на 216 км от регионального центра, расположенный у северной границы Костромской области, город, казалось бы, обречен на тихое угасание. Но до границы с Вологодской областью от Солигалича всего 30 км, и со стороны Тотьмы к границе области подведена неплохая дорога. Если бы оставшиеся со стороны Солигаличского района километры были бы заасфальтированы, возможно, Солигалич снова стал бы одним из важных пунктов на транзитном пути, но уже не столько торговом, сколько туристическом. Власти Вологодской области активно работают над развитием местных брендов. Великий Устюг как родина Деда Мороза и Тотьма как город первопроходцев привлекают туристов, их поток ежегодно растет. Солигалич мог бы дополнить этот маршрут, ведь с Тотьмой и Великим Устюгом его объединяет наследие соляного промысла.

ла и особый архитектурный облик, особенно заметный в храмовом строительстве. В пятиглавии Рождественского собора угадывается «Строгановское» барокко, а храм в селе Зашугомье Солигаличского района украшают каменные «картуши» – очень узнаваемая черта тотемской архитектурной школы. Развитие «северного туристического вектора» способствовало бы и развитию других городов на этой магистрали: Чухломы и Галича.

Солигалич останется прекрасным малым городом с ярко-желтыми домами и великолепными архитектурными памятниками. Хочется надеяться, что темпы убыли населения в городе и районе замедлятся и существующий хозяйственный уклад, основанный на тесном взаимодействии жителей с природой и между собой, сохранится.

Нерехта

Расположенная на правом берегу Волги, Нерехта больше тяготеет к Ярославлю и городам Ивановской области. Нерехта – самый южный город Костромской области, до границы с соседней Ярославской областью от города всего 10 км. Близкое расположение к двум крупным городам (40 км до Костромы и 65 км – до Ярославля), с одной стороны, способствовало индустриализации города и размещению здесь большого количества предприятий, продукция которых отправлялась в региональные центры, с другой – привела к большому оттоку жителей в постсоветский период, когда градообразующая база переживала тяжелый кризис. За постсоветский период город потерял свыше 1/4 своих жителей, по темпам относительной убыли населения опередив все малые города Костромской области. При этом богатое историческое наследие и неплохая городская среда делают его привлекательным не только для туристов, но и для жителей соседних крупных городов, которые переезжают в Нерехту после выхода на пенсию.

Первые упоминания о Нерехте относятся к началу XIII в., когда за Нерехту и соседние поселения (ныне на территории Ярославской области) Малые и Великие Соли вели спор

сыновья Всеволода Большое Гнездо. Каждый хотел обладать многочисленными соляными варницами, которые приносили стабильный доход. В отличие от большинства древних городов, в Нерехте не было городских укреплений, она представляла собой торгово-ремесленный посад на реке Солонице. Солеварение было экономической основой поселения на протяжении пяти веков. Варницы были в собственности членов княжеских фамилий, также ими владели крупные монастыри (Угрешский под Москвой, Горицкий в Переславле, Троице-Сергиев и другие). В XVII в. Нерехта сильно пострадала от польско-литовских интервентов, соляные варницы были разрушены, поселение разорено. Добыча соли прекратилась, но спустя несколько лет Нерехту было решено восстановить как удобный пункт на сухопутном пути из Ярославля в Кострому и из Костромы в Суздаль. В 1634 г. появляется первая каменная церковь в Богородице-Сретенском монастыре, расположенном вблизи от центра современного города.

Рис. 24. Богоявленская церковь

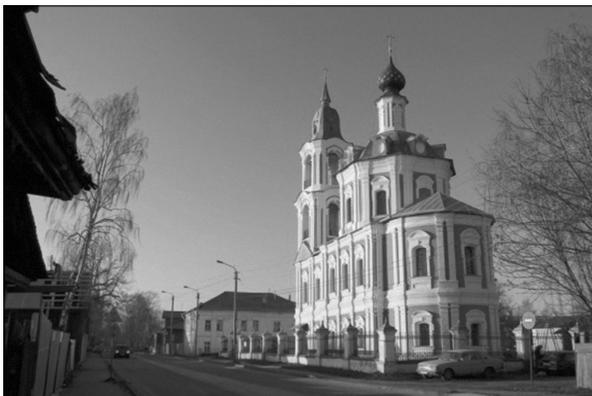

Рис. 25. Воскресенская церковь

В XVIII в. Нерехта оказалась на окраине крупного фабричного региона. Как и во многих крупных селах верхневолжского правобережья, здесь развивалось надомное ткачество и появлялись первые полотняные мануфактуры. Основным сырьем в то время служил лен, льняные полотна и канаты отправлялись в Петербург для оснащения российского флота. Постепенно был налажен выпуск более тонких тканей, которые отправля-

лись в различные города России. До настоящего времени сохранилось одно из самых старых фабричных зданий на территории Костромской области – мануфактура Пастухова, построенная в 1761 г. Статус уездного города Нерехты получает в 1778 г., в 1781 г. утверждается план застройки. В это время в городе строятся новые храмы, в числе которых – Варваринский, построенный костромским архитектором Воротиловым. Помимо церкви в конце XVIII в. в городе появляются и жилые дома. Дом Хворина (именуемый жителями города «дом-носок» из-за скругленного угла, выходящего к перекрестку) – самобытный памятник провинциального классицизма.

Застройка центральной части Нерехты относится к первой половине XIX в. Тогда были выстроены присутственные места, ансамбль торговых рядов, новая колокольня Казанского собора и жилые дома, обрамляющие площадь. Почти в неизменном состоянии площадь сохранилась до настоящего времени. На рубеже XIX–XX вв. в городе появились общественные здания в стиле модерн: фабричная больница и аптека. До сих пор проникновение архитектурных стилей в город можно легко прочесть по резным наличникам, которые ярко отражают все изменения «строительной моды».

Рис. 26. Стиль модерн в архитектуре Нерехты

Советские микрорайоны были построены на городских окраинах, а центральная часть города сохранилась почти в первоизданном виде. Поэтому власти Нерехты позиционируют свой

город как музей под открытым небом. Город действительно отличается очень гармоничной застройкой, здесь собраны прекрасные памятники различных эпох с очаровательным провинциальным колоритом. Многие исторические здания используются сейчас как филиалы краеведческого музея.

Связывать перспективы Нерехты исключительно с туризмом было бы неверно, поскольку город еще с конца XIX в. является важным промышленным центром. К полотняным мануфактурам в середине XIX в. добавился крупный льнокомбинат, расширенный в советские годы. Здесь существовала каблучная фабрика (с микрорайоном «Каблучник», ДК «Каблучник» и другими городскими топонимами, дающими богатую почву для городского фольклора). В советские годы здесь появился набор предприятий пищевой промышленности, льнозавод, экспериментальная текстильная фабрика, а в послевоенные годы начинает развиваться машиностроение. Нерехтский машиностроительный завод выпускал продукцию оборонного назначения, цех товаров народного потребления – велосипеды. В конце советского периода он был градообразующим предприятием, на котором трудились около 5000 работников.

После 1991 г. механический завод, как и большинство предприятий сходного профиля по всей стране, находится в кризисном состоянии. Несколько лет назад предприятие вошло в состав ОАО НПО «Базальт» (специализируется на производстве боеприпасов), начался медленный процесс технического перевооружения и обновления производства. Возобновить производство даже при наличии государственного заказа на его продукцию будет крайне трудно. Основная проблема кроется не в устаревшем оборудовании, а в кадрах. За долгие кризисные годы большинство сотрудников или вышли на пенсию, или нашли работу за пределами Нерехты.

Нерехта и Нерехтский район ярко выделяются на фоне Костромской области по количеству маятниковых мигрантов и отходников. Этому способствовало как удобное положение у границы с Ярославской областью, и наличие железнодорожного сообщения с Ярославлем (на электричке ездить «зайцем» гораздо проще, чем на междугородном автобусе), и резкий спад городской экономики. В Ярославле жители Нерехты и окрест-

ностей находят работу не только в секторе услуг (кассиры в супермаркетах, охранники, кондукторы на общественном транспорте), но и на предприятиях. Бывшие работники Нерехтского механического завода находили работу в локомотиворемонтном депо и на других объектах РЖД. Сотрудницы льнокомбината и швеи стали ездить на работу в Ивановскую область, где текстильное производство по-прежнему работает. Отходников, особенно молодых, привлекают не только соседние регионы, но и территория Московской столичной агломерации. Согласно микроданным Всероссийской переписи населения, каждый третий житель Нерехтского района в трудоспособном возрасте работает за пределами Костромской области. При этом есть и такие, которые работают в пределах своего региона, но за пределами района – в Костроме, в Волгореченске.

Сложившаяся практика отходничества настолько укоренилась в жизни нерехтчан, что многие уже не видят иного ритма работы. Отходничество стало рутинной, нередко отходники лучше знают рынки труда Ярославля и других городов, чем местный, нерехтский. Тем не менее, жители города отмечают, что радиус отхода постепенно сокращается, особенно для тех, кто ездит на заработки уже давно. В начале 2000-х гг., когда массовое отходничество только набирало силу, многие искали работу в Москве и городах Московской области, ездили в основном мужчины и устраивались в частные охранные предприятия. Постепенно стали появляться рабочие места и в Ярославле, появилась возможность найти работу, более-менее соответствующую специальности.

Работа появляется и в самой Нерехте. В городе действуют около 20 промышленных предприятий различной специализации: производство продуктов питания, швейных изделий, мебели, тормозных колодок, прицепов, керамических материалов и другие. В структуре отгруженной продукции около 2/3 в стоимостном выражении дает пищевая промышленность (хлебокомбинат и три предприятия по переработке мяса), 15 % приходится на производство неметаллических продуктов, 10 % – на продукцию машиностроения. Остальные отрасли дают незначительный вклад в общий объем производства, но важны для городского рынка труда. Расширяется сфера торговли, помимо

продовольственных магазинов появляются специализированные. Растет количество индивидуальных предпринимателей, зачастую свой бизнес решаются начать как раз бывшие отходники, которые смогли заработать стартовый капитал в Москве или в Ярославле.

Нерехта будит очень противоречивые чувства. Этот город точно не назовешь тихим и периферийным, поскольку здесь явно ощущается влияние двух крупных городов. В городе беспокойно в темное время суток, интерьер многих кафе намекает на то, что здесь часто случаются ночные посиделки. С другой стороны, малоэтажная застройка, уютный центр города с торговыми рядами, тихая набережная реки Солоницы позволяют ощутить колорит провинциального городка. Здесь поддерживаются различные народные традиции, помимо различных рукоделий (мастерских по изготовлению глиняной игрушки, льняных и обрядовых кукол, вязаных сувениров) в городе с 1984 г. существует ансамбль пастушьих рожков, известный за пределами Костромской области.

Молодой мэр города старается сделать Нерехту городом, привлекательным для жизни. Большие надежды он, как и большинство городских чиновников, возлагает на возрождение механического завода. Для молодых специалистов действуют специальные программы, СМИ ведут работу по повышению привлекательности рабочих профессий. Тем не менее, пока что город все еще продолжает терять население.

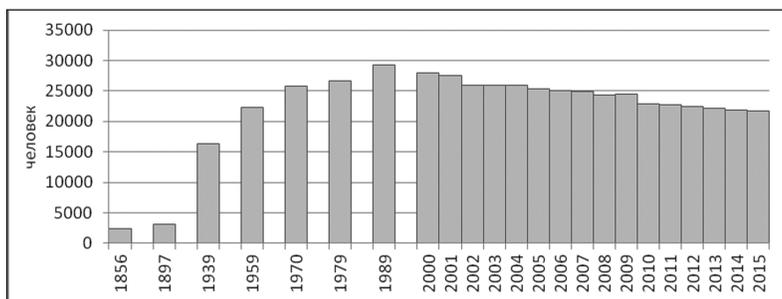

Рис. 27. Динамика численности населения г. Нерехты с 1856 до 2015 г., человек

До сих пор неясно, какой путь выберет для себя Нерехта: вновь вернется к «полузакрытому» существованию в связи с возобновлением оборонного производства, сделает ставку на развитие туризма или выберет иной путь, связанный с выгодами ее географического положения. В Нерехте есть обширные промышленные площадки, которые могли бы быть использованы инвесторами как для создания новых производств, так и для новых объектов сферы услуг.

Буй

Город Буй – западный форпост Костромской области. Из малых исторических городов этого региона он наиболее сильно изменился в XX в., из небольшого уездного городка став важным транспортным узлом и промышленным центром. Такое динамичное развитие не могло не сказаться на его архитектурном облике, поэтому в городе можно встретить как небольшие кварталы исторической застройки, так и типичные советские микрорайоны с многоквартирными домами. В 1990 г. Буй был вторым по численности населения городом Костромской области, но так и не смог стать истинным «вторым городом» региона из-за своего положения на западной окраине и из-за стабильной убыли населения.

Первая крепость на территории современного Буя была основана в 1536 г. у слияния рек Векса и Кострома. Постепенно городской посад разрастался как на междуречье, так и на противоположном правом берегу реки Костромы. Помимо лесозаготовок местные жители занимались обслуживанием проходящих по Волжско-Двинскому пути торговых караванов.

В 1778 г. Буй получил статус города и стал центром обширного уезда. Был утвержден регулярный план застройки, построены присутственные места и торговые лавки, принято решение о строительстве Благовещенского собора. Амбициозный план, предусматривающий 9 радиальных лучей и два полукольца, соединяющие радиусы, так и не был осуществлен. Административным центром по-прежнему оставалась территория кремля, за которой находилась просторная торговая

площадь, к ней сходились три луча – основные планировочные оси города. Постепенно Буй развивался, к середине XIX в. здесь проживали около 2000 человек, появились первые промышленные предприятия: лесопильные заводы и винокуренный завод Н.Ф. Кудрявцева. Жители Буйского уезда занимались льноводством, плотничеством и лесозаготовками, но основными промыслами, как в других уездах на западе Костромской губернии, были отхожие. В словаре Брокгауза и Ефрона говорится о местной специализации отходников: среди них было много кирпичников, уходивших на предприятия соседних губерний, и шапочников, работавших в Москве и Санкт-Петербурге. Буй был местом ссылки декабристов.

Большие перемены в жизнь тихого уездного городка принесла железная дорога. В 1905 г. через Буй прошла ветка железной дороги, проходящая от Санкт-Петербурга через Вологду в Вятку, а еще через 10 лет станция была соединена Северной железной дорогой, связывающей Москву и Архангельск. Буй стал важным железнодорожным узлом. Железная дорога позволила круглогодично транспортировать лес, в Буйе и окрестностях появилось 9 крупных лесопильных заводов. Вокруг здания железнодорожной станции (построенной из кирпича в формах эклектики) с примыкающей к ней часовой вырос пристанционный поселок. Дома для рабочих паровозного депо и служащих на станции были деревянными, как и здание клуба железнодорожников. Они были выстроены с использованием деталей архитектурного стиля модерн. Большинство из них не сохранились, как и прекрасный деревянный железнодорожный вокзал в соседнем городе Галич. С постройкой железной дороги планировочная структура города сильно усложнилась: к историческому центру у слияния рек добавился микрорайон железнодорожников. Лучевая планировка центра постепенно терялась в регулярной сетке кварталов нового города. Постепенно железнодорожный район города был застроен многоквартирными домами, эта часть города, если не считать ансамбля железнодорожного вокзала, сейчас безлика и однообразна.

В XX в. развивались различные отрасли промышленного производства. К лесопильным заводам добавились и другие предприятия по переработке местного сырья. Здесь появились заводы по выпуску хвойного экстракта, древесного спирта, уксусной кислоты. Впоследствии на их базе возник Буйский химический завод. В советские годы Буй стал районным центром, здесь были выстроены льнозавод, хлебозавод, мясокомбинат, швейная и мебельная фабрики. Ведущими градообразующими отраслями оставались химическая промышленность и обслуживание железной дороги.

Рис. 28. Железнодорожный вокзал в г. Буйе

Рис. 29. Деревянные дома времени постройки Северной железной дороги

В современном Буйе основу экономики составляют химические заводы (всего их 4, на них приходится около 75 % произведенной продукции в стоимостном выражении). Есть предприятия пищевой промышленности и деревообработки. Важную роль в экономике города и занятости населения играет строительная отрасль. Ее значение настолько велико, что Буйский сельскохозяйственный техникум несколько лет назад был переименован в «Буйский техникум градостроительства и предпринимательства Костромской области». Почему один из, казалось бы, рядовых районных центров получил такую специализацию?

В конце 1970-х гг. было принято решение о строительстве Костромской АЭС на территории Буйского района Костромской области. Для этого была выбрана площадка к югу от города. Строительные работы начались, была выстроена первая очередь будущего атомграда Чистые Боры, к площадке электростанции была подведена инфраструктура, выстроены многочисленные вспомогательные объекты (строительные

базы, пускорезервная котельная и др.). Жители Буя ожидали новых экономических перспектив, связанных с таким крупным строительством. В сельскохозяйственном техникуме появились новые строительные специальности, молодежь из города и района осваивала новые профессии (как строительные в учреждениях профессионального профиля, так и инженерные в вузах). Взрыв на Чернобыльской АЭС вызвал недоверие к атомной энергетике, ощущался недостаток средств на строительство и в 1996 г. был проведен референдум, когда 87 % жителей Костромской области высказались против строительства АЭС. Она так и не была построена.

В наследство от мегапроекта Буйский район получил небольшой и хорошо благоустроенный поселок Чистые Боры с компактной планировкой и комфортной средой, а город Буй – новый набор специальностей в техникуме и молодых специалистов с высшим образованием, которые уезжали из Буя на учебу в столичные вузы в надежде по возвращении получить работу на АЭС. Те, кто все же вернулся в Буй и его окрестности, стали предпринимателями (в том числе и в строительном бизнесе) или ушли во власть. На руинах АЭС появились цеха нескольких предприятий, зарегистрированных в Бую, недострой в 2000-х гг. способствовал развитию промышленного комплекса города.

Есть и негативные стороны несостоявшегося строительства. На фоне благоустроенного и очень приятного на вид поселка Чистые Боры (он застроен 9-этажными квадратными в плане домами, во дворах растут сосны, поселок окружен бором, в нем действуют хорошие школы, есть детский сад с бассейном и другая социальная инфраструктура) город Буй выглядит непривлекательным для жизни. Исторический центр (не считая центральной площади и территории бывшей крепости) обветшал, индивидуальные дома лишены всяких удобств, Железнодорожный район выглядит однообразно-серым, деревянные бараки, построенные в середине XX в., трудно назвать комфортным жильем. Поэтому те, кто готов продолжать работать в Бую, предпочитают переехать в Чистые Боры. В поселке проживает глава администрации Буйского городского округа и другие представители городской элиты. Главной проблемой является дорога, соединяющая Буй и Чистые Боры. Если бы

она была в лучшем состоянии, обмен жителями между городом и поселком был бы еще более активным.

Как и большинство малых городов Костромской области, Буй теряет население. За постсоветский период он потерял около 7 тыс. жителей (21 % от численности населения 1990 г.). Темпы убыли населения замедляются, но удастся ли преодолеть негативный тренд – неясно.

Рис. 30. 9-этажная застройка поселка Чистые Боры

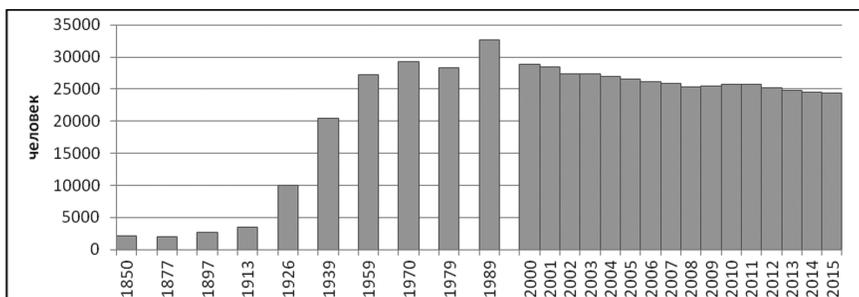

Рис. 31. Динамика численности населения в г. Буйе, 1850–2015 гг., человек

Постепенно город благоустраивается, исторические здания реставрируются, появляются элементы городского ландшафтного дизайна. Заметно преобразилась центральная площадь: памятник В.И. Ленину был перемещен на окраины города, площадь замостили плиткой, установили лавочки и разбили клумбы. Благовещенский собор – архитектурная доминанта центральной части города – отреставрирован и передан церкви. В советский период в нем, как и в других соборах в городах Костромской области, размещался хлебозавод. На месте крепо-

сти выстроен бутафорский частокол, который напоминает об оборонительном значении города.

За пределами исторического центра город по-прежнему остается неблагоустроенным. Пыльные в сухую погоду и раскисшие в сырачь улицы требуют ремонта. Далеко не все дома оборудованы водопроводом, не всегда решен вопрос водоотведения. Не хватает уличного освещения тротуаров. Все эти проблемы присущи не только Буе, но и большинству малых городов Ближнего Севера. В Буе они кажутся особенно заметными из-за того, что в его исторический облик сильно вмешалась советская градостроительная инициатива. В итоге город, с одной стороны, потерял свое лицо (чего не произошло с тихими городками на периферии области – с Кологривом, Солигаличем, Макарьевом), с другой – так и не приобрел черт советского города с набором инфраструктурных обязательных благ.

Рис. 32. Благовещенский собор и ДК «Луч» в центре города

Рис. 33. Благоустроенный центр города

Поселок Красное-на-Волге

Когда возникло село Красное, точно не известно, а первое упоминание о нем относится к 1569 г., когда Иван Грозный взял село и окрестные территории в опричнину, а прежним его владельцам Воронцовым пожаловал другое имение. Уже в 1592 г. при попечении бояр Годуновых в селе был построен каменный шатровый храм Богоявления, сохранившийся до наших дней. Красное долгое время оставалось дворцовым селом, и лишь по-

сле екатерининских реформ перешло в дворянское владение к большому неудовольствию самих крестьян. Среди наиболее известных владельцев села – литератор и поэт П.А. Вяземский, друг А.С. Пушкина. Усадьба поэта не сохранилась (она сильно пострадала во время одного из многочисленных пожаров в XIX в.), но память о нем здесь жива, раз в несколько лет в Красном проходят литературные праздники.

Рис. 34. Богоявленский храм в Красном-на-Волге

Поскольку Красное, как и Кострома, лежало на водном пути из Москвы к северным морским портам (от Волги по рекам Кострома, Сухона и Северная Двина к Белому морю), здесь еще с XVI в. стали развиваться различные промыслы. Кострома была важным ремесленным центром, костромские зодчие возводили храмы и колокольни по всему Северо-Востоку московской Руси, костромская артель Гурия Никитина занималась росписью храмов, а красноселы освоили производство серебряных риз для икон.

Постепенно ювелирный промысел развивался, и в селе начали производить не только оклады, но и небольшие медные и серебряные нательные крестики, металлические иконки. К XIX в. промысел расширился еще больше, жители села стали изготавливать не только предметы церковного обихода, но и украшения (в основном, медные и серебряные, украшенные эмалью или гравировкой), металлическую посуду. Почти все жители

села были в той или иной мере связаны с промыслом. Качество и художественная ценность ювелирных изделий были невелики, поэтому при участии местного земства в 1897 г. здесь открывается Школа технического рисования, которая в 1904 г. стала Художественно-ремесленной мастерской золото-серебряного дела – филиалом Строгановского училища. Художники и преподаватели обучали крестьянских детей основам рисунка и композиции, разрабатывали эскизы новых ювелирных изделий. Они способствовали развитию ювелирной техники скани (техника ажурного плетения из тонкой серебряной или посеребренной проволоки) и усовершенствовали изготовление эмалей. Сейчас скань и эмаль являются визитной карточкой красносельских ювелиров.

Рис. 35. Красносельская скань

Источник фото: http://www.koslook.ru/media/k2/items/cache/84dcf8a8cba0259cf11299c1eef358f9_L.jpg

Еще в XIX в. путешественники отмечали, что село имеет непохожий на другие села облик, больше напоминающий малый город. Село застроено просторными домами на каменном цоколе, со светелками и голландскими печами. На торговой

площади размещались около ста лавок, несколько питейных заведений, три постоянных двора. Красноселы не были похожи на крестьян, носили одежду на городской манер, следили за модой. В 1904 г. в селе провели телефон, а 1912 г. в Красном появился кинотеатр.

После революции ювелирные промыслы сохранялись. Мастеров объединяли в артели, вместо церковной утвари они начали выпускать наградные кубки и сувенирную посуду, развивалось производство ювелирных украшений. В 1957 г. село получило статус рабочего поселка.

«Новый век» развития Красного местные жители отсчитывают от 1986 г., когда были принят закон об индивидуальной трудовой деятельности. Начиная с этого периода, наряду с красносельским ювелирным заводом начинают работать многочисленные мастерские и мини-заводы, специализирующиеся на производстве ювелирных изделий. К настоящему времени в Красносельском районе действуют 5 крупных и средних предприятий (в числе которых – «Красносельский ювелирпром», наследник советского предприятия, ныне вошедший в ювелирный холдинг «Алмаз», и крупнейший по количеству занятых в Европе завод «Диамант», на котором трудоустроены около 1500 человек, и другие), 4 средних и 42 малых предприятия. Помимо предприятий выпуском ювелирных изделий заняты 230 индивидуальных предпринимателей. Всего в районе в ювелирном деле задействованы около 5,5 тыс. человек (при общей численности трудоспособного населения около 11 тыс. человек).

Ежегодно здесь производится ювелирных изделий на 16 млрд рублей, 25 % от общероссийского производства золотых ювелирных изделий и 35 % – серебряных. Современная специализация ювелирного производства гораздо шире, чем была в прошлом. Помимо серебряной скани и изделий с эмалью здесь производят много золотых украшений и украшений с вставками из драгоценных камней. Есть несколько предприятий, специализирующихся на производстве церковной утвари, нательных крестиков и икон. В структуре отгруженной продукции на ювелирную отрасль приходится 99 %, хотя в Красносельском

районе действуют и другие предприятия (льнозавод, предприятия пищевой отрасли).

Ювелирное производство размещается не только в районном центре – поселке Красном, но и в окрестных сельских населенных пунктах. А ареал древнего ювелирного промысла простирается и на правый берег Волги. Существует несколько ювелирных предприятий в соседнем Волгореченском районе Костромской области и в Приволжском районе Ивановской области.

Поселок ярко выделяется на фоне других районных центров Костромской области. По численности населения он превосходит некоторые города (Кологрив, Чухлому, Солигалич, Макарьев) и имеет более городской облик. В отличие от большинства районных центров Костромской области Красное-на-Волге отличается стабильностью численности населения. По сравнению с концом советского периода численность населения в Красном сократилась на 8,5 %, но в последние 10 лет количество жителей стабильно держится на уровне 7700–7900 человек.

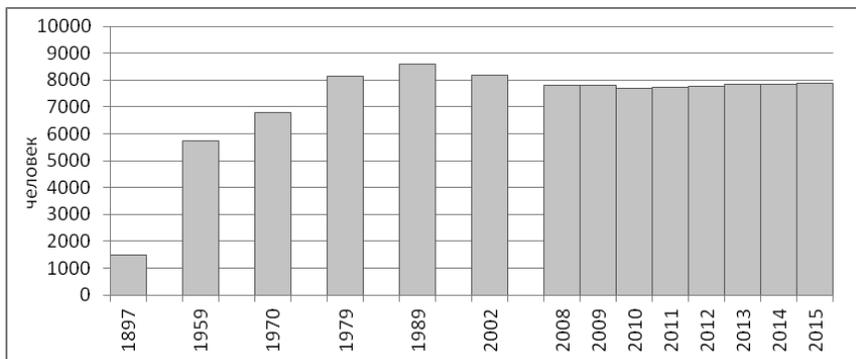

Рис. 36. Динамика численности в поселке (в 1897 г. – в селе) Красное-на-Волге, 1897–2015 гг., человек

Уже на подъезде к Красному-на-Волге вдоль автомобильной дороги установлены многочисленные рекламные щиты, предлагающие приобрести ювелирную продукцию различных производителей. Некоторые указатели предлагают свернуть с дороги, не доезжая до Красного, поскольку ювелирные изделия можно приобрести и в соседних селах. В самом Красном в глаза

бросается огромное количество рекламы и указателей на различные торговые точки и производства. Исторический центр села сформировался вокруг Богоявленского храма. Сейчас вокруг церкви разбит парк, а по соседству расположились сквер с памятником Ленину, небольшой мемориальный парк с монументом в память погибших в годы войны 1941–1945 гг., здесь находятся основные учреждения власти и социального обслуживания населения и редкий для небольших поселений объект – государственная Пробирная палата, которая осуществляет контроль качества ювелирных изделий. Здесь же разместились основные учреждения общественного питания и торговли, которыми пользуются жители поселка.

Рис. 37. Здание Государственной пробирной палаты в Красном-на-Волге

Своеобразный субцентр поселка сформировался в районе Красносельского ювелирного завода, поскольку здесь расположены основные объекты, привлекающие туристов и тех, кто приезжает в Красное для покупки ювелирных изделий. Помимо фирменного магазина при заводе здесь находится недавно открывшийся торговый центр «Красноград», специализирующийся на продаже украшений, а также небольшие отдельные торговые точки по продаже ювелирной продукции. В здании первого художественного училища (построенного в начале XX в. по проекту А.Н. Бенуа) находится музей ювелир-

ного искусства, где собрана богатая коллекция красносельской скани. Рядом с ним открылся новый интерактивный музей, где посетители могут ознакомиться с процессом изготовления ювелирных изделий в традиционной технике. Здесь же существует заводской музей при предприятии «Красносельский ювелир-пром».

Рис. 38. ТЦ «Красноград», центр торговли ювелирными изделиями

Рис. 39. Главное здание производственного комплекса «Диамант»

Главным образовательным учреждением в поселке является Красносельское училище художественной обработки металлов. С 2012 г. оно вновь вошло в состав Московской государственной художественно-промышленной академии имени С.Г. Строганова.

Рис. 40. Деревянная резьба на окнах в Красном-на-Волге

Застройка Красного-на-Волге очень разнообразна. Здесь сохранились исторические кварталы, где можно любоваться деревянными наличниками с затейливой резьбой и добротными купеческими домами, деревянными, на высоком кирпичном цоколе. Здесь встречаются и каменные особняки в стиле эклектики и неоклассицизма, построенные на рубеже XIX–XX вв. Поселок очень опрятный и оставляет ощущение одновременно исторического и бойкого современного центра. Его не обошли «традиционные» для большинства районных центров области проблемы, связанные с обустройством тротуаров, оборудованием ливневой канализации и освещением, но в последние годы становится видна работа по благоустройству пространства поселка, который приобретает все более городской вид.

Костромская деревня

Сельская местность Костромской области

Для всех регионов Ближнего Севера характерна очень сильная депопуляция деревень. В Костромской области осталась треть от численности сельского населения 1959 г. И даже за последние 25 лет потери сельского населения составили 30 %.

И прежде население максимально концентрировалось вдоль Волги и вблизи Костромы на юго-западе Костромской губернии. В 1897 г. плотность сельского населения в Костромском уезде составляла 33 человека на кв. км, в соседнем Нерехтском к югу от Костромы – 42, в Буйском и Галичском к северо-востоку – 25, в остальных уездах колебалась от 13 до 15 чел./кв. км (рис. 1). Сейчас плотность сельского населения в пригородном районе – 22 человека на кв. км, в соседних районах – уже 6–10, а на периферии области – 2–3 человека.

Рис. 1. Плотность сельского населения в Костромской губернии в 1897 г.

Рис. 2. Средний размер крестьянского двора в Костромской губернии в 1897 г.

Примечание. Карты на рис. 1, 2 и 7 выполнены А. Барыкиной.

Сильно изменился и состав населения. На западе области, где плотность сельского населения была особенно велика, преобладали семьи по 8–12 человек, на востоке – меньше, но 5–6 человек в семье было нормой (рис. 2). Для современной Костромской области характерны преимущественно небольшие деревни, быстро теряющие население. Во многих малых деревнях преобладают люди старшего поколения, чаще одинокие женщины, молодежь после окончания школы уезжает из деревни. Миграционный отток в Костромской области самый высокий в Центральном федеральном округе, хотя на дальнем севере Европейской России в Архангельской области, республиках Карелии и Коми он был в 2–3 раза больше. В целом за счет отъезда населения в другие регионы России область ежегодно теряет более 2 тыс. человек. Еще 2,2 тыс. составляет отрицательный баланс рождений и смертей. Правда, от 1 до 1,5 тыс. человек из других стран частично компенсируют эту убыль коренного населения.

Если рассматривать положение всех муниципальных районов в порядке соседства с Костромой, то можно выделить пригород – Костромской район. Затем соседей Костромского района, т.е. соседей столицы региона второго порядка, их можно назвать полупригородом. Соседи 3-го и 4-го порядка – полупериферия, 5–6-го порядка – периферия. И, наконец, из-за того, что областная столица расположена на крайнем юго-западе, здесь есть и соседи 7–9-го порядка, которых можно назвать дальней периферией. Только в пригородном Костромском районе с 1959 г. почти не изменилась численность сельского населения, в то время как во всех остальных районах его осталось менее трети (рис. 3). В некоторых районах на периферии области с начала XX в. численность сельского населения уменьшилась почти на порядок, а с 1959 г. – в 4–5 раз. Произошло сильное сокращение посевной площади и поголовья скота (рис. 4).

Тем не менее, в отдельных очагах сельское хозяйство развивается. «Шуваловские колбасы», созданные на базе свиноводческого комплекса в пригороде Костромы, равно как и знаменитая продуктивная караваевская костромская порода коров, стали брендом Костромской области. Известна и Сырная биржа в Костроме, где продается продукция восьми маслосырзаводов области.

Рис. 7. Лесистость территории Костромской области в %

Сельскохозяйственные земли убывали в течение всего XX в., но, как и в других регионах Ближнего Севера, наибольшие потери произошли в 1990–2000 гг. Было выведено из оборота более 460 тыс. га, или две трети пашни 1990 г. Большая ее часть постепенно зарастает лесом.

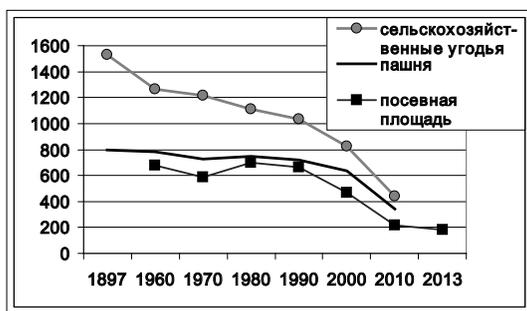

Рис. 8. Изменение площади сельскохозяйственных угодий, пашни и посевной площади сельскохозяйственных землепользователей в Костромской области с 1897 по 2013 г., тыс. га

Посевная площадь начала убывать уже во второй половине XX в. (рис. 8). Но с принятием программы развития Нечерноземья, несмотря на столь сильную убыль сельского населения, ее пытались расширять даже на периферии (рис. 4). С уменьшением дотаций сельскому хозяйству в 1990-х гг. про-

изошло резкое сокращение посевов, как и поголовья скота, хотя последнее начало уменьшаться еще при социализме.

Даже надои молока от одной коровы районированной костромской породы в советское время вблизи Костромы были намного выше (до 4 тонн в год), чем на периферии области (1,5–2 тонны). После кризиса 1990-х гг. надои в пригородах в 2000-х гг. выросли, а на периферии в среднем остались почти такими же, так что градиент между ними только усилился. Это лишний раз подчеркивает тот факт, что сам пригородно-периферийный характер организации сельской местности Нечерноземья и Ближнего Севера, как его части, оказался важнее политических, институциональных и общеэкономических изменений в стране².

Пригородный Костромской район концентрирует и население, и агропроизводство. На 3,4 % территории живет четверть сельского населения и производится такая же часть сельскохозяйственной продукции области. В пригороде активно используется накопленный в советское время производственный потенциал. Сюда приходит бизнес, идет укрупнение агропредприятий. Здесь расположен поселок Караваево с сельскохозяйственной академией и племзаводом «Караваево», где была выведена продуктивная костромская порода коров, дающая в пригородах по 6-7 тонн молока в год. И хотя посевная площадь и поголовье крупного рогатого скота сократились и здесь, некоторые крупные предприятия сумели сохранить и модернизировать производство. Но пригородная зона имеет и свои особенности. Помимо изъятия земель под застройку, в последние годы стали выгодны вложения в землю, цена которой в пригородах быстро растет, поэтому сельскохозяйственные земли активно скупают банки и даже частники. Имеют место искусственные банкротства даже успешных производителей. Крупнейшие предприятия, прочно занимающие нишу на рынке, создают свои землеемкие филиалы в соседних полу-пригородных районах.

² *Нефедова Т.Г.* Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS-ЛЕНАНД, 2013–2014.

Рис. 9. Костромская порода коров в Караваево

Рис. 10. Дачи под Костромой

В периферийных и полупериферийных районах сельское население росло до 1917 г. и с тех пор только убывало. Сохранилось менее четверти населения 1959 г., из них только 20 % живут в населенных пунктах более 100 человек, остальные рассредоточены по малым деревням. Для них характерен длительный отъезд наиболее молодой и активной части населения, затяжная безработица, связанная с упадком агропредприятий, и постепенная деградация социальной среды.

Но есть на периферии и уникальные миры. В наиболее удаленные медвежьи углы и депопуляция, и экономический кризис доходили с опозданием. Таковы, например, Вохомский и Октябрьский районы на крайнем северо-востоке области. Они прежде обладали большей плотностью сельского населения и более успешным сельским хозяйством, чем другие периферийные районы, благодаря положению в так называемом «северном ополье» с более благодатными природными предпосылками для сельского хозяйства (см. о них отдельный сюжет). Но и в типичных периферийных районах, как будет показано дальше, есть отдельные очаги развития.

В целом к периферии можно отнести более 70 % территории Костромской области. На этой территории находится более 2 тыс. сельских населенных пунктов. Из них 600 деревень уже не имеют местного населения (хотя и продолжают числиться населенными пунктами) и в 850 деревнях живет менее 10 человек, т.е. они тоже вскоре лишатся постоянного населения. Развитие сельских территорий на Ближнем Севере, типичным представителем которого является Костромская область, становится все более очаговым.

Лесная периферия. Мантуровский район

Мантуровский район на реке Унже – пример российской глубинки, равноудаленной от больших городов (250–300 км от Костромы, Кирова, Нижнего Новгорода, 550 км от Москвы). В районе освоена лишь узкая полоса земли вдоль высокого и лучше дренированного левого берега реки Унжи, где издавна шел Вятский тракт, на который и были «нанизаны» деревни. Вдоль них в советское время почти непрерывной полосой тянулись распаханые поля. Немного в стороне, но недалеко от деревень прошла новая трасса Кострома – Киров. Но на федеральную она не очень похожа: весной асфальт местами в дырах изрядного размера и глубины, и в первой половине лета до очередного латания дыр по ней трудно проехать. Плотность сельского населения в районе 1,6 человек на кв. км. В сельском хозяйстве занята треть всех официально работающих в Мантуровском районе, в промышленности – около 20 %. Основную, хотя и небольшую, прибыль району дает все-таки промышленное производство – лесозаготовки и лесопереработка. Остальные работники заняты в бюджетной сфере.

На развитие экономики Мантуровского района повлияло несколько факторов. Во-первых, открытие вблизи деревни Мантурово в 1870 г. ежегодных ярмарок, в том числе и лесной, поскольку по Унже шел сплав леса. Во-вторых, организация в 1872 г. местным купцом Ф.Е. Крепишем парового судоходства по реке Унже. И, наконец, тот факт, что в 1906 г. через Мантурово прошла железная дорога Вологда – Вятка, с которой связано строительство с 1906 по 1914 г. на реках Унже и Нее 11 лесопильных заводов. Река Унжа по объему сплаваемого в плотках и молевым сплавом леса занимала первое место среди притоков Волги.

В 1915 г. на базе лесопильного завода был создан Мантуровский фанерный завод, который действует до сих пор. Его размещение на пересечении реки и железной дороги стимулировало местные лесозаготовки. В эти глухие места пришел московский капитал. На станции Брантовка был создан лесопильный завод. Именно лесная промышленность была главным стимулом развития Мантуровского района.

Мантуровский район был выделен в октябре 1928 г. До этого его территория располагалась в пределах трех разных волостей Кологривского уезда. Мантуровская волость вокруг собственно станции Мантурово была промышленно-торговой, на ее территории функционировали 4 лесопильных завода, мукомольная мельница и более 30 торговых заведений. Наиболее выраженное сельскохозяйственное значение имела Ухтубужская волость (северо-восток современного Мантуровского района), куда крестьяне в период НЭПа переехали на вновь отведенные земли, образовав хутора. В междуречье Унжи и Межи (ныне деревня Медведица), а также в деревне Подвигашиха собирали более высокие урожаи овса и ржи, осваивали новые технологии, население жило богаче. В Халбушской волости южнее Мантурово, где располагается ныне база Угорского проекта, деревни вдоль Унжи при более низкой продуктивности земель были гораздо беднее. Среди крестьян преобладало отходничество. Крестьяне уезжали в Кострому, в Нижний Новгород, в Петербург, на Урал, в Сибирь. Сельское хозяйство здесь не было основным и служило лишь для покрытия потребностей населения, да и то не полностью.

Переход в колхозы происходил здесь с большим трудом, коммуны не приживались, особенно на севере района, где крестьяне на хуторах хорошо жили во время НЭПа. Несколько укрупнений свело 157 коммун сначала к 93, потом к 24 и, наконец, к 10 колхозам. Появились и два колхоза-миллионера, главным образом благодаря выращиванию льна.

Тяжелые условия работы и быта стимулировали отток молодежи, который особенно стал заметен после Великой Отечественной войны. Поскольку паспортов у колхозников не было, многие сначала устраивались в леспромхозы или на торфодобычу, а после получения паспортов уезжали в города. Именно с этого периода начинается постепенное сокращение сельскохозяйственного землепользования. В 1970-е гг. в рамках программы развития Нечерноземья строились дороги с твердым покрытием, расширился жилой фонд, но население все равно уезжало. В стране шла активная урбанизация, города были привлекательнее не только заработками и благоустройством, но и возможностями индивидуального роста, обучения,

открытой социальной средой. Процесс сокращения населения усилился, когда власти взяли курс на концентрацию населения в центральных поселках и на разделение деревень на «перспективные» и «неперспективные». Из последних население часто ехало не в центральные усадьбы, а сразу в города.

Позднесоветское время характеризуется успехами лесной промышленности, несмотря на то, что район пережил катастрофические пожары 1972 г. Тем не менее, успешно работал Мантуровский фанерный комбинат, лесозаготовительное предприятие «Мантуроволес» по объему производства и числу занятых превышало Фанерный комбинат. В 1964 г. началось строительство завода «Биохим» – гидролизного производства на отходах древесной промышленности. При многочисленных нарушениях в процессе строительства завод все-таки приняли с недоделками, а в 1993 г. было принято решение о его закрытии как из-за устаревшей технологии и кризиса ВПК, так и по экологическим причинам. Сам завод, занимающий огромную площадь, представляет собой разрушенный памятник промышленной архитектуры и источник загрязнения (см. гл. 6) из-за залежей ядовитых отходов производства, запах от которых в жаркую сухую погоду разносится на значительные расстояния.

В 1990-е гг. успех региональных лесозаготовительных комплексов зависел, главным образом, от двух факторов: 1) степени развития переработки древесины, прежде всего целлюлозно-бумажной промышленности региона и 2) наличия в регионе экономически доступной транспортной инфраструктуры для экспорта круглого леса. Мантуровский район удален от государственной границы, поэтому экспорт леса здесь гораздо меньше развит, чем в западных и дальневосточных регионах России. Советские леспромхозы закрылись, их производственная сеть постепенно пришла в упадок. Основным потребителем оставался фанерный завод, который лихорадило, на нем сменялись кризисные менеджеры. Лесозаготовки сжались к транспортным магистралям, значительно сократилось число рабочих мест в лесном комплексе.

Крупное советское предприятие «Мантуроволес» распалось в 1990-х гг. на несколько мелких, поставляющих древесину на фанерный завод г. Мантурово.

Рис. 11. Леса Костромской области

Рис. 12. Лесозаготовители пришли

Но ее не хватает, и завод собирает древесину с более северных районов области. В соседнем Шарьинском районе зарубежный концерн «Кроно Свисс Групп» построил в 2002 г. новый завод, производящий древесно-стружечные плиты, туда тоже идут машины с лесом, вырубаемым в Мантуровском районе. Лесопромышленные поселки были самыми крупными в районе. Некоторые из них, например Карьково и Лесобазы вблизи г. Мантурово, таковыми и остаются. А удаленные лесопромышленные поселки испытали сильный кризис, оказавшись даже в худшем положении, чем сельскохозяйственные населенные пункты недалеко от трассы Кострома – Киров, где население к тому же может продавать грибы-ягоды.

Например, поселок Октябрьский Мантуровского района на железной дороге возник в 1906 г. вокруг завода пиломатериалов, принадлежащего московскому фабриканту И.Г. Бранту (станция так и называется – Брантовка). Потом завод национализировали и закрыли, а в 1930-х гг. аналогично многим лесопромышленным поселкам Севера России здесь в рамках ГУЛАГа было создано спецпоселение. На его базе в 1950–1960-х гг. был образован леспромхоз. В 1959 г. здесь жило 4,5 тыс. человек, в 1979 г. – 3 тыс. Сейчас в поселке осталось около тысячи жителей. Почти в каждом втором доме (более 200 домов заброшено) зияют пустые глазницы окон, торчит пакля, видны внутренности домов. Дороги в ужасном состоянии, кое-где брошены доски-мостики, иначе не пройти. Выкопанные когда-то небольшие прудики заросли и превратились в зловонные лужи. Участки полузаброшены, сразу видно, что народ здесь

некрестьянский, да и помощи в своем хозяйстве ждать не от кого (прежде леспромхоз помогал и техникой, и кормами для скота). В 2000-х гг. здесь работали два лесоперерабатывающих предприятия, занимающиеся и заготовками леса. Есть работа на железной дороге. Для железнодорожников даже был построен многоэтажный дом у станции, который тоже зияет пустыми глазницами окон, усиливая впечатление разрухи. Люди бегут отсюда. На деревянной лавочке у дома на главной улице кто-то вырезал ножом: «Рожденный брат давать не может», и кто-то другой добавил рядом: «Но отдавать приходится».

Рис. 13. Лес после вырубок

Рис. 14. Типичная картина на дорогах Костромской области – лес везут

Несмотря на высокую лесистость (70 % территории) и важную роль в местной экономике лесопромышленный комплекс Костромской области не обладает серьезными конкурентными преимуществами из-за удаленности и истощения лесосырьевых ресурсов. Тем не менее, идея возведения в области целлюлозно-бумажного комбината (ЦБК) возникла еще в 1980-х гг. По заказу областных структур Ленинградский институт по проектированию предприятий целлюлозно-бумажной промышленности обосновал строительство сравнительно небольшого комбината (порядка 200 тыс. тонн целлюлозы и бумаги в год) в г. Нея. Однако инвестора не было, хотя предложение получило одобрение в Правительстве РФ. В 2005 г. инвестор был найден и подписано соглашение о намерениях между руководством области и немецким банком. Однако, просчитав ситуацию, банк отказался от вложений в огромный дорогостоящий проект с отсутствием явных преференций инвесторам со стороны государства. Ситуация резко изменилась

в 2006–2007 гг. в связи с осознанием Правительством РФ того факта, что вывозить дешево круглый лес с тем, чтобы потом покупать дорогую бумагу, слишком накладно. Оно повысило пошлины на экспорт леса и ввело преференции для предприятий его глубокой переработки в России. Это способствовало приходу в область иностранных инвесторов и прежде всего финской компании Ruukki Group. Завод поначалу, как и прежде, предполагалось строить в г. Нея. Однако для завода древесно-стружечных плит «Кроностар» в Шарье в 2000-х гг. была восстановлена электроподстанция «Звезда». Она располагается рядом с Мантурово в 70 км от Шарьи и обладает большим запасом стабильного энергоснабжения значительной территории, что повысило инвестиционную привлекательность именно Мантуровского района. Оценив ситуацию, финская компания предложила перенести ЦБК в Мантурово. Соглашение о строительстве целлюлозно-бумажного гиганта (800 тыс. тонн целлюлозы в год) в самой области преподносилось как спасительное для ее экономики. Но вскоре выяснилось, что те задачи спасения области, ради которых искался инвестор, оно не выполняло, поскольку предусматривало налоговые льготы до 2017 г. и преференции арендной платы за лес. А это означало, что бюджет области по-прежнему лишался основных поступлений. Кроме того, финские технологии, рассчитанные на хвойное сырье, совершенно не были им обеспечены в области. Строительство комбината привело бы к полному уничтожению хвойных лесов. Да и основную задачу обеспечения бумагой РФ этот проект не решал, так как вся целлюлоза должна была вывозиться, а дорогая бумага по-прежнему закупаться за рубежом. Сказалась и активная борьба, развернутая общественностью против строительства этого загрязняющего гиганта в одном из редких сохранившихся уголков чистой природы на Европейской части России. Финскому инвестору было отказано, однако в 2008 г. ему нашлась замена в лице российского инвестора, который стоял за фирмой АСПЭК. Непрозрачность инвестора (очевидно, что компания, работающая в нефтетрейдерстве и на строительном рынке, вряд ли способна самостоятельно осуществить столь грандиозный проект) и все те же гигантские масштабы предприятия (800 тыс. тонн целлю-

лозы в год) еще больше насторожили общественность. Хотя в отличие от прежнего инвестора, новый обещал производить на месте 500 тыс. тонн мелованной бумаги и использовать более щадящие природную среду технологии сульфатной варки целлюлозы. Кроме того, было заявлено, что основу сырья будет составлять не хвойная, а лиственная древесина, не предусматривалось налоговых льгот и предполагался лесопильный завод. Тем не менее, область намеревалась предоставить ему статус приоритетного инвестора, что позволило бы ему получать лес без аукционов. Скорость подписания договора с руководством области о начале работы, выбор площадки в 100 га рядом с закрытым, в том числе и по экологическим соображениям, «Биохимзаводом» в г. Мантурово, полное отсутствие экологической экспертизы нового проекта, развернутого обоснования его ресурсной обеспеченности (не только лесом, но и водой сильно обмелевшей реки Унжа) и анализа возможных последствий для природы и населения настораживало. Поток писем и протестов представителей общественных организаций, ученых, СМИ увеличивался. Неясно, чем обернулся бы этот проект, если бы не разразившийся финансовый кризис 2008 г. Вкладывать деньги в столь дорогостоящий, долго окупаемый и рискованный проект при падающих доходах от нефти, большой сложности получения кредитов и т.п. вряд ли кто возьмется. Инвестор отказался от проекта. Расчеты, проведенные в рамках Угорского проекта, показали, что опасность строительства столь крупного ЦБК на Унже была бы даже в загрязнении воды и воздуха (современные технологии, при их соблюдении, позволяют надеяться на сравнительно низкие риски загрязнений, хотя всегда есть опасность залповых сбросов). Главным ограничителем стали бы уменьшающийся сток Унжи (было подсчитано, что даже при обратном водоснабжении воды в реке хватит на 12 лет) и низкие запасы древесины (их хватило бы на 26 лет)³. Все это делает проект экономически неэффективным.

³ Анализ последствий строительства целлюлозно-бумажного комбината была специально посвящена магистерская работа М.С. Гунько, успешно защищенная на Географическом факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

В сельском хозяйстве кризис начала 90-х выразился в первую очередь в прекращении государственных дотаций и целевых поставок техники. В Мантуровском районе все еще работают несколько сельскохозяйственных предприятий, на которых занято от 13 до 70 человек (в советское время это были колхозы с 100–300 занятыми). В последние годы сводили концы с концами только четыре предприятия, в том числе два из них – подразделения холдинга «Костромамолпром». Остальные имеют огромные долги и почти свернули деятельность. Но их никто не банкротит. Они просто никому не нужны.

Типичную историю удаленного периферийного поселения как раз и демонстрирует поселение, в котором расположена база Угорского проекта.

История сельского поселения на периферии

Угорское поселение расположено на юге Мантуровского района, т.е. к проблемам внешней и внутренней периферии добавляются проблемы локальной периферии. Место всегда было лесное. Крестьянам, прежде всего, приходилось под пашни и луга расчищать лес. Земледелие долго оставалось экстенсивным и подвижным – подсеčno-огневым. Деревни располагались около заливных лугов, поэтому они, как правило, тянутся по рекам.

Поскольку своего хлеба до весны не хватало, покупали дешевый хлеб с Волги. Необходимы были деньги, а значит, промыслы. Главные заработки давал в этих районах лес. В Малых Угорах была лесная ярмарка. Сюда плотами по Унже сплавляли древесину, здесь шла активная торговля, далее лес сплавляли в Нижний Новгород.

Почти половина сельского населения в трудоспособном возрасте, в основном мужчины, занималась неземледельческим промыслом. Столько же шло и доходов. Помимо леса был валяльно-катальный и шерстобитный промыслы. Был привычен «отход» населения в другие районы на «жгоны» (катать валенки). По переписи 1897 г. на этой территории проживали 1,9 тыс. человек, к 1917 г. – около 2,5 тыс.

Изобилие крестьянских рабочих рук в то время позволяло петербургским, московским и иностранным лесопромышленникам быстро возводить лесопилки и заготавливать большие объемы леса. Правда, сравнительная удаленность Угор от Мантурово несколько тормозила включение местного населения в лесные промыслы. Многие продолжали жить своим натуральным хозяйством, лишь дополняя его привычными промыслами.

Первое укрупнение колхозов произошло в 1936 г. В начале 1950-х гг., как и во всей стране, прошло еще одно укрупнение колхозов. В Угорском сельсовете их осталось два, с центральными усадьбами в Угорах и в Хлябишино, а с конца 1950-х гг. – один. При этом пахотные земли все расширялись, продолжая традиции экстенсивного природопользования. Советская власть, больше всего боявшаяся голода в городах, оттягивала крах зернового хозяйства этих северных районов, не считаясь с затратами.

Недолгим послевоенным «расцветом» местное сельское хозяйство обязано Н.Ф. Сперанскому, который возглавлял в Угорах колхоз им. Ленина с 1959 по 1979 г. Благодаря ему кризис, начавшийся в других хозяйствах гораздо раньше, здесь задержался. Но избежать его не удалось даже талантливому руководителю.

В замечательных очерках Юрия Шакутина «Письма из Угор» (1985) подробно описано село Угоры в конце 1970-х гг. И хотя автор долго жил в Угорах и любил это место, в этих очерках уже тогда проглядывала беспспективность местного сельского хозяйства.

«Земля наша рукотворная. Чуть попустил – и нет ее: лес да кустарник, как на дрожжах прут... Без дренажа – поле не поле».

«Из полутора тысяч гектаров угорской пашни пока приведены в относительный порядок чуть более 200. Лишены они элементарной возможности вовремя заехать в поле и отсеяться в оптимальные сроки»...

«В 1972 г. получили 7 ц/га. До и после – тоже крохи. Продукция растениеводства, в том числе зерна, вся убыточна, хотя производство зерна механизировано на все сто процентов»...

«Сколько прожил в Угорах – все слышал: торф, торф, торф... По двадцать с гаком тонн на гектар вывозят. С навозом это тридцать с лишним тысяч тонн. По объему больше, чем весь снятый урожай».

«Сеют они льна много, не по своим силам. Вернее, их заставляют сеять. Даже со своими низкими урожаями не справляются. Льнозаводы, рассчитанные на переработку тресты, не могут принимать соломку... Остается лен на поле, жгут его по весне»...

Сперанскому удавалось выбивать деньги и развивать социальную сферу. Был создан фельдшерско-акушерский пункт, работали восьмилетняя и начальная школы, кинопередвижки, библиотека, почта. В 1970-е гг. в колхозе началось строительство первого в районе Дома культуры. Более того, авторитет руководителя позволил ему нарушать сельскохозяйственную моноспециализацию. Он поставил пилораму и завел промыслы. Был открыт цех, изготавливающий деревянные ящики под овощи и фрукты, которые отправляли в южные регионы. Женщины шили зимой рабочие рукавицы, в то время дефицитный товар.

После смерти Н.Ф. Сперанского колхоз продержался по инерции несколько лет. Но долги нарастали. В 1990-х гг. сменилось несколько руководителей. Во второй половине 1990-х гг. оставалось еще до 700 голов КРС. Скот резали, как только нужны были деньги. Племенное поголовье было разбазарено. Удобрения не вносили. Техника постепенно приходила в негодность. Выручали лошади – ведь для этой «техники» солярки не надо, достаточно сена за рекой накопить. Но и сено косить перестали, лошадей уже нет, а конюшня разрушена. Лен сеять перестали, поскольку он слишком затратен, требует много ручной работы и в колхозе выходил очень низкого качества. Но и молоко получалось убыточным. Выручал по-прежнему лес, который давал до 30 % дохода колхоза. Тем не менее, в колхозе, который взял новое имя «Свобода», в середине 1990-х гг. еще оставалось 120 человек. Затем большая часть по возрасту ушла на пенсию, а смены уже не было.

В Угорском поселении к моменту его объединения с соседним Леонтьевским оставалось 12 % его максимального числа в 1926 г. (рис. 15). При этом 62 % было сконцентрировано в цен-

три Угорского поселения – деревне Угоры. Еще две деревни имели около 30 жителей, остальные – по 10 и менее человек. Тем не менее, в поселении числилось около 300 человек, и это не так мало. Пока работает школа (возможно, последний год), почта, магазин, библиотека, клуб, где проводятся дискотеки. Но на их содержание уже нет денег. Половину всего населения составляют люди пенсионного возраста. В Угорах пенсионеров и инвалидов меньше, в малых деревнях – большинство.

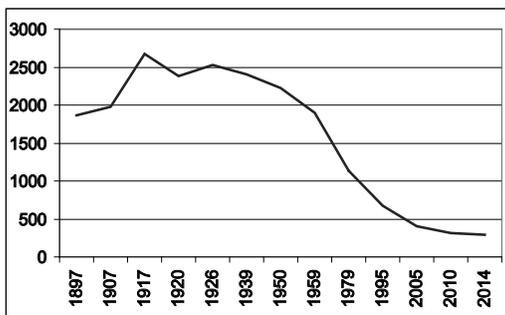

Рис. 15. Население на территории современного Угорского сельского поселения, с 1897 по 2014 г., человек

Рис. 16. Улица села Угоры. Угорская средняя школа расположена в бывшем купеческом особняке

Рис. 17. Церковь в Угорах ремонтируется

Несмотря на уменьшение населения, местность все еще кажется освоенной в результате распашки вокруг деревень. Горожанам эта местность до сих пор представляется почти сплошной темной тайгой с дикими зверями. Зимой звери действительно могут подходить к деревням. По льду с другого берега Унжи, где на 60–100 км до Веглуги (следующего притока Волги) простирается сплошная тайга, в деревни приходят волки и таскают собак. Но

на правом высоком песчаном берегу вдоль Унжи леса были почти полностью сведены за исключением небольших лишайниковых сосновых боров. Поэтому летом открытые пространства с высокой давно некошенной травой, в которой теряются островки нового лесного подроста и яркое солнце (дожди обходят эти места, выливаясь над лесом за Унжей), создают ощущение юга и напоминают лесостепные ландшафты.

Рис. 18. Открытые пространства Ближнего Севера вдоль рек с тайгой на горизонте

К середине 2000-х гг. посевная площадь сократилась в несколько раз по сравнению с 1990 г. В 2011 г. засевалось овсом всего 2 поля на корм оставшемуся скоту, общей площадью 170 га из 1367 га числящейся за СПК пашни. Большая часть лугов и полей никем не востребованы и зарастают лесом. Вопреки опасениям, никто не стремится их «захватить». Осталось несколько десятков голов скота, но и его некому пасти, пастухи были часто пьяны. В последние годы пастухом работает цыган, и вся его семья переехала в Угоры. До введения в 2007 г. нового Лесного кодекса часть убытков от сельского хозяйства компенсировала продажа леса, хотя получал бесплатно СПК преимущественно низкокачественные леса. Теперь по новому Лесному кодексу он вынужден платить за аренду леса на общих основаниях. Долги предприятия растут.

Более чем половина прописанного в Угорском поселении трудоспособного населения не работает в поселении: до четверти трудоспособных постоянно работали или учились в городах (Мантурово, Костроме, Москве), около трети были реально безработными, хотя на учете в службе занятости района стояло всего 5 % трудоспособного населения.

Рис. 19. Остатки колхозного скота костромской породы

Рис. 20. Сенокосы на Унже

Часть безработных время от времени подрабатывала на отходе, чаще в Москве и Московской области или у дачников. Важным подспорьем служит сбор и продажа перекупщикам и дачникам ягод.

Рис. 21. Продажа черники перекупщикам

Рис. 22. Зарастающие поля

Опросы населения и данные местной администрации показали, что переход населения к товарному частному сельскому хозяйству даже при кризисе колхозов в таких районах проблематичен. Большинство населения уменьшило производство продукции в своем хозяйстве. Три фермерских хозяйства на весь Мантуровский район организованы приезжими.

Ориентация сельского населения на города ярко выражена. На вопрос: «Хотели бы вы, чтобы ваши дети жили в городе» – отрицательно ответили лишь 15 % опрошенных. Причем для них самих, особенно для пенсионеров, городская жизнь не кажется привлекательной, около 80 % не хотели бы переехать в город, но для своих детей они желают иной жизни.

Импульсы сохранения таких периферийных деревень исходят из мегаполисов и во многом связаны с их дачным освоением. Феномен дачной деревни в относительно доступных живописных местах Ближнего Севера получает все большее распространение⁴. От 30 % до 90 % собственников земельных участков в деревнях в Угорском поселении уже составляют не местные жители, а москвичи (85 %) и жители других городов. В то же время к большинству местных жителей по нескольку раз в год приезжают их городские дети, привозят на лето внуков. По существу они тоже дачники.

Территория эта издавна имела рекреационное значение. На берегах рек возникали помещичьи усадьбы. Сюда приезжали отдохнуть от суеты городской жизни столичные, московские и костромские дворяне. В бывшем Угорском, ныне Леонтьевском поселении представляет интерес усадьба «Отрада» в селе Давыдово. К сожалению, от нее остался только ландшафтный парк на высоком берегу Унжи. Усадьба принадлежала костромским помещикам Апухтиным. В 1822 г. на дочери Дмитрия Апухтина Наталье женился герой Отечественной войны 1812 года и декабрист М.А. Фонвизин. В Угорах сохранилась и сейчас реставрируется церковь, где они венчались. После восстания декабристов он был сослан в Читку. Наталья Дмитриевна отправилась туда вслед за мужем. После смерти М.А. Фонвизина Наталья Дмитриевна вышла замуж за другого декабриста – И.И. Пущина. Круг общения и знакомств Натальи Дмитриевны был очень широк, в него входил и А.С. Пушкин. Существуют свидетельства тому, что она послужила прототипом пушкинской Татьяны из «Евгения Онегина». Так что можно представить, в каких ландшафтах и в какой среде могла разыгрываться одна из самых известных личных драм России.

На краю Ойкумены. Вохомский район

Вохомский район – северо-восток Костромской области. Центр – поселок Вохма; он также служит межрайонным центром для трех районов – Павинского, Октябрьского и собствен-

⁴ См.: Потенциал Ближнего Севера // под ред. Н.Е. Покровского, Т.Г. Нефедовой. М.: Логос, 2014.

но Вохомского. Он находится на стыке трех крупных областей – Костромской, Вологодской и Кировской, это общая периферия, настоящий «медвежий угол».

В прошлом через Вохму проходил старый торговый Волжско-Двинский путь (через реки Волжского бассейна – Ветлугу и Вохму, в северодвинские Юг и Сухону). Вохма (в прошлом – село Вознесенье) стала одним из торговых центров Поветлужья, обеспечивавшим северный торговый путь и связывавшим Волгу с вятскими городами (Вяткой, Котельничем, Слободским). Торговой специализации способствовало и то, что в Вохомском районе и на близлежащих территориях селились черносошные крестьяне (они несли повинность не помещику, а государству, поэтому могли заниматься не только земледелием, но и различными промыслами). Здесь же находились заготовительные конторы лесопромышленников из Архангельска, Устюга и Костромы.

До начала советского периода Вохма жила собственной патриархальной жизнью, но советские годы принесли свои перемены. Коллективизация в советский период в Вохомском краю проходила болезненно, так как данная территория всегда выбирала собственные пути развития, не знала крепостного права и, в силу изолированности от основных экономических магистралей, отличалась особой консервативностью. В 1970–1980-х гг. в рамках Программы развития Нечерноземья проводилась мелиорация, строились дома, появились дороги с твердым покрытием, но радикальных преобразований не произошло. Наиболее значимыми объектами, появившимися в тот период, стали дорожно- и мостозэксплуатационные предприятия, обеспечивавшие развитие транспортной сети всего костромского северо-востока. ДРСУ и мостотряд до настоящего времени относятся к ключевым экономическим единицам и обеспечивают занятость значительной части жителей Вохомского района.

Особенность здешнего ландшафта – близкое залегание карбонатных пород. Следствие этого – более высокое плодородие земель и низкая степень заболоченности. Карбонатные породы лучше пропускают воду, что обеспечивает хороший дренаж и уменьшает заболачивание территории. Подстилающие карбонаты поставляют в почву элементы, снижающие кислот-

ность, тем самым повышая плодородие. Поэтому Вохма была освоена гораздо интенсивнее, чем другие районы северо-востока Костромской области. Здесь сформировалась густая сеть небольших населенных пунктов.

За 20 лет особенная для Вохомского района мелкоселенная организация сети сельских населенных пунктов заметно изменилась. Проявились процессы «сжатия» освоенного пространства. На фоне общего сокращения численности сельского населения (с 1990 по 2009 г. население района сократилось более чем на треть и составило 12,2 тыс. чел.). Идет стандартный для Нечерноземья процесс миграционной убыли наиболее активного молодого населения. Деформируется половозрастная структура населения.

За 20 лет число сельских населенных пунктов сократилось с 250 до 131, при этом из числа современных пунктов почти 1/3 не имеет постоянного населения, а еще в 1/3 – менее чем по 10 жителей. Население теряют преимущественно те населенные пункты, которые расположены в ближней зоне вокруг райцентра (из-за миграции в Вохму), а также территории дальнего пояса (наиболее удаленная периферия, лишенная транспортного сообщения и утратившая производственные мощности).

За 20 лет почти на 2/3 сократилась посевная площадь – главным образом в результате отказа от отдельных компонентов полевого кормопроизводства. Посевы зерновых сокращались меньше, и по темпам сокращения производства зерна район далеко не самый провальный в области. Он остается значительным производителем зерна, что кажется неожиданным для столь удаленной от областного центра и столь северной, подтаежной территории. Здесь продолжает функционировать одно из немногих на территории Костромской и соседних областей хлебоприемное предприятие – ООО «Мукомол». Оно обеспечивает ржаной мукой Вохомский и соседние районы. поголовье скота сократилось в 4 раза, коров стало втрое меньше. Доля коров в стаде увеличилась с 44 до 53 %, т.е. усилилась молочная специализация. В последнее время, однако, доля коров снижается, так как в силу изолированности района он постепенно переходит на самообеспечение мясом. Показатели продуктивности молочного хозяйства на данной территории «традиционно» невысоки: надои на

1 корову чуть ниже, чем в среднем по области, и почти вдвое ниже, чем в пригородных районах, и ощутимого прироста данного показателя не наблюдается. Это тревожный индикатор. Все более важной отраслью, отодвигающей сельское хозяйство на вторые позиции, становится лесной комплекс.

Рис. 23. Стадо костромских коров и пастух

Современная экономика Вохомского района базируется на нескольких составляющих: наибольший вклад вносят сельское и лесное хозяйство (включая переработку), заметную роль играют предприятия дорожной инфраструктуры (мосто-эксплуатационное и дорожно-эксплуатационные предприятия), торговля и транспорт.

В структуре занятости населения лидирует сектор бюджетных услуг (до 45 % занятых), с заметным отрывом следуют сельское и лесное хозяйство. За первое десятилетие XX в. структура занятости района претерпела видимые изменения: вдвое сократилась доля занятых в сельском хозяйстве и промышленности, при этом в 1,5 раза увеличилась доля занятых в бюджетном секторе. Причина – не только затянувшийся кризис аграрного и промышленного производства, но и расширение зоны обслуживания Вохомских учреждений социальной инфраструктуры. Постепенно функции районного центра дополняются функциями обслуживания всей территории северо-востока области. Различные службы и комитеты, такие как земельный, почтовое отделение и др., размещаются в Вохме и обслуживают население из нескольких районов.

Отмечается стабильное сокращение общей численности занятых в экономике. С 1995 г. число жителей района, занятых на предприятиях и в организациях, сократилось практически

вдвое. Это следствие сокращения населения, изменения половозрастной структуры в пользу более старших возрастных категорий, роста самозанятости и развития современного отходничества. По оценкам местных властей, из 6000 человек трудоспособного населения в экономике района заняты около 4500, еще 1500 (т.е. четверть) ездят на заработки (вахтовые работники в Москве, в нефтегазовых районах Севера Европейской части России и Западной Сибири).

Ситуация в основной отрасли экономики – лесном хозяйстве – сложная и, в целом, неблагоприятная. К проблемам, существовавшим и ранее (дефицит кадров, отсутствие дорог, износ техники, нерациональная организация рубок), добавились проблемы, связанные с трудностью адаптации лесозаготовителей к условиям нового Лесного кодекса и региональной ставке арендной платы. Особенно сильно реформа лесного законодательства ударила по небольшим лесозаготовителям и переработчикам, которые в рассматриваемом районе являлись основными лесопользователями. Еще одним ударом по отрасли стало обрушение железнодорожного моста на ветке Малое Раменье – Полдневица – Супротивный, соединявшей Вохомский район с железнодорожной магистралью Северной железной дороги (Кировское направление). В отсутствие дорог с твердым покрытием и крайне «неудобной» для Вохмы конфигурации автомобильных дорог вывоз леса и продукции лесобработывающих предприятий становится все более затруднительным. Эксплуатация расчетной лесосеки сократилась с 30 % до 9 %. Ныне вырубается лишь десятая часть того, что позволяет восстановительный потенциал вохомских лесов. Деревообработка в Вохомском районе развита незначительно, осуществляется лишь первичная обработка древесины, наиболее глубокой переработкой (до сухих погонажных изделий) занимается лишь одно, наиболее крупное, предприятие в данной отрасли с 80 работниками.

Отдельного внимания заслуживает Вохомский маслосырзавод. Это одно из ключевых предприятий, формирующих промышленную специализацию района. С 2003 г. завод входит в региональное объединение ООО «Костромамолпром» (по всей

видимости, сформировавшееся на базе некогда существовавшего государственно-кооперативного объединения молочной промышленности). В эту же структуру вошли Боговаровский маслозавод (в соседнем Октябрьском районе) и Мантуровский маслосырзавод. Поскольку эти предприятия, по костромским меркам, находятся сравнительно недалеко друг от друга, они смогли объединенными усилиями занять сырьевые зоны молочных заводов в Шарье, Павино и Пыщуге, обанкротив их. А после этого новые сырьевые зоны руководством холдинга были почти декларативно разделены между тремя предприятиями. Кроме того, была налажена межхозяйственная цепочка обмена продукцией.

Сейчас вохомские сыры и Боговаровское масло пользуются большим спросом у покупателей на Костромской сырной бирже и в торговых сетях по всей области.

Вохомский район, при всех мрачных тонах красок, выбранных для его современного портрета, – удивительно «светлая» территория. Это отмечают многие: местные жители, гости из других районов, просто нечаянно заехавшие путешественники. Это территория, где людям хочется жить, и выглядит она как-то добротно, основательно. В Вохме продолжают строиться новые дома – отстраиваются те, кто переехал из более отдаленных деревень. Строятся неспешно, но дома бревенчатые, с просторным крыльцом, террасой, рассчитанные на то, чтобы здесь жить, а не доживать. И подобное ощущение складывается почти повсеместно. В беседах с представителями местной власти, бизнеса и просто с жителями района сквозной темой является то, что здесь хочется жить, жить с удовольствием и интересно. Многие действительно готовы здесь остаться, и даже детям рекомендуют (хотя учиться их все равно отправляют в Кострому или хотя бы в Шарью). Чем же живет район, если положение основных отраслей экономики, не считая бюджетной сферы, столь плачевно?

По всей видимости, жизнь района базируется на симбиотическом существовании формальной и неформальной занятости в рамках единого природно-хозяйственного комплекса и тесных социальных связях.

Рис. 24. Районный центр – поселок Вохма

Вохмичи живут лесом: в зависимости от сезона многие отправляются за ягодами и грибами (в грибах здесь толк знают, берут только белые, подосиновики, грузди и рыжики), многие ходят на охоту. Часть даров леса сдают перекупщикам (помимо ягод и грибов сдают даже беличьи шкурки, для Центральной России это удивительно). Но вообще отношение к лесу у жителей северо-востока абсолютно нетоварное. Всем нравится заниматься заготовками, но организовать местный цех по переработке грибов или ягод никому бы не хотелось. При этом продавать собственную продукцию жители не стесняются: к примеру, 5-литровый бочонок моченых груздей «для своих» стоит 2500 рублей. Многие жители с отрадой вспоминают, что до революции вместо податей крестьяне посылали к царскому столу рябчиков и рыжики (возможно, это просто местный миф, которому верны несколько поколений).

Наиболее товарной деятельностью является пчеловодство: благодаря повсеместному распространению медовых ярмарок вопрос сбыта решается довольно просто, спрос на мед из экологически чистых уголков не падает. «Формальная» занятость помогает обеспечивать себя теми продуктами, которые нельзя получить в ЛПХ или за счет леса, позволяет приобретать предметы длительного пользования, но она рассматривается лишь как подспорье, а «основная жизнь» – это крестьянское и лесное хозяйство, которое жителями района не воспринимается как бремя.

Территория не стремится быть важным звеном в экономической системе Костромской области, скорее она просто ищет свою нишу, в которой можно было бы обеспечить гармоничное существование.

Рис. 25. Деревянные тротуары в Вохме

Новый бизнес и лохматые коровы

Процесс сжатия освоенного пространства протекает на Ближнем Севере почти повсеместно, но в редких случаях наблюдается обратное: возникают крупные сельскохозяйственные предприятия экстенсивного типа, которые вовлекают в сельскохозяйственный оборот большое количество земли, останавливая «экспансию» леса. Одно из них – ООО «Галловой Кострома», расположенное в Галичском районе. Галичский район можно отнести к полупригородным – он расположен сравнительно недалеко от Костромы, на его территории действуют несколько крупных сельскохозяйственных предприятий, есть несколько промышленных объектов. Тем не менее, многие сельскохозяйственные предприятия так и не смогли встроиться в рыночные отношения и были обанкрочены.

Пустующие земли нескольких обанкроченных предприятий заинтересовали инвестора (в данном случае – российско-австрийскую девелоперскую компанию АРС). Как он заинтересовался Галичским районом и почему решил вложить средства в развитие сельского хозяйства – вопрос тонкий. Чаще всего аналогичные проекты возникали, когда бизнесмены из столичных городов приезжали на Ближний Север на охоту. Постепенно они выкупали сельскохозяйственные земли под охотничьи угодья и сталкивались с необходимостью обработки земель, чтобы избежать штрафов. Наличие государственных программ под-

держки мясного скотоводства способствовало тому, что инвесторы стали вкладывать средства в совсем незнакомое им прежде сельское хозяйство.

Ближний Север – территория традиционного молочного скотоводства, производство мяса скота здесь всегда было нерентабельным из-за дороговизны концентрированных кормов. Поэтому первоначально проект разведения мясных пород скота вызывал у местного населения и власти только недоумение. Учитывая природные условия Костромской области, инвестор сделал ставку на круглогодичное пастбищное содержание скота, для чего требовалось изменение породного состава стада.

Первая площадка нового сельскохозяйственного предприятия разместилась на базе обанкротившегося предприятия на территории Ореховского сельского поселения. В марте 2009 г. были куплены 997 коров костромской и ярославской пород (закупали в хозяйствах практически со всей территории Костромской области) и 30 быков абердин-ангусской породы. Немного позже появились и 36 галловейских быков. При скрещивании коров местных пород с элитными быками получается потомство «переходного» типа, при дальнейшей селекционной работе в 4-м поколении можно ожидать практически чистопородных представителей, которые могут использоваться для производства мраморного мяса, ради которого и начинался инвестиционный проект. Отличительное свойство мраморной говядины – сочетание мышечной ткани и жировых прослоек, визуально напоминающее испещренный прожилками камень. Считается, что это мясо обладает лучшими вкусовыми качествами и лучше усваивается.

Основные «мраморные» породы скота, которые можно встретить в России, – это галловейская, абердин-ангусская и геррефордская. Хозяйств, которые занимаются разведением коров данного типа, не так мало. Самый крупный и известный проект последних лет – это Брянская площадка крупного агрохолдинга «Мираторг». Там разводят ангусских быков, мясо поступает в московские рестораны и торговые сети. Еще раньше аналогичные проекты были реализованы в Ленинградской и Московской областях и на Юге России. В Нечерноземье первые галловеи и абердин-ангусы появились в Сонковском райо-

не Тверской области, затем к проекту подключился Галичский район, в 2010 г. к ним добавился Угличский район Ярославской области, а в Кашинском районе (Тверская область) начали разводить герефордов.

Рис. 26. Галловей (слева) и корова костромской породы

Рис. 27. Галловейские быки

Галловейская порода была выбрана не случайно: ее выводили в Шотландии и делали акцент не только на сохранение особых свойств мяса, но и на развитие шерстяного покрова – галловейские быки и коровы заметно более «шерстистые», и это качество они передают потомству даже при скрещивании с другими породами. Галловеев легко узнать по длинной и нередко волнистой шерсти, а также по невысокому росту – они заметно ниже привычных в Нечерноземье коров молочных и мясомолочных пород. Они могут находить корм даже в самых суровых условиях: они готовы есть солому, опавшие листья деревьев, кору. На новом сельхозпредприятии скот круглый год содержится на пастбище, зимой – в паддоках (огороженных площадках близи здания фермы), куда подвозятся корма (сено, дробленый ячмень и соль) и подается вода.

У многих жителей Галичского района было много опасений за судьбу местных коров, вынужденных провести целую зиму не на фермах, а под открытым небом. Но коровы (что уже было доказано биологом Л.М. Баскиным) хорошо адаптируются к разным условиям содержания, быстро обрастают шерстью и могут переносить холода. Главное условие – это незамерзающая вода. Коровы, в отличие от других копытных, не могут получить воду из снега.

Одним из основных преимуществ подобной организации хозяйства считается его малозатратность: нет необходимости тратить средства на обслуживание ферм (ферма нужна только для отелившихся в зимний период коров, и то ненадолго), в летний период почти не требуются корма. Благодаря электропастухам (пастбища огорожены проволокой под напряжением) участие человека в содержании коров сведено к минимуму. Основная работа связана с объездом полей и ветеринарным контролем стада.

Рис. 28. Корова костромской породы зимой

Рис. 29. Галловейский бычок зимой

Источник фото: <http://gal-mr.ru>

Всего в хозяйстве работает около 60 человек. Среди них – 20 пастухов (даже за «электропастухами» надо присматривать время от времени, тем более что пока что не все пастбища оборудованы техническими нововведениями), есть и механизаторы – на территории хозяйства заготавливаются зеленые корма. В основном это жители Орехово, также работают жители Углево, где находится другая часть стада, постепенно появились и другие площадки. В заготовку кормов вовлечены не только многие хозяйства Галичского района, но и предприятия соседних Антроповского и Судиславского районов. Руководство компании и некоторые специалисты проживают в Галиче.

Несколько лет хозяйство осваивалось на новом месте и отрабатывало технологии содержания скота на открытом воздухе. В 2013 г. в Галиче появился специализированный торговый павильон, где реализуется продукция хозяйства и мясо от других поставщиков. Самая ценная «мраморная» часть поступает на рынки Москвы и Санкт-Петербурга, остальные части реали-

зуются на местном рынке, поступают на Шуваловский мясокомбинат под Костромой и на другие мясоперерабатывающие предприятия. Постепенно хозяйство развивается: в районе отмечается постепенное увеличение поголовья скота (хотя почти во всех районах Ближнего Севера идет постоянное сокращение), растет производство мяса. Уже сейчас только маточное поголовье в хозяйстве – около 900 голов, вместе с быками и телятами – около 2000 голов. В планах инвестора постепенно увеличить поголовье до 3000 голов, а в более отдаленной перспективе – до 10 тыс., если удастся открыть новую площадку в Кадыгском районе.

О том, какой эффект оказал такой проект на развитие сельской местности, судить непросто. Безусловно, появление любого нового работодателя – это благо для сельских жителей. Вовлечение сельскохозяйственных земель в оборот – это также крайне важно для сохранения культурного ландшафта сельской местности. Но такое хозяйство не дает большого количества рабочих мест и не заинтересовано в социальном развитии села, как и большинство современных сельскохозяйственных предприятий. Поэтому, глядя на подобные проекты, можно говорить о развитии и возрождении аграрного комплекса, но тревога за судьбу сельских жителей и сельскую местность в целом все равно остается.

Расцвет и упадок льняной славы Костромы

Сто лет тому назад Россия была одним из главных мировых экспортеров льна. При этом значительная часть переработки льна и его посевов была сосредоточена в Костромской области. Этот расцвет производства льна в начале XX в. был возможен благодаря огромной трудоинтенсивности крестьянского сельского хозяйства при избыточном сельском населении и дешевизне ручного труда. Это была совершенно другая Россия. По переписи населения 1897 г. 87 % населения жило в деревне. Три четверти трудоспособного населения страны было занято целиком или частично в сельском хозяйстве. При этом основу составляли мелкие семейные крестьянские хозяйства. Например,

в Ярославской области большие территории, гораздо плотнее заселенные, чем сейчас, специализировались на ручном выращивании льна, его посевы в крестьянских хозяйствах во многих районах, кроме пригородов, занимали до 30 % пашни. Именно уход льна из Нечерноземья вызывает у многих сильную ностальгию по крестьянской России.

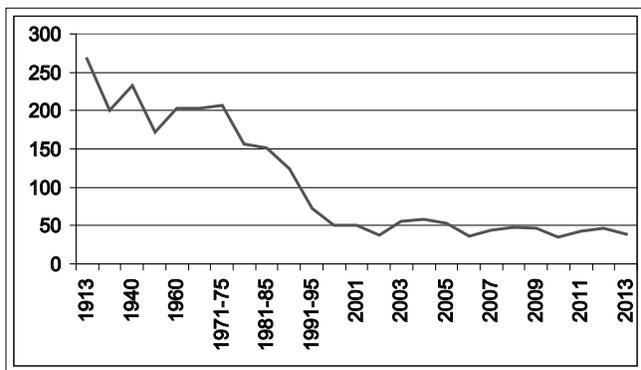

Рис. 30. Валовой сбор льноволокна на территории современной России, тыс. тонн, 1913–2013 гг.

Площади подо льном сократились с 2200 тыс. га в 1897 г. до 39 тыс. га в 2013 г. Что же произошло?

В XIII–XIV вв. льном торговали в основном Новгородская и Псковская земли. К XVI в. меновой оборот расширяется на северо-восток. Внутренняя переработка льна в крестьянских хозяйствах давала тогда лишь грубые ткани. Тонкие полотна ввозились из-за границы. В XVII в. в Европе наблюдался подъем полотняной промышленности, пенька и полотно северной полосы России шли на экспорт через Архангельск, что способствовало расширению посевов льна в северном Нечерноземье. Россия помогала оснащать голландский и английский флот, поскольку своего еще не было. Петр I поставил своей целью расширить собственную переработку льна, насаждая казенные фабрики, прежде всего в старопромышленном районе в границах нынешних Московской, Ярославской, Владимирской, Ивановской и Костромской областей. Именно там расширялись посевы льна. Лен был очень выгоден крестьянам. Доходность его была высока, а колоссальные трудозатраты при избыточности сельского населения и необходи-

мости занять всех членов больших многодетных семей их не заботили.

Во второй половине XIX в. посевы льна во многих странах Европы начали сокращаться. Главные причины – конкуренция хлопка, более удобного для машинной переработки. Значительную конкуренцию составлял и дешевый российский лен. К концу XIX в. Россия сосредотачивала 81 % мировых посевов льна и 70 % его сборов, но при весьма низкой урожайности в 2,5–3,0 ц/га. Почти 2/3 льна вывозилось за границу. Россия заняла ту нишу, которая освободилась из-за ухода льна из Европы. Однако хлопок уже в начале XX в. начал на международном рынке вытеснять лен – себестоимость хлопчатобумажных тканей была ниже, отходов меньше, технология проще. Цены на лен стали падать, производство и в России пошло на убыль.

После коллективизации создание крупных льносеющих хозяйств позволило перейти к машинной обработке, но при этом качество волокна ухудшилось. Выращивание льна даже при машинной уборке оставалось очень трудоемким. А сельское население в большинстве льносеющих районов Нечерноземья, особенно в глубинке, сокращалось. При этом 80 % трудозатрат приходилось на период уборки, который совпадал по времени с уборкой картофеля. Лен оказался просто не по силам большинству коллективных хозяйств, особенно в Нечерноземье. Недаром урожайность льна в РСФСР была катастрофически низка, в 1986–1990 гг. даже ниже дореволюционного уровня (2,5 ц/га). Сказалась и сложность технологии доведения льна до кондиции. Для приготовления качественной тресты ее следует выдерживать на поле в августе до 20 дней при температуре 18 °С градусов и влажности 50–60 %. При нарушении этих норм качество ухудшается, и волокно годится только на грубые ткани. В Белоруссии и на Украине, где проблемы с трудовыми ресурсами на селе были в советское время не так остры и климат мягче, лен удавался лучше.

Но все это не означает, что лен в России выращивать совсем невыгодно. Лен еще сохранялся в двух случаях. При интенсивных технологиях на больших площадях (при этом снижается себестоимость, возрастает урожайность, возможно применение

специальных машин) и в небольших частных хозяйствах при полуручной уборке. Поэтому, как только районные и партийные органы в постсоветское время перестали заставлять предприятия сеять лен, его производство стало концентрироваться в специализированных районах, в том числе и на востоке страны: в Алтайском крае, Новосибирской области. В Нечерноземье лен сохранился лишь в отдельных очагах.

В Костромской области местные жители еще помнят голубеющие поля льна. В каждом доме стояли деревянные бочки с льняным семенем. На чердаках старых домов можно найти деревянные льномялки, которые еще были в ходу в первой половине XX в. Посевы льна сокращались все послевоенные годы, но советские колхозы до 1990 г. еще сеяли немного льна, вернее, областные и районные партийные организации, контролирующие сельское хозяйство, заставляли их сеять, хотя лен часто из года в год уходил под снег необруанным.

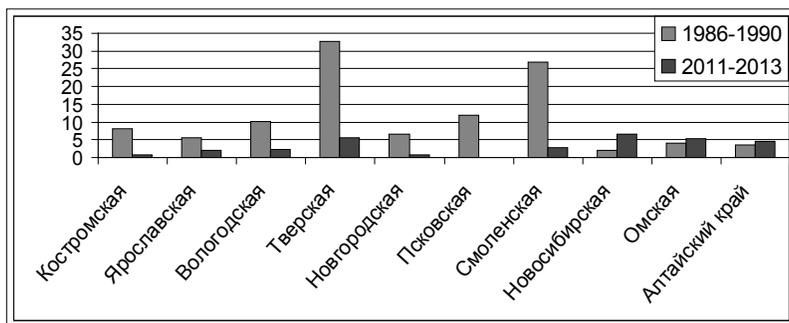

Рис. 31. Валовой сбор льноволокна в некоторых областях России, в среднем за 1986–1990 и 2011–2013 гг., тыс. тонн

Но проблемы льна не ограничиваются сельским хозяйством. По всему Нечерноземью работали льнозаводы для первичной переработки тресты. Уже в 1980-х гг. они недополучали местного сырья и использовали привозную тресту из Белоруссии и Украины. Но ведь треста и соломка как пух. При социализме никто затрат не считал. А как начали считать, выяснилось, что их перевозка на расстояние более 60 км невыгодна. Потеряв часть сырья, многие льнозаводы встали, ведь при недогрузке мощностей не оправдываются затраты на энергию. Оставшиеся были убыточны. Их руководители винили в этом и льноком-

бинаты за низкие закупочные цены. А последние были недовольны качеством продукции местных льнозаводов. И прежде льняные мануфактуры, например в Костромской области, загружались местным льном всего на 30 %. Его приходилось прочесывать, что повышает себестоимость продукции. Доля белорусского и украинского волокна составляла на льнозаводах более половины, оно лучшего качества и к тому же дешевле. Но главная проблема конечного звена переработки льна – это сбыт. Потолок платежеспособного спроса населения тормозит подъем цен по всей цепочке. Ведь если установить такие цены, которые устраивали бы и сельхозпроизводителей, и льнозаводы, и льнокомбинаты, то цена 1 метра ткани возросла бы в 10 раз, и ее уже никто бы не купил. А расширить экспорт не удастся, импортеров не устраивает наша окраска, чаще берут белое полотно.

Рис. 32. Собранный лен

Рис. 33. Лен чесанный и трепанный разного качества

Верхнее звено всей этой льняной цепочки – льнокомбинаты, расположенные в городах старопромышленного центра, – это самое ценное, что в ней есть. Эти уникальные производства с вековым опытом, отработанными технологиями, персоналом высокой квалификации потерять обидно. Но если они и работают, то на привозном сырье. Что же касается выращивания льна на Ближнем Севере и его первичной переработки, то никакие вложения в льняную отрасль, тем более непосредственно в сельское хозяйство, не помогут восстановить прошлые

объемы производства льна при современной демографической, хозяйственной и финансово-экономической ситуации в России.

Кострома продолжает себя позиционировать как льняная столица России. Хотя относительно стабильно функционирует лишь Большая костромская льняная мануфактура (БКЛМ). Костромской льняной комбинат им. И.Д. Зворыкина (1935), занимающий огромную площадь на берегу реки Костромы при ее впадении в Волгу, находится в кризисном положении.

Рис. 34. Здание Большой костромской льняной мануфактуры

Рис. 35. В цеху Большой костромской льняной мануфактуры

БКЛМ гораздо старше. Мануфактура была создана в 1866 г. братьями Третьяковыми (теми самими владельцами Третьяковской галереи) вместе с костромскими купцами и уже в XIX в. стала крупнейшим в Европе льноперерабатывающим предприятием. Пережив в 1990-х гг. три банкротства, она остается крупнейшим предприятием своей отрасли в России, хотя производство сильно сжалось. Максимальное число работников в 1930-х гг. достигало 12 тыс., сейчас занято 150 человек. Прядильные цеха недогружены – нет сырья. Доля костромского льна – всего 2 %, и качество его неудовлетворительно. В Костромской области сохранился лишь один льнозавод – в Красносельском районе под Костромой. Остальное сырье везут из Новосибирска, с Алтая, из Белоруссии (но там есть свой Оршанский льнокомбинат). В восточных районах, куда переместилось выращивание льна, его перекупает Китай. Огромные помещения требуют много энергии, а она

очень дорога, несмотря на то, что Костромская ГРЭС под бокком в Волгореченске. Нужна реконструкция, но на нее нет денег, притом, что потребление льна падает, его вытесняют хлопок и синтетика. Сейчас большая часть продукции (постельное белье, шторы и полотенца) идут в ИКЕА. Делают немного тканей и для одежды. Пока работает лишь стратегия выживания, а не развития.

Преобразование ландшафтов. Эколого-культурные феномены

Сто лет перемен. Путешествие долиной Унжи

Люди населяли регионы Ближнего Севера на протяжении тысячелетий. В первую половину голоцена, 10–5 тыс. лет тому назад, это были группы неолитических охотников, кочевавшие в лесах в основном по долинам рек. Летом они продвигались к северу, зимой возвращались на юг. Постепенно они становились оседлыми, устраивая свои жилища по берегам тех же рек и озер, где охотились уже не только на крупных травоядных, как прежде, но также и на птицу. Занимались они и рыболовством. Население было немногочисленным. Воздействие на ландшафты – небольшим.

Примерно 4–3 тыс. лет назад на Ближнем Севере появляются и укореняются финно-угорские племена. С ними сюда пришло подсечно-огневое переложное земледелие. Вокруг поселений небольшие участки земли огнем очищались от леса и распахивались. После нескольких лет использования эти пашни забрасывались. Очищались новые участки и снова забрасывались. Тем не менее, урожайность возделываемых культур была достаточно высокой. Охота продолжалась, ее роль как поставщика пищи сохранялась. При этом объекты охоты стали разнообразнее. Рыболовство тоже сохранялось. Таким образом, еще до славянской колонизации, начавшейся в IV–V вв., леса и водоемы Ближнего Севера стали испытывать немного возросшую антропогенную нагрузку, которая, впрочем, отнюдь не была критической.

Земледелие и животноводство интенсифицировались 5–4 столетия назад. В это время население регионов постепенно увеличивалось. Так, в XVIII в. в Архангельской области проживало около 100 тыс. человек, в XIX в. – уже около 280 тыс., а концу столетия – более 300 тыс. Возрастала площадь пашни, увеличивались рубки лесов, не достигая, впрочем, промышленных объемов. Природные ресурсы в целом эксплуатировались в растущем объеме.

Начиная с X–XI вв., формируется сеть городов Ближнего Севера, сначала в его южной части (например, Ярославль – 1010 г.), позже в центральной (например, Кострома – 1152 г., Вологда – 1147 г.). Города служили центрами притяжения новых жителей, потребителями продукции сельского хозяйства, но также источниками переселенцев, осваивавших все более удаленные территории, и источниками прямых и косвенных воздействий, усиливавших антропогенные нагрузки на ландшафты. Более подробное описание городов дано в гл. 4.

И все же вплоть до конца XIX и начала XX вв. природа Ближнего Севера оставалась в целом мало нарушенной, способной удовлетворять потребности людей и не оказывать существенного экологически неблагоприятного воздействия на их жизнь. Таким было сложившееся за многие столетия традиционное «северное» природопользование.

Здесь необходимо заметить, что вся территория Ближнего Севера лежит в зоне тайги. А тайга современному горожанину представляется ландшафтом отнюдь не дружественным. Но, во-первых, это восточно-европейская тайга, не самая суровая даже зимой. Во-вторых, жители этой территории хорошо адаптировались к условиям тайги и свои дома, и свое хозяйство, и свой быт. Традиционная культура природопользования в этих краях экологически хорошо выстроена, она оставляет ландшафту достаточно возможностей для воспроизводства его ресурсов, для его устойчивого функционирования.

Эту культуру в XX в. наше общество трансформировало, главным образом утрачивая и разрушая. При этом ни плановое социалистическое хозяйство, ни неуправляемая рыночная экономика не смогли предотвратить экологическую деградацию важнейших аспектов благополучия людей. Хищническая

вырубка лесов, развитие вредных производств, пренебрежение опытом поколений, рекомендациями ученых – все эти факторы ответственны за нынешнюю деградацию природы Ближнего Севера и условий жизни людей. Все эти факторы представляют собой экологически чрезвычайно значимые компоненты общей культуры общества.

Это экологические феномены культуры. Их много, они весьма различны и в разной степени способны трансформировать природу. Очевидно, что любые действия человека так или иначе связаны с экологическими процессами. И в этом отношении представляют собой явления и культуры, и экологии, понимаемой не в узко биологическом аспекте, а в широком контексте взаимоотношений человека с окружающей природной средой. Однако во множестве этих взаимоотношений существуют их устоявшиеся сочетания. Это некоторые повторяющиеся схемы деятельности или поведения, значительно изменяющие ход природных процессов и в то же время во многом природой обусловленные. Такие схемы характерны для лесного и сельского хозяйства, для водопользования, для обращения с отходами. Эти схемы можно назвать эколого-культурными феноменами.

Последующие разделы главы посвящены проявлениям и результатам действия некоторых эколого-культурных феноменов в Костромской области в XX и XIX вв.

Предлагаемое путешествие (виртуальное, но его можно превратить в реальное) – это описание проявлений и последствий действия четырех характерных эколого-культурных феноменов. Основная объединяющая тема путешествия – эколого-социальные уроки освоения ресурсов Ближнего Севера, вероятные сценарии развития сельской местности, возможности управления. Удобным маршрутом путешествия может послужить долина реки Унжи.

Ландшафты бассейна и долины Унжи – это южно-таежные леса, местами заболоченные, это пойменные луга и песчаные отмели, озера-старицы, листовенные роцци, сосновые боры на террасах реки и в междуречье с Ветлугой, небольшие тихие лесные речки, это сельские поля и деревни, множество которых заброшено.

Коренные леса сильно нарушены рубками, и во многих местах их замещает мелколесье. Значительные массивы полей превратились в многолетние залежи, заросшие молодыми березками, осинами, ивами, реже сосенками. Правобережье Унжи – высокий коренной берег, чаще всего круто спускающийся к реке. Его высота достигает 60–80 м. Левый берег низкий, лесной, практически без прибрежных поселений и полей (если не считать нескольких мест между Кологривом и Мантурово).

Крупных опасных действующих индустриальных предприятий сейчас в долине Унжи и в окрестностях нет, коммунальные стоки не очень велики по объему и отчасти очищаются. Поля уже не удобряются, как прежде, животноводческие комплексы в большинстве своем превратились в развалины, поток автомашин по федеральному шоссе, проходящему от Макарьева до Мантурово по правобережью реки, хотя и растет, но еще сравнительно невелик. Поэтому экологическая ситуация в аспекте загрязнения пока не внушает серьезных опасений.

Культурный ландшафт долины Унжи меняется. Деревенские избы разрушаются, колхозные коровники и другие хозяйственные постройки представляют собой по преимуществу развалины, заросшие бурьяном. Но местами облик и дух сельского ландшафта пока еще целы.

Нельзя миновать развалины двух страшных объектов долины Унжи. Это особенные антиэкологические памятники советского времени. В Мантурово – давно бездействующий полуразрушенный гигантский биохимический комбинат. Родственен ему гулаговский гигант «Унжлаг», снабжавший лесом и дровами российские города.

Феномен антиэкологической индустриализации

Развалившийся монстр («Биохим») и новые плохо продуманные планы (ЦБК) – см. рис. 1 и рис. 2.

Пример первый

В Костромской области на окраине города Мантурово у берега Унжи расположена территория огромного заброшенного биохимического завода, кратко называемого «Биохим». В кон-

це 1970-х и в 1980 гг. он был одним из крупнейших в СССР. Сейчас это полуразрушенные корпуса и высокие трубы, груды различных отходов (в их числе вредный лигнин), металлолом, молодые березки, заросли кустарников и сорных трав, разбитые дороги. Пейзаж напоминает кадры фильма «Сталкер» Андрея Тарковского.

Завод начал строиться в 1960-е гг., был запущен в 1975 г., практически остановился в 1988 г., формально был закрыт в 1993 г. На территории завода у берега Унжи расположены большие действующие очистные сооружения, прежде принимавшие стоки и завода, и города. Теперь сюда поступают только городские. Это обычная практика проектировщиков еще с советских времен – подключать городскую канализацию к крупным заводским очистным сооружениям. В 2006 и 2009 гг. в прежних цехах завода возникли два небольших предприятия – «Ингакамф» и «Медкомпресс+». Оба производят медицинские перевязочные материалы и частично используют отходы «Биохима».

Рис. 1. Развалины комбината «Биохим»

Планирование и осуществление гигантских строек – плотин, новых городов, заводов – было характерным явлением эпохи 1950–1960–1970-х гг. «Биохим» принадлежит к их числу. Однако многие из этих строек оказывались плохо спланированными, а построенные в спешке объекты вводились в строй с серьезными недоделками. Так обстояло дело и с «Биохимом».

Официально его основной продукцией были кормовые дрожжи – добавки к корму скота, птицы и даже рыбы, стимулирующие быстрый рост их мышечной массы, а также фуруфурол, используемый в химической промышленности. При этом все знали, что на заводе производились также компоненты ракетного топлива, вероятно, более важные, чем гражданская продукция. Так или иначе, деятельность «Биохима» и его продукция были отчаянно вредными в экологическом отношении. Это выяснилось после того, как потребители мяса животных, получавших кормовые дрожжи, стали серьезно болеть. Выяснилось также, что в твердых отходах производства содержатся токсичные вещества, что река Унжа получала загрязненные стоки, что воздушные выбросы завода тоже вредны. Технология производства, спланированная еще в 1960-е гг., не отвечала требованиям экологической безопасности. К тому же поспешное строительство завода обернулось частыми нарушениями его работы. Завод стал убыточным.

Пример второй

История «Биохима» – это характерный пример действия феномена антиэкологической индустриализации. Он сформировался как продукт директивной экономики, экологической неграмотности, гигантомании. К сожалению, это пример далеко не единственный. И не научивший руководителей того же Матуровского района и Костромской области осмотрительности и дальновидности в планировании некоторых проектов развития. Феномен этот обладает определенной устойчивостью и продолжает действовать. Мы наблюдаем его влияние и сейчас – на примере попыток создать крупнейший в Европе целлюлозно-бумажный комбинат (ЦБК) в том же Мантуровском районе.

Идея строительства ЦБК в разных вариантах обсуждается с начала 1980-х гг. В это время был создан проект комбината, но его строительство до сих пор не началось из-за проблем с инвестициями и сомнений в эффективности (см. гл. 5). Командная экономика уже не существовала, и регуляторами планирования стали более рациональные факторы. Однако среди них экономическим и социальным отдавалось предпочтение перед экологическими.

Рис. 2. ЦБК в Кондопоге

Речь идет не только о непосредственных воздействиях на состояние окружающей среды и здоровье людей – о загрязнении поверхностных и подземных вод, почвы, воздуха, о заболеваемости работников предприятия и местных жителей.

Важно оценивать долговременные ожидаемые последствия эксплуатации природных ресурсов в необходимых комбинациях объемов. Дальнейшая вырубка уже немногих оставшихся участков хвойных лесов и почти тотальное уничтожение лиственных, включая мелколесье, приведет к изменению состава лесных сообществ, хода восстановительных сукцессий, ареалов обитания и численности животных. Произойдет сокращение объемов стока, озера и старицы перестанут должным образом наполняться во время половодья, следом изменятся сообщества гидробионтов, возможности рыбалки, водного туризма и так далее. Оценкой таких последствий планировщики строительства ЦБК пренебрегают.

Феномен варварского лесопользования

Лес и Унжлаг

Огромные площади российских лесов – это колоссальный национальный ресурс, имеющий глобальное, биосферное значение. Увы, Россия на протяжении последних ста и более лет известна как страна, недостаточно бережно распоряжающаяся

этим богатством. Отсталые технологии заготовки леса, обуславливающие большие потери древесины, высокая доля отходов, разрушение напочвенного покрова, причиняющее значительный вред функционированию экосистем, малые мощности предприятий по глубокой переработке первичного древесного сырья – все это черты варварского лесопользования. Весьма неприятен цивилизованному бизнесу также распространенный у нас термин «лесоповал», ассоциируемый с позорной практикой каторжного труда. Распространяется «слава» российских браконьеров последних десятилетий, поджигающих леса для перевода их в категорию, допускающую рубки.

Пример первый: гулаговский Унжлаг

Унженский исправительно-трудовой лагерь был организован 5 февраля 1938 г. Название дано по реке Унжа, протекающей в Костромской области. Действовал вплоть до начала 1960-х гг. Лагерь был основан в системе ГУЛАГа и большую часть времени своего существования подчинялся Главному управлению лагерей лесной промышленности (ГУЛЛП). Его назначением было снабжение Москвы, Нижнего Новгорода и других городов дровами. Для вывоза дров была построена железная дорога Сухобезводное – Северный – деревня Выгорка. К основной дороге сходились узкоколейки для подвоза леса. Участок Сухобезводное – Северный функционирует до сих пор (2008) и на нем есть даже пассажирское движение. Во время войны и в первые послевоенные годы в Унжлаге работали почти 3 тыс. немцев-спецпереселенцев. Условия работы и жизни у них были практически такие же, как у заключенных, но заключенными они не числились. Общее число заключенных в год формирования лагеря составляло более 15 тыс. человек, максимума достигло в 1950 г. – более 30 тыс., к 1960 г. снизилось почти до 13 тыс. В составе Унжлага было до 30 лагпунктов, в том числе три больницы, два деревообделочных завода и две швейные фабрики. Комендантский или приемный лагпункт располагался в нескольких километрах от поселка Сухобезводное. В Унжлаге было и женское лаготделение, в начале 1943 г. в нем содержалось 4980 заключенных женщин, или 20,8 % от общего числа заключенных, в мае 1952 г. – 1428 – 4,9 %, т.е. доля женщин среди заключенных Унжлага упала в послевоенные годы более чем в 4 раза.

Лагпункты Унжлага разбросаны между Ветлугой и Унжей в их среднем и нижнем течении. Их связывали грунтовые дороги и узкоколейки (часто деревянные «лежневки»), ныне сохранившиеся лишь местами. Вырубки заросли вторичными лесными сообществами. От лагерных бараков кое-где остались развалины, обнаружить их трудно. Могилы погибших заключенных безымянны и большею частью потеряны.

Рис. 3. Зарастающие остатки построек Унжлага

Попасть в эти места нелегко. Можно из Макарьева переправиться паромом на левый берег Унжи и машиной по скверной дороге через Нестерово и Тимошино добраться до заброшенных деревень Кукуй-2 и Кукуй-1. Территория Унжлага началась рядом с ними. Можно от деревни Унжа паромом переправиться на левый берег к остаткам деревни Никольское, стоящей в сосновом бору. В ней есть несколько обитаемых домов, некоторые даже с дачниками. От деревни в лес уходит грунтовая дорога, как кажется, ведущая к поселку Выгорки и далее к развалинам лагпунктов. Возможно, маршруты через Никольское – Выгорки и через Тимошино – Кукуй удастся соединить и замкнуть.

Знакомство с территорией Унжлага и ее исследование – это не просто исторический урок ее посетителям, особенно молодым. Это урок моральный как в социальном, так и в экологическом

аспектах. Ведь тотальный лесоповал с использованием каторжного труда – одно из характерных проявлений грабительского отношения государства к нашей природе. Экологические последствия лесоповала остаются надолго, шрамы эти исчезнут нескоро. Экологически интересна также сукцессия лесных сообществ, порожденная огромным пожаром 1972 г. Многие сосновые леса поэтому в этих местах молоды.

Рис. 4. Здесь в деревне Никольское начинается одна из дорог в Унжлаг

Феномен лесопользования и реки

Один из первых русских экологов – это герой пьесы А.П. Чехова «Леший». Этот странный человек рисовал какие-то карты. На них можно было видеть, как исчезают леса – их вырубают. И как гибнут реки, потому что вода в местах, где леса вырублены, перестает накапливаться в почве и в более глубоких грунтах. В результате летом скатившаяся в реки во время половодья вода «исчезает» из их баланса, реки нечем по-полнять и они катастрофически мелеют.

Рис. 5. Молодой бор в междуречье Унжи и Ветлуги

Водорегулирующая роль леса – это классическая тема гидрологии на протяжении многих десятилетий. По сути дела, результаты исследований по этой теме совпадают с рассуждениями «Лешего». Но многие наши лесопользователи остаются глухи к выводам гидрологов.

Судьба Унжи. От полноводной реки до почти полного обмеления

В начале прошлого века Унжа была судоходной рекой. Пароходы поднимались по ней до Мантурова.

Рис. 6. Половодье на Унже

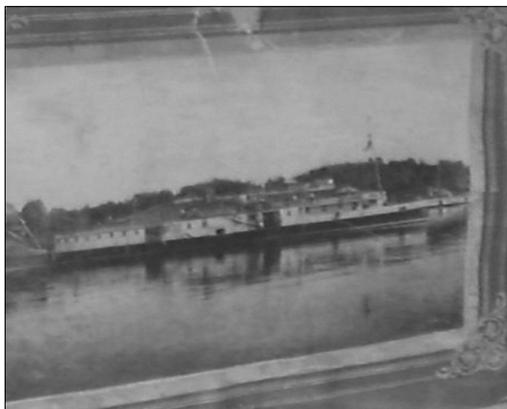

Рис. 7. Пароход на Унже

Но вскоре по реке пошел молевой сплав. Особенно обильным он стал в середине столетия, когда сплошные рубки леса в бассейне реки стали гораздо более интенсивными. В результате во многих местах русло реки оказалось завалено утонувшими бревнами. Эти завалы сохраняются и сейчас, в межень препятствуя прохождению уже не пароходов, а даже небольших катеров. Прежде лес сплавляли специальными плотами – «соймами». Макет такого плота сохранился в краеведческом музее города Макарьева. Он был многослойным, и все его слои состояли из кругляка, предназначенного для продажи, в том числе на Нижегородской ярмарке. Плот имел домик для жилья и вышку для рулевого.

Рис. 8. Макет плота «соймы»

Сплошные рубки леса в бассейне Унжи привели к почти полному исчезновению подземного стока в реку со стороны правобережья и ее чрезвычайному обмелению, хотя лесное левобережье обеспечивает некоторый приток воды из малых речек и из грунтовых вод.

Рис. 9. Унжа в межень

Во многих местах в межень можно перейти Унжу вброд. Берега реки в это время изобилуют отмелями.

Феномен трансформации сельского ландшафта

На протяжении последних десятилетий сельский ландшафт Ближнего Севера «дичает», последовательно утрачивая признаки и свойства культурного. Этот феномен обусловлен упадком сельского хозяйства, депопуляцией деревень, повторяющимися кризисами и структурной перестройкой российской экономики. Проявления феномена отчетливы – зарастающие поля, разрушенные колхозные коровники, заброшенные деревенские дома. Существует и «встречный» процесс – освоение сельского культурного ландшафта горожанами – дачниками. Но если одичание полей и лугов направлено в одну сторону, то трансформация деревень и малых поселений происходит в двух направлениях.

Некоторые заброшенные крестьянские дома оживают благодаря купившим их горожанам. При этом они иногда перестраиваются вульгарным образом и не сохраняют, а разрушают прежде целостный архитектурный облик поселения.

Рис. 10. Классический фасад крестьянского дома

Еще более заметным диссонансом оказывается новое дачное строительство в аутентичной деревне или возникновение целых коттеджных поселков. Формально это процессы не разрушения, а преобразования культурного ландшафта. Однако они суть явления одичания культуры.

Рис. 11. Этот дом обезображен новым хозяином

На зарастающих пашнях и лугах в зависимости от возраста их выведения из хозяйственного оборота развивается та или иная фаза сукцессии, общее направление которой – формирование лесного южно-таежного ландшафта. На песчаных почвах появляются преимущественно молодые сосенки, на глинистых – березки, ивы, осинки.

Рис. 12. Зарастающие поля

Тут будет уместно заметить, что изменения растительного покрова происходят, так сказать, на глазах людей. Но меняются ведь также и почвы, только гораздо медленнее. И они не сразу станут таежными, так что культурный сельский ландшафт окончательно одичает не очень скоро. И пока новый облик полевого ландшафта будет мил глазу дачника и скорее всего неприятен крестьянину.

Рис. 13. Новый облик полевого ландшафта

Заклучение. Quo vadis?

О будущем сельских ландшафтов в регионах Ближнего Севера, в частности в Костромской области, существуют разные представления. Их выдвигают разные группы исследователей. Отчасти они представляют собой проекцию действия некоторых из описанных выше эколого-культурных феноменов во времени.

Социологи выяснили, что живущие вместе две общности – коренные местные жители, число которых неуклонно сокращается, и растущая группа горожан, купивших покидаемые дома, – объединены сравнительно слабыми хозяйственными связями, но глубоко разделены жизненными интересами. Для первой общности приоритеты – это как минимум сохранение, а по возможности и некоторое улучшение условий жизни («прожить бы остаток лет спокойно» и «лишь бы не стало хуже»). Для этого нужно немного – регулярно присылать автолавку, расчищать зимой дорогу от снега и т.п. Для значительной (если не преобладающей) части второй общности можно выделить другую доминанту – сохранение местности в «спящем» состоянии. «Лишь бы дорогу сюда не улучшали» (тогда придет множество отдыхающих) и «только бы ничего здесь не строили и поля не распахивали», – говорят горожане.

Различны у этих двух групп людей и мечты о будущем. Первые хотели бы видеть лен, голубеющий на полях, молодежь на тракторах и комбайнах, детей в школе. Вторым милее «дичающий» ландшафт, но желанны бабушки, остающиеся в деревне на зиму и тем самым охраняющие дома горожан от разграбления.

Экологам и ландшафтоведам представляется неизбежной постепенная смена сельскохозяйственных земель таежными. Правда, при этом можно ожидать сокращения биологического разнообразия. Скажется ли это на изменении параметров устойчивости ландшафтов – вопрос, требующий комплексного исследования не только биологов, но также социологов и географов. Будет ли при этом сокращаться эколого-культурный туристский потенциал территории? В некоторых аспектах – да, будет. Но возможности его реализации в пределах одной из

осей региона – долины Унжи – в целом сохранятся при условиях формирования необходимой инфраструктуры в узловых точках – Кологриве, Мантурове и Макарьево.

Районные и муниципальные власти с согласия областных ищут быстрые пути экономического развития – создания новых рабочих мест, привлечения молодежи, улучшения инфраструктуры. Они готовы принять проекты, потенциально способные, по их мнению, обеспечить такое развитие. При этом всесторонний анализ предлагаемых спасительных проектов проводится далеко не всегда. Один из примеров – проект строительства в Мантуровском районе крупнейшего целлюлозно-бумажного комбината, который не только серьезно ухудшит экологическую обстановку, но и через 20–30 лет окажется в ситуации исчерпания ресурсов, в первую очередь, водных.

Местные власти, во исполнение установок федеральных властей, разрабатывают схемы территориального развития районов и сельских поселений. Но этот инструмент управления чаще всего остается лишь планом, далеким от воплощения. На практике администраторы разных уровней заняты реализацией других целей. Например, арендой обширных территорий для организации охотничьих хозяйств, сулящих владельцам определенные доходы. При участии властей происходит и другой процесс, обладающий значительным управляющим потенциалом. Это приобретение немногими лицами многих земельных паев, от которых за небольшие деньги избавляются бывшие крестьяне, не видящие перспектив восстановления сельского хозяйства. В то же время власти должным образом не помогают новым владельцам сельских домов – горожанам – получить возможность наравне с местными жителями участвовать в обсуждении и решении проблем развития территории.

Таковы некоторые возможные сценарии развития. Какой или какие из них осуществляются, зависит от тех преобразующих ландшафт эколого-культурных феноменов, которые будут поддержаны нашим обществом. Конечно, трансформация ландшафтов Ближнего Севера будет обуславливаться также глобальными изменениями климата, но это будет фоновая трансформация, тенденции которой пока до некоторой степени совпадают с основным направлением действия охарактеризованных выше эколого-культурных механизмов.

Люди Ближнего Севера

Деревенская «деревянная культура» Ближнего Севера

Сельские дома Ближнего Севера – это, по сути, двухэтажный дом со скотным, ныне пустующим двором внизу и сеновалом наверху под одной крышей с жилой отапливаемой частью. Жилая и хозяйственная части в здешних краях составлены из двух срубов, соединенных так называемым «мостом», на который ведет лестница от входа. Это облегчало их регулярный ремонт (перебор). Вся постройка занимает 100–150 м² и при уходе стоит долго. Сохранились многие дома с начала XX в., хотя их перебирали с целью замены сгнивших бревен и избавления от насекомых в 1950–1960-х гг. В середине века такие дома еще продолжали строить. Перебирали срубы, тщательно пронумеровывая бревна, обычно несколько семей родственников, приглашая на подмогу за угощение мужиков из своей или соседней деревни.

В Костроме есть музей деревянного зодчества, где представлены разные типы домов как бедных, так и богатых крестьян. Обычно там сохраняется обстановка конца XIX в. с русской печью и аккуратно расставленной утварью.

На самом деле такие дома можно увидеть в изобилии, стоит выехать из Костромы. Темные бревенчатые с белыми или голубыми наличниками избы стоят обычно вдоль одной главной улицы деревни и очень похожи друг на друга. Такие деревни имеют столь сильную ауру, что дачники, покупающие эти дома (в некоторых деревнях их половина и более домовладельцев), обычно не меняют их внешнего вида. Исключение составляют лишь крупные села – центры поселений, где разнообразнее архитектура домов и все чаще используются современные материалы.

Рис. 1. Дом бедного крестьянина из Нерехтского уезда Костромской области (Музей деревянного зодчества г. Костромы)

Рис. 2. Дом богатого крестьянина из Макарьевского уезда Костромской области (Музей деревянного зодчества г. Костромы)

Рис. 3. Типичная деревня из домов-«брус» на востоке Костромской области (Макарьевский район)

Рис. 4. Белые ночи на Ближнем Севере в Мантуровском районе

Северная сельская усадьба, окруженная зарастающими полями, бывшими выгонами и т.п., создает ощущение простора. Здесь часто отсутствуют заборы и открываются виды до горизонта. Большинство деревень располагаются вдоль рек, текущих в Костромской области с севера на юг и впадающих в Волгу. Обычно деревни стоят на высокой террасе, в советское время они были окружены полями, ныне заброшенными, так что леса от них отодвинуты на 2–3 км. Правда, в последние годы поля постепенно зарастают молодняком ив и берез. К реке спускаются бывшие выгоны, а на заливаемой весной широкой пойме располагались сенокосы.

Избы сложены из огромных сосновых бревен диаметром 30 см и более. Жилая часть избы, как правило, небольшая – 40–50 кв. м, высоко поднята над землей для тепла. Под ней – обширное хранилище для овощей, заготовок на зиму и т.п. Собственно изба включает одну, но чаще две комнаты и кухню за русской печкой. Сейчас в избе обычно две печи, к русской добавляется голландская – легче спастись от суровых зим. Дверные проемы всегда низкие. Считается, что население 100 лет тому назад было ниже ростом. Но главным было сохранение тепла. В домах побольше есть летняя неотапливаемая комната и у всех – обязательные крошечные горницы на сеновале, где хозяева спали летом. У многих домов стоят бани, хотя, если дом забрасывается, они гниют и обрушаются в первую очередь.

Интерьер в большинстве обитаемых домов изменился, появились советские полированные шкафы, кресла. Но у многих еще стоят кровати-матрасы, большие рубленые столы с лавками, самодельные резные крашенные буфеты и полочки. В большинстве домов сохраняются и полати, на которых прежде спали дети вповалку, а теперь за занавеской хранятся вещи. Внутри некоторых изб бревна красили масляной краской, причем все, как правило, одинаковой, что подсказывает, что эту краску воровали из колхоза.

Хлев внизу мало где используется по назначению, скотины в деревнях не осталось, разве что куры. Редко – козы. Обычно это большие, высотой до 2 метров, пустые помещения с разным барахлом и все еще с запахом навоза. То же касается и обширных сеновалов на втором этаже с бревенчатым полом

и дырами для кормления скота. Потолка на сеновале нет, видна крыша, крытая дранкой и впоследствии перекрытая шифером. Уборная находится тут же на сеновале с дыркой прямо в хлев. Во многих домах до сих пор на сеновале так и хранится залежавшееся сено. И только горожане, купившие дома, настилают на круглые бревна полы и получают огромные помещения, площадью до 70 кв. м и высотой в 5–6 м. Прежде к сеновалам на второй этаж вели широкие пандусы, по которым на лошадях завозили сено. Теперь пандусов нет, но широкие ворота остались, и из них открывается прекрасный вид на реку, леса, поля, деревню. Мост между сеновалом и избой имеет ширину до 3 м.

Рис. 5. Лаконичный интерьер жилой части старого деревенского дома

Рис. 6. Сарай на втором этаже над хлевом с горницей и уборной

Многие устраивают в его торце большую кладовку. В каждой избе есть еще и чердак над жилой частью – обширное высокое помещение, через которое проходит широкая кирпичная труба от двух печей. В общем, северные деревянные избы так же просторны, как и природа вокруг. Но это сейчас так кажется, когда в них живет одна бабушка, реже 2 человека. А когда-то обитали до 10 человек, отапливалась лишь небольшая жилая часть, так что спали и на печи, и на лавках, и на полотнях.

В каждом доме на чердаке и сеновале можно найти предметы старого деревенского быта: лари и сундуки, прялки, инструменты, бочки разных размеров, лопаты, грабли, люльки, кузовки, много кухонных, бытовых, рыболовных принадлежностей, лыжи, сани – почти все из дерева или из бересты, такая вот деревянная культура. Можно найти в разобранном

виде и станки: деревянный ткацкий станок, льномялку и т.п. Старшее поколение их обычно хранило, а молодежь все чаще сжигает.

При этом никаких ремесел у местных жителей не сохранилось. Даже бабушки, хотя и могут собрать ткацкий станок, который они видели в детстве, не умеют ткать. При этом все дома устланы старыми длинными дорожками, вытканными их матерями на местных ткацких станках. Традиции ткачества утеряны практически полностью. Единственное, что сохранилось – это изготовление из тряпочек круглых половичков, но ничего уникального они собой не представляют. Исчез и распространенный здесь прежде валяльный промысел (раньше мужики ходили на жгоны – производство валенок – даже в другие области).

Рис. 7. Предметы деревянного быта в современных деревенских домах Ближнего Севера

Рис. 8. Обычная картина сарая: деревянные сани, деревянные ложки, сундуки, сохранившиеся корыта для скота, люлька

У федеральных властей нет заинтересованности в возрождении ремесел и традиций. Они хотят восстановить колхозное сельское хозяйство, да еще порой озабочены сохранением отдельных архитектурных памятников и заповедников. А бизнес озабочен своим хозяйством и плохо вписывается в традиционную среду.

Однако в малых городах (Мантурове, Макарьево и других) есть школы и кружки народного творчества, где обычно дети изготавливают аппликации, расписные доски, изделия из бересты. Есть небольшие магазинчики, в том числе в Костроме, торгующие рукотворной одеждой из льна, половичками, ку-

клами и всякими «а-ля народными» безделушками. Да еще школы делают небольшие музеи, собирая деревянные артефакты.

Конечно, традиции не представляют собой что-то застывшее, они меняются, а значит, и умирают. Их сохранность зависит не только от местного населения, но и от внешних импульсов – «кому это нужно?». При этом разные временные пласты традиций воспринимаются по-разному. Местное население чаще ностальгирует не по старому быту, а по недавним пластам. Например, старшее поколение часто вспоминает колхозный коллективный тип жизни и работы, ухоженные голубеющие поля льна, стада скота, ощущение причастности к общему делу. Этот последний пласт зачастую для местного населения оказывается важнее предшествующих. Недаром глубинка так активно голосует за коммунистов, цепляясь за «осколки» ушедшей жизни. Ведь именно при них, столь щедро из нефтяных денег дотирующих убыточное здесь сельское хозяйство, местные бабушки были в расцвете сил, активно работали, об этой жизни они и ностальгируют. А горожан-дачников умиляет именно местная деревянная бытовая культура, особенно начала XX в. Они бережно хранят все артефакты, которые находят в домах, и даже устраивают мини-музеи.

Главным все-таки оказывается социально-экономическое самочувствие места и здоровье социальной среды. Только тогда работают социальные эстафеты и возможно сохранение культурного наследия.

Деревня и ее обитатели

Приведем пример типичной маленькой деревушки на периферии Костромской области. Она была удалена от центра поселения на 5 км, а после укрупнения поселений в 2011 г. оказалась в 20 км от нового центра, хотя в бывший центр поселения раз в неделю приезжает сотрудница сельской администрации, пока еще в нем работает магазин и последний год – школа. Но детей в деревне нет, до магазина приходится добираться пешком, что не по силам местным бабушкам, а ав-

толавка с расширенным набором продуктов не доходит 2 км. В деревню привозят только хлеб и некоторые сопутствующие продукты.

Круглый год проживает в ней 4 человека в двух домах, хотя прописано 7 человек. Двух бабушек стали увозить на зиму дети в город, а один человек живет в городе, хотя и часто приезжает в деревню, как на дачу. Большая часть домов принадлежит дачникам из Москвы. Некоторые приезжают несколько раз в год на неделю. Но чаще деревня оживает в июле-августе, когда почти исчезают комары и мошка, устанавливается теплая погода, прогревается вода в Унже, появляются грибы и ягоды.

Деревня расположена на высокой террасе реки Унжи. Широкая пойма затопляется разливающейся рекой. Сейчас это одна улица бревенчатых, преимущественно некрашенных домов, удаленных от реки на 1-1,5 км. Когда-то это была относительно большая деревня. Максимальной численности (более 200 человек) население достигало в ней в 1917 г. Хотя более населенными были соседние деревни.

Сейчас она состоит из 5 домов местных домохозяйств, 10 домов, купленных горожанами, а также 4 заброшенных и разрушающихся домов. Есть и один новый бревенчатый дом на окраине деревни, построенный Высшей школой экономики (Москва) для практики студентов.

Дома когда-то стояли очень близко друг к другу. Всего в деревне было более 40 домов. При этом плотность населения была очень велика, ведь в каждой семье было по несколько детей, в доме часто жило несколько поколений. Зброшены и огороды, расположенные за домами. Лишь небольшие полосы земли местными жителями используются под картошку и овощи.

Сейчас между домами – большие пустые пространства, заросшие кустарником или высокой некошеной травой. Там тоже были дома, разрушенные или вывезенные в другие населенные пункты при переезде хозяев или продаже дома. Хозяева живых домов, местные и дачники, стараются их окашивать, хотя бы в целях предупреждения пожаров. Благодаря лугам деревня у домов вполне проходима, кроме дорог, по которым весной и в дождливую погоду не пройти, не проехать.

Рис. 9. Вид на деревню с дороги в апреле.
Впереди территория, где прежде стояла ферма, а ныне – пустырь

Рис. 10 Дороги после дождя

Рис. 11. Деревня и ее жители

Еще более удручающее впечатление производят заброшенные колхозные постройки. Некоторые, например две фермы, льномялка, исчезли бесследно. От других, например от бывшей конюшни, фермы и телятника, остались деревянные остовы без крыши и с зарослями крапивы внутри. Новая бетонная ферма, построенная на бровке террасы на самом красивом месте, также пустует. Попытка использовать ее в 2000-х гг. фермером из деревни Полома не удалась из-за сопротивления колхозной администрации и слишком дорогого ремонта. В 2010-х гг. она все же была выкуплена под гостевой дом, но начавшийся ремонт застопорился.

История деревни тесно связана с историей ее жителей, хотя из прежних обитателей остались три пожилые женщины – бодрые, умные, интересные, добрые.

Рис. 12. Бывшая конюшня

Рис. 13. Пустующая «новая» ферма на берегу Унжи

Рис. 14. Местные жительницы деревни

Все три женщины разные. Озорная и веселая тетя Тоня, певунья, частушечница, знающая все, что происходит в деревне, ее неформальный лидер. С виду тихая, но на поверку отчаянная другая тетя Тоня с добрыми веселыми глазами. Мудрая молчунья тетя Соня, постоянно желающая всех чем-то одарить – то картошкой, то пирогами, или помочь.

Все – глубоко верующие, отмечающие церковные праздники. Один или два раза в год они ездят в Макарьево-Унженский монастырь или на Поток – святое место в лесу, где по местному поверью «села» на торфяном болоте Богородица и где бьет источник со святой водой. С этим источником долго боролись при советской власти, добывали торф, перепаживали, но он возрождался вновь и вновь. Теперь это место паломничества, там построена маленькая часовня и купальня, а все окрестные кусты увешаны тряпочками.

Рис. 15. Бабушки на Потоке

В день прихода автолавки с хлебом, начиная с 5 часов вечера (хотя автолавка может приехать и в 6, и в 7 часов) все бабушки собираются на центральной площади деревни на лавочке. К ним часто присоединяются и жительницы ближайшей деревни, начинающейся всего в 1,5 км. Прежде они ждали, когда пастух пригонит их коз. Теперь коз не осталось (некому косить для них траву, хотя она растет в изобилии на заброшенных полях и огородах). Но бабушки все равно собираются обсудить новости, поговорить о дачниках. Судьбы бабушек тесно переплетены с судьбой не только их деревни, но и соседних сел и деревень. Ниже приводятся несколько небольших рассказов, записанных с их слов.

Антонина Ивановна родом из соседней деревни. До войны там жило около 400 человек. Ее родовой дом с балконом до сих пор цел, но уже продан дачникам из Москвы. Сюда переехала в 1964 г., когда вышла замуж за бригадира здешнего колхоза, не очень рано – в 25 лет.

Когда Антонина Ивановна переехала, это еще была немалая деревня с населением около 100 человек, имевшая свою конюшню и свои покосы и пастбища. Правда, в середине 1960-х гг. они слились в одну бригаду с ближайшей деревней, где проживало около 300 человек. Жизнь в деревне была ключом. Тетя Тоня пела в ансамбле, ездила с концертами в другие районы и города. Она всегда была заводилой, таковой и осталась. И сейчас

во время застолья поет народные песни красивым хорошо поставленным голосом.

Хотя ее родная деревня всего в 3 км, тогда это был совсем другой мир – другой колхоз «Свобода», другое сообщество. Не только производственная, но и социальная жизнь замыкалась на колхоз. Поэтому поначалу в чужой деревне ей было непросто. Молодожены начали строить свой дом с помощью плотников-калымщиков и родственников. Сосны рубили за рекой зимой или поздней осенью, они год лежали в лесу, сохли. Следующую зиму по льду их возили на лошадях по 2 бревна. Потом их ставили на мох.

Все работали в колхозе им. Ленина, центр которого был в 5 км. Вспоминает это время тетя Тоня с удовольствием, было ощущение общности, помогали друг другу. Хотя работа была тяжелой. Во время покоса все выходили с косами за реку. Лен тоже дергали вручную, по лужайкам расстилали на 3–4 недели, вязали снопы, выколачивали. Машины появились поздно. Картошки колхоз сажал много, и тоже, помимо своей, все выходили копать вручную колхозную картошку. Тетя Тоня работала дояркой. Начала еще в родной деревне сразу после восьмилетки, почти с 15 лет, потом почти всю жизнь – на здешней ферме. Долго доили вручную. Когда купили аппараты, она не помнит, сначала полуавтоматы, потом автоматы со шлангами. С автоматикой нагрузка увеличилась – на 5 доярок на ферме было 100 коров.

При этом свое хозяйство у нее всегда было большое: одна-две коровы, 2–3 свиньи, до десяти овец. Кормов не хватало. Сено косили на лугах тоже за рекой, ставили стога (надо было 6 стогов на одну корову) и зимой на санях оттуда возили на лошадях, которых выделял колхоз. Выпасали скот тут же на террасе недалеко от деревни, вся трава была подъедена, не то что сейчас. Молока ее коровы давали много, излишки сдавали на молочный завод. Огороды тоже были большие, больше, чем сейчас, раза в 2–3, и пахали их на колхозных конях.

На пенсию ушла в 1995 г. в 56 лет. Но свою корову держала дольше всех – до 2004 г., а до 2008 г. – коз. Тетя Тоня живет в деревне с сыном, долго работавшим в районном автодоре, а в последние годы живущим на пенсию матери. Второй сын жи-

вет в Костроме, работает шофером и несколько раз в год приезжает в деревню, в том числе и на посадку и уборку картошки, которая вместе с заготовками хранится в подвале дома и партиями поступает городским родственникам.

Антонина Алексеевна родом из той же соседней деревни. Родители ее работали в колхозе. В 1952 г., окончив 7 классов, она в 15 лет стала работать почтальоном. Почта в то время находилась в дальнем конце центрального села – пешком километров девять. Каждый день километров по 20 ходила. Время тогда было очень тяжелое. Все работали в колхозе. Мужики, что вернулись с войны, были полубольные. Бабы в колхозе на быках пахали, а в своем огороде – на себе, даже специальные лямки выдавали. Зерно, лен – все жали вручную серпами. Но, несмотря на трудности, хотелось ей в колхоз. Там был коллектив, там была жизнь. Только с почты не отпускали. С трудом уговорила подругу заменить ее на почте.

Колхоз «Свобода» тогда был довольно крупным и объединял несколько деревень с общим населением около 600 человек. Денег не платили, на трудодни давали хлеб и сено для скота. А молодой девушке и одеться хотелось. Поэтому из разнорабочих перешла в телятницы – там частично платили деньгами. Каждая работница обихаживала по 20 телят, которых надо было поить теплой водой два раза в день, а значит, таскать воду из колодца в огромные котлы на 200 и 500 литров. А потом теплую воду из котлов таскать телятам сразу по 4 ведра, так как четыре теленка в стойле иначе передерутся и воду опрокинут. С трех до восьми часов утра надо было телят пасти. Потом они отдыхали, и было время заняться своим огородом. С 16 до 22 часов – опять пастьба.

В эту деревню переехала в 1960 г., выйдя замуж за тракториста. Как только она переехала, родственники мужа, живущие через два дома, начали перебирать свой дом и всей обширной семьей (7 человек) жили в доме ее мужа. Потом в 1967 г. она с мужем перебирала уже свой дом, и все жили у них. Это обычная практика в деревне. Перевалка дома – работа тяжелая, помимо родственников, брали еще мужиков в помощь. Нужно было снять крышу, раскатать все бревна, заменить гнилые венцы, продезинфицировать и сложить все снова. Заново по-

крывали и крышу дранкой. Ее делали на специальном станке в Хлябишино. Все туда ходили работать. Шифером покрыли дом только в 1983 г.

После замужества перешла работать в колхоз им. Ленина. Стала дояркой на местной ферме. Доили с 4 до 6 утра и с 19 до 21 вечера. Подкармливали телят молотым зерном и картошкой. Зерно мололи в церкви центрального села, там стояла мельница (сейчас эта церковь передана епархии и ремонтируется). Тетя Тоня помнит, как люди соскабливали изображения с фресок в церкви. Некоторые многодетные семьи соглашались, так как за это платили деньги.

Корма, сено, молоко – все тяжести таскала сама, пока не отнялись у нее руки. Пролежала в больнице 20 дней и вышла с запретом поднимать тяжести. Пришлось пойти работать конюхом, и так к лошадям пригорела, что осталась в конюшне на 10 лет. Все 20 ее лошадей знали свою кличку, все были с разными характерами. Принимала у них роды, жеребят выхаживала. Днем лошади работали в колхозе, а потом – на ее попечении. Надо было напоить, зимой накормить, а летом – отправить на ночь на выгон. Порой лошади ломали ограждение и с выгона убежали. Поэтому одну лошадь всегда оставляла в своем огороде и потом верхом искала табун. Трудно сейчас представить маленькую тетю Тоню верхом на лошади, лихо пригоняющую отбившийся табун. Находила легко, лошади всегда держались вместе и далеко не уходили. А волков тогда в ближайших окрестностях не было – слишком населена и освоена была местность. Не то что сейчас, когда волки зимой таскают собак прямо из двора. Потом еще 5 лет снова работала дояркой. Застала уже новую ферму с автодойкой, да и зарплата у доярок была выше. О колхозе Антонина Алексеевна также вспоминает с удовольствием, по ее словам, хотя и было тяжело, выходных не было, все праздники работали, платили мало. Но большинство людей ощущали, что есть цель, причастность к общему делу.

Ее сократили в 1993 г., тогда была еще молодежь, желающая работать на ферме. А в конце 1990-х гг. новую ферму закрыли и скот перевели в центральное село. И стоят теперь на самом красивом месте над рекой три деревянные и одна каменная полуразрушенные с дырявыми крышами, продуваемые ветром

постройки, как памятники бывшего колхозного благополучия: двор для коров, двор для телят, двор для лошадей и «новая» ферма.

Родила тетя Тоня троих детей. Муж сильно выпивал и рано умер. Сейчас дочь живет в ближайшем городе Мантурово, приезжает каждый выходной в деревню помогать по хозяйству, сын и дочь – в Ленинградской области. В последние годы на зиму уезжала туда и тетя Тоня.

Собственное хозяйство было типичное: одна корова, две свиноматки. Мясо солили в кадках, потом в банках. После заготовки мяса на зиму поросят продавали по деревням. Кроме того, в 1970-х гг. мясо стали принимать в Мантурово. Коров пасли по очереди рядом с деревней. К реке спускаться со своими коровами было нельзя, там уже были колхозные сенокосы и пастбища.

Софья Михайловна – единственная из женщин уроженка этой деревни. Отец, кроме работы в колхозе, валял валенки. Зимой на месяц отпускали на жгоны в Башкирию, Удмуртию, в Кировскую область. Это были неплохие по тем временам заработки.

Тетя Соня проработала дояркой в Медведево 28 лет почти без отпуска до самой пенсии, на которую ушла в 55 лет. Председатель колхоза не раз предлагал уйти в отпуск, но, по ее словам, как дома сидеть, когда все горят на работе? Хотя и дома была скотина (корова, свиноматки). Утром в 3 часа до работы косили за рекой сено сообща, хотя и для своих коров. Но не забирали накошенное, это сено потом распределяли по трудодням. Просто так себе покосить было негде, только возле самых кустов или на болоте. Да еще на своих землях за домом оставляли покосы. Ругались из-за каждого клочка сена (ты у меня перекошил!), не хватало кормов для домашнего скота. Корову держала до 2002 г. Теперь и травы полно, да корова уже не по силам. Живет она одна, детей нет, но к ней часто приезжают родственники из соседних деревень.

Все бабушки по инерции из последних сил обихаживают огороды и гряды с картошкой, на прополку которых за угощение приглашают и местных жителей, и родственников, в том числе из других деревень.

Был еще один коренной житель, но дома он не имел. Виктор – человек с абсолютно исковерканной судьбой. Лишившись рано родителей, он жил с теткой в доме своих предков. Потом тетка отдала его в детдом, а родовой дом продала – новые хозяева даже вывезли дом из деревни. После детдома Виктор попал в армию, которая оказалась непереносимой для его психики. Работать он не мог и вернулся в родную деревню, хотя жить ему было негде. Так и слонялся всю жизнь по чужим сараям и баням – местный деревенский дурачок. Прежде иногда кому-то помогал, за это кормили. Но чаще ходил пьяный и пел песни. В последние годы жил в баньке, обе свои пенсии – по старости и по инвалидности – пропивал. Говорить членораздельно уже не мог, только матом. Обычно сидел где-то у дороги или валялся пьяный. Но бабушки его жалели и кормили.

Три остальных постоянных жителя – не совсем местные. Это приехавший сюда в конце 1990-х гг. бывший афганец, подрабатывающий частично на отходе, частично у дачников и продажей рыбы, и его безработная жена. В 2000-х гг. поселился здесь его брат, менее удачливый в стройбизнесе и работавший где придется поделно или на отходе в городах. Его уже нет, но последние годы все чаще приезжает из Мантурово еще один брат. Мужики «рукастые», активные, но применения себе в деревне найти не могут, хотя периодически возникают самые разные проекты, которые разбиваются в прах при отсутствии инвестиционного капитала.

Вот такая местная жизнь, которая протекает большую часть года. И только в летние месяцы она резко нарушается приездами московских, в основном, дачников и их гостей. Из-за доброты и сердечности местных бабушек дачники почему-то сразу стали называть их тетя Тоня или тетя Соня, хотя они старше приезжающих москвичей ненамного – всем бабушкам за 70 лет. Но с момента появления в деревне дачников они стали их опекать ненавязчиво и очень тактично. Так что и те стараются помочь, чем могут, и особо не мешать. Например, жужжащими электроинструментами, почему-то перебивающими телеволны вечером, когда идут сериалы – важная составляющая часть местной жизни.

Иногда дачники приглашают местных в гости. С ними интересно, многое могут рассказать о прошлой жизни. А поют как красиво! Есть песни, которые прежде и не слышали. Бабушки тоже иногда приглашают москвичей, угощают пирогами, которые пекут в русской печи. Всегда интересуются, что нового сделано в деревенском доме дачников. Относятся по-разному: то восхищаются, то сокрушаются, что так много сил тратится, а будут ли жить здесь долго – неизвестно. Все равно дачники для них временщики. Об их жизни вне деревни они знают очень мало, да и не интересуются. Зато про жизнь дачников здесь, кажется, знают все – кто приехал, что делали. В общем, все-таки местные жители и московские дачники – два разных мира, которые соприкасаются лишь отдельными гранями. Но пока эти грани не искрят.

Валерий Константинович Смирнов

Валерий Смирнов – видный горожанин в Мантурово. Он владеет самой привлекательной гостиницей «Водолей». Расположена она на отшибе, на границе бывшего завода «Биохим», закрытого еще в начале 1990-х гг. прошлого века. Вокруг разъездные железнодорожные пути, поодаль – корпуса активно действующего фанерного комбината, принадлежащего мощной «Северстали». Неподалеку не то домики, не то бараки. В общем, далеко не туристическая зона. И посреди этого среднерусского промпейзажа красуется ампириное здание с прекрасным портиком, колоннами и затененными стеклами. Это она и есть – гостиница «Водолей». И создал ее Валерий Константинович Смирнов.

О прошлой жизни Смирнова ходят народные мифы, переплетающиеся с вполне реальными фактами: Смирнов вышел из недр системы МВД районного масштаба. Поднялся до хорошей руководящей должности. В начале тех же самых 1990-х расстался с системой и перешел в свободный полет.

А вот начинаются правдоподобные мифы. Мол, однажды отправился Смирнов в Москву поискать применение своим силам. Ничего там не нашел. А в самом конце путешествия

у него украли последние деньги. Достаточно жизненная история, надо сказать. Доехал он кое-как до родного Мантурово и чисто случайно видит, что на станции проводники с поезда бодро торгуют мороженым (притом целыми коробками!), привезенным из Москвы. И надо же: местные жители все это расхватывают с лёта, перекупают, увозят по своим деревням. Вот и подумалось Валерию Константиновичу, что можно торговлю мороженым поставить на хорошую ногу, так сказать, все сделать по-научному. Малый бизнес, как мы сейчас говорим. Принялся он развозить на своем мотоцикле с коляской мороженое по деревенским продмагам, то бишь сельпо. Делал это не от случая к случаю, а регулярно, по графику, четко оформлял договорные обязательства. С этого и начался его большой бизнес.

Историю эту так часто рассказывают в Мантурово при любых обстоятельствах, публикуют в местной прессе и интернете, что даже если она на все сто процентов чистая правда, то все равно начинает звучать как миф. Детали уходят, а остается некий идеальный образ, лишенный полутонов. Разумеется, полутона были. Трудно сомневаться в этом. Но был и результат.

От разъездной торговли мороженым шагнул Смирнов к покупке заброшенного здания в промзоне все того же родного Мантурово. И решил он превратить этот неказистый казенный дом в первоклассную гостиницу. Первоклассную и даже «трехзвездную» гостиницу в общем-то среди разрухи или полуразрухи, чтобы быть более точным. На коленке сделали архитектурный проект и воплотили его в жизнь. Как ни верти, но «Водолей» – одно из немногих эстетически осмысленных зданий в Мантурово. Внутри все тоже на уровне требований, быть может, не самой крутой Европы, но нормальных требований, то есть реально современных понятий о чистоте, комфорте и уюте. И никакого местного колорита в виде «разлюли-малина». Строго, корректно, вкусно, с достоинством и без ценового перебора. Сервисных услуг много, всех не перечислишь. Впрочем, это у нас не рекламный ролик. Речь совсем о другом.

Речь о Смирнове Валерии Константиновиче.

Говорят, что во втором томе «Мертвых душ», которые Гоголь целеустремленно сжег, была создана галерея положительных персонажей, некая антитеза героям первого тома. В отноше-

нии второго гоголевского тома сказать трудно, но в разговоре о Смирнове позитивная ассоциация, мысль о правильном пути напрашиваются сами собой. Миф это или правда? А бог его знает. Но ведь факты налицо. И даже не в гостинице «Водолей» дело. Разговор о другом – о человеке и о личности.

Надо думать, у Валерия Константиновича нет университетского гуманитарного образования (а может быть, и есть?), но редко можно встретить за пределами круга университетских гуманитариев человека, так много читающего, притом самой разнообразной серьезной литературы. За каждым поворотом мысли Смирнова то и дело всплывает его начитанность. Притом происходит это без рисовки, а так, само собой. Ну любит человек текст осваивать – и все тут. Успокойтесь, господа хорошие. А знаете, как приятно с таким человеком общаться? Слов нет. Вот просто даже о самых простых вещах с ним говорить, а тут вам небольшая полуссылка на классика или какого-то современного автора. Кстати, о стиле бесед со Смирновым. Валерий Константинович в основном предпочитает молчать и очень внимательно вас слушать. А потом вдруг: «А знаете, о чем я подумал...» – и приведет пример, расскажет эпизод из своей жизни – все очень кратко и емко, просто удивление, как метко и уместно. Недаром лучший друг и постоянный собеседник Смирнова – директор мантуровского краеведческого музея Сергей Николаевич Торопов, замечательный историк, эрудит, биограф местных родов и семейств, литератор.

И еще есть у Смирнова друг и постоянный собеседник. Это Александр Николаевич Гришин – начальник ДЭП-19. Если кто не знает, что такое «ДЭП», объясняю: это дорожно-эксплуатационное предприятие. Гришин, в отличие от Смирнова, шагнул в современную плотную жизнь не из системы МВД, а из райкомовского комсомола. Как бы то ни было, после многих промежуточных этапов жизненного пути он возглавил дорожную службу района. (За состояние дорог в самом Мантурово он не отвечает. Так у нас витиевато устроено управление отраслью.) Гришин – король районных дорог и трасс. Дорожная служба – это чистый воды скандал каждый день и по всем поводам. Это всегда прорыв. Это всегда недофинансирование. Всегда все огрехи налицо для любого, особенно вы-

сокопоставленного проезжающего по зоне ямочного ремонта. В своем кабинете Гришин бывает нечасто – «вышел», «уехал», «будет завтра в субботу с утра» и пр., и пр. Но если все-таки застать Александра Николаевича в его кабинете, то тут две вещи надо учесть. Первое. Угощают только чаем и ничем иным. Принесенный гостем в дружеском откровении коньяк исчезнет навсегда в глубинах подсобки и никогда не появится на поверхности. Спортивный образ жизни, назовем это так. Второе. Лучшего подарка, чем книга, нет. И Смирнов, и Гришин берут книгу как-то по-особому, даже немного склонив голову, с особым почтением. Их отнюдь не нежные ладони ласково погладят переплет и с благоговением откроют том. Перелистают странички. Книгу отложат в сторону. А потом прочитают от и до. Многократно проверено. И еще одна деталь. В кабинете начальника ДЭП-19 Гришина Александра Николаевича несколько в стороне от чиновного стола, за боковым окном, на улице укреплено средних размеров зеркало.

– Это вам зачем тут зеркало заднего вида, Александр Николаевич? За кем следите?

– Да у меня зимой здесь кормушка для птиц. Снегири прилетают. Я вот иной раз во время планерки брошу взгляд на птиц, и хочется дальше жить.

Такой вот триумvirат мантуровских интеллектуалов. Впрочем, даже не мантуровских, а просто интеллектуалов. Или еще можно сказать: интеллигентных людей на своих местах. И это будет верно.

Смирнов очень прост в общении. Но эта простота, абсолютно естественная, лишь покрывает очень непростой внутренний мир. Он никогда не жалуется на жизнь и злокозненные происки недоброжелателей. Так, иногда, невесело пошутит о чем-нибудь или о ком-нибудь, но без злобы, а с легким сарказмом и сразу же сменит тему разговора. Или просто помолчит. И разговор сам собой пойдет по другому руслу.

И еще одно. О достоинстве и самоуважении. Редко в нашей жизни можно повстречать человека, который так немало значит в своем кругу и который так мало уделяет этому внимания. Для Смирнова нет такого понятия – «непрестижная работа», мол, не по чину мне. В интересах дела он в любой час дня и но-

чи садится за баранку автомобиля или, вооружившись ложкой-поварешкой и поварским облачением с белым колпаком на голове, обслуживает обедом на свежем воздухе целую конференцию. И все это делается легко и просто, как само собой разумеющееся.

Любой проект, любую интересную идею Смирнов сразу же схватывает на лету, развивает и прямо на глазах преобразует в бизнес-план. Все-таки, как ни крути, перед нами предприниматель, а они все такие, это у них профессиональное. И даже если он мечтает о чем-то, то все равно мысль начинает просчитывать обоснованность мечты. Но в итоге-то мечты сбываются, вот в чем дело. Как сбылась трехзвездочная гостиница «Водолей» среди беззвездной окружающей действительности.

Итак, все рассказанное выше – из второго позитивного гоголевского тома или на самом деле? Хотите верить, хотите нет, но на самом деле. Именно в Мантурово, в Костромской области, на Ближнем Севере.

– И что, губернатор у вас останавливался?

– Непременно и губернатор.

– И как вы себя при этом чувствовали?

– Прекрасно. Я своих гостей уважаю и сердечно принимаю.

И губернатору всегда рад.

Кто приезжает в деревню: новые фермеры

Регулярно проводимые в рамках Угорского проекта опросы местного населения на периферии Костромской области показали, что его предпринимательская активность в сельском хозяйстве низка. Скорее люди готовы подработать у дачников на строительстве и ремонте домов или бань, собирать грибы и ягоды, сдавая их перекупщикам или продавая на трассе. Но организовывать товарное фермерское хозяйство население не готово. Более того, в частных хозяйствах почти не осталось скота, на все село 3–4 коровы и несколько коз. Многие фермерские хозяйства организованы приезжими. Вот наиболее типичные примеры.

Одно из товарных хозяйств создано корейцем, который приехал из Средней Азии с женой узбечкой и двумя детьми. Он

купил дом-развалюху и, еще не зная, что здесь зона рискованного земледелия, своими руками из подручных материалов построил теплицу и начал выращивать помидоры, огурцы, баклажаны. За короткое, но жаркое континентальное лето они успевали вызревать даже без подогрева. Вся его семья, включая детей, с утра до ночи работала не покладая рук. Будучи православным, он пытался вписаться в местную жизнь, регулярно ходил в церковь, даже работал там служкой. Пытался он привлечь и помощников из местных безработных мужиков, которые приходили просить денег на водку. Он предлагал на нее заработать, но пока ходил за инструментом, мужиков и след простывал. Оформить свое хозяйство как фермерское он долго не мог, так как не имел в России постоянной регистрации. Ее не давали потому, что он... не работает! – т.е. нигде не числится как наемный работник. И только после того, как жена устроилась на работу в городе, куда приходилось ежедневно ездить на автобусе, удалось получить официальную регистрацию. Однако, несмотря на успехи в выращивании овощей даже в этих северных районах, это производство оказалось невыгодным из-за узости местного рынка (в деревне у всех овощи свои, а в малых городах магазины и овощные базы завалены привозным). Большие города с их рынками слишком далеко. Тогда он купил телят костромской породы, построил для них помещение, хотя районная администрация придерживала землю. В одну из зим его дом ночью сгорел.

Рис. 16. Корейский фермер из Узбекистана в нечерноземной глубинке

Причину выяснить не удалось, но сам он уверен, что его подожгли. Отношения с местным населением не очень складывались, слишком явно он демонстрировал, что и в этих сложных условиях можно чего-то добиться. Он оформил фермерское хозяйство и попытался получить обещанный государством по проекту развития АПК кредит. Но денег на область выделили мало. Конкурировать с бывшими бригадирами и председателями колхозов, ставшими фермерами, он, конечно, не мог. Не удалось ему получить деньги и на строительство дома по жилищной программе того же проекта, хотя все документы были в порядке. Уезжать он не собирается, живя временно в соседнем доме, принадлежащем московскому дачнику, по-прежнему выращивает скот. Но свои первоначальные планы привлечь в эти пустынные районы своих русских и корейский знакомых из Узбекистана он уже оставил.

Второй фермер – отставной военный, который когда-то служил в этих краях, а недавно приехал сюда после службы на Дальнем Востоке. Купив дом, он решил заняться овцеводством. Построил кошару, хотя и ему администрация давала землю в аренду только на год с постоянным продлением, что, естественно, сдерживает инвестиции. Попытка получить обещанный государством кредит также не удалась, никто не хотел быть поручителем. В результате первоначальные планы тоже были свернуты. Он держит несколько десятков овец, которые расходятся на мясо как среди местного населения, так и среди дачников.

Третий фермер (вернее, фермерша) начинала почти в идеальных условиях. Это был яркий пример попытки социального проектирования. Местные дачники-москвичи, видя постепенное угасание своей деревни, решили привлечь в нее постоянных жителей. Дали объявление в центральную газету с описанием места, указанием обилия свободных земель и обещанием помощи. Долго отбирали претендентов и остановились на горожанке из Свердловской области, которая согласилась заняться сельским хозяйством. Дачники скинулись и выдали ей большой кредит на первичное обустройство. И дело поначалу пошло. поголовье коров увеличилось до сорока, налачился сбыт молока и мяса сначала в райцентр, а потом и в Москву. Но привыкнув к посто-

янной помощи, деньги фермерша отдавать не собиралась, что вызвало напряжение и нарушило деревенскую идиллию, ради которой все это и затевалось. Более того, раскрутившись, она поняла, что торговать, в том числе перепродавать, гораздо выгоднее, чем производить. Сейчас поголовье скота сошло на нет, дом в деревне заброшен, а семья перебралась в город.

Совсем иная судьба у тех горожан, которые добровольно по тем или иным соображениям перебрались в деревню, не собираясь поначалу заниматься сельским хозяйством, но волей-неволей пришедшие к нему. Семья москвичей, имея в Москве небольшой бизнес, не требующий ежедневного присутствия, и собравшаяся жить в деревне, купила первую корову из жалости, когда соседка повела ее на бойню. Оказалось, что держать скот не так страшно, хотя дополнительной работы, прежде всего по заготовке кормов на зиму, обустройству хлева, содержанию его в чистоте, дойке и т.п. прибавилось. В целом она отнимала 2–3 часа в день, не считая авральной работы на сенокосе. Корову затем отдали, но завели коз и овец. Научились делать сыры с разными добавками, гораздо более оригинальные по вкусу, чем покупные. Хозяйство все больше затягивало, разрываться между работой в Москве и деревней стало невозможно, тем более что в связи с кризисом бизнес пришел в упадок. Расчеты показали, что при 30 козах с постоянным их обновлением, сбыте сыров летом дачникам (у которых он идет нарасхват, даже очередь стоит) и участии в фермерском кооперативе «Лавка-лавка», можно добиться устойчивого дохода, имея при этом молоко, сыр и мясо, а также овощи из своего хозяйства. Ситуация осложнилась болезнью хозяина и необходимостью покупать дорогие лекарства, так что судьба этого проекта не ясна.

Рис. 17. Хозяйство и сыры москвичей в деревне

Другой бизнес-проект москвичей в сельской местности облегчен тем, что хозяин продолжает работу в Академии наук в Москве, занимая там высокую должность. Это позволяет его жене, переехавшей в деревню в новый построенный дом, осуществлять грандиозный замысел по созданию питомника саженцев разных плодовых деревьев на продажу. Работа лишь на начальной стадии, поэтому насколько она будет успешной, сказать трудно.

В целом, опыт создания товарных хозяйств в традиционной сельской среде сопряжен со многими сложностями. Новому мелкому бизнесу и его хозяевам, слишком сильно, в отличие от крупного бизнеса, зависящим от среды, односельчан, трудно вписаться в традиционные отношения, изменить технологии, даже если они явно устарели и не соответствуют новым реалиям. Тем более важно поддерживать подобные начинания на уровне области и района, выделяя им землю, давая поручительства и небольшие кредиты, или хотя бы не мешать. Не только крупные инвесторы, но и такой малый бизнес с небольшими проектами, не всегда удачный, часто построенный на энтузиазме, с успехами, ошибками и разочарованиями может сохранить жизнь этой сельской глубинке. Такие люди деревне очень нужны.

В деревню за вдохновением

Деревня обычно ассоциируется с сельским хозяйством, но это далеко не так. Есть примеры и творческой жизни в деревне, хотя она тоже чаще характерна для горожан.

Москвичка Людмила Горбачева купила поначалу дом как дачу в сравнительно большом селе с населением в 200 человек. Ее пример показывает, какие этапы проходит уже немолодой, но еще активный и творческий человек, пытаясь вписаться в местную сельскую жизнь.

Последующий переезд в деревню на постоянное место жительства она объясняет так: «Зачем люди едут в деревню? Первое – это возраст. Ты становишься самодостаточным, и тебе нет необходимости что-то кому-то доказывать. Второе – все-таки характер, потребность уединения, хотя зависимость

от окружающего сообщества здесь тоже велика. Но нет городской суеты. В городе ты не живешь, ты работаешь, должен куда-то бежать, устаешь от транспорта, от людей. Здесь есть возможность быть одной и, главное, самой собой. Мне это понравилось. Я почувствовала, что это мое. Третье – финансы. Когда вышла на пенсию, поняла, что в Москве жить на пенсию невозможно. К тому же сыну нужна была квартира. Когда бросаешь работу и остаешься вдруг дома, чтобы не пришло ощущение одиночества и возраста, надо что-то поменять. И когда я меняла, острота перехода к другой пенсионной жизни исчезла».

Тем не менее, приспособление к деревенской жизни не было простым. Пыталась работать в школе, вести уроки информатики и испанского языка. Помогала руководству сельскохозяйственного кооператива в оформлении земельных паев. Но активность и новации горожан обычно не вписываются в устойчивую размеренность деревенской жизни. Поэтому оставила попытки как-то на нее влиять и стала вести лишь компьютерный кружок для детей. И вдруг увлеклась народной куклой.

Начало было неожиданным. К приезду внучки срочно понадобились куклы. Где их взять в деревне? В Интернете. Хотя связь неустойчива, но есть. Случайно нашла сайт о народных куклах. Сделала первую из тряпочек и увлеклась. Пробовала разные варианты, но захотелось только это. Видимо, это не случайно. Как она сама говорит: «В городе никогда не стала бы делать такие куклы. Живешь здесь, духом деревенским пропитываешься, и кажется уже естественным – делать народные куклы».

Увлечение народными куклами длилось 3 года. Узнала о них все, что удалось найти в Интернете. Выписала по почте несколько книг и сделала несколько десятков кукол. «У всех друзей москвичей в домах появились мои куклы. Наступил момент, когда я поняла – здесь уже тупик. Ведь народная кукла достаточно проста в изготовлении. Что-то новое придумать трудно. Варьировать можно только с одеждой. Я опять залезла в Интернет. В какой удивительный кукольный мир я попала! Появился азарт – а я смогу? Появилась возможность не просто копировать, а творить. Каждая кукла стала РОЖДАТЬСЯ, пусть

не 9 месяцев, но сам процесс стал более длительным. Я подбирала лицо, волосы, одежду. Я придумывала характер. Делала в одном экземпляре, даже когда просили повторить, получалось что-то другое».

Техник изготовления кукол много, и все освоить невозможно. Есть скульптурная кукла, есть специальная техника валяния. Материала здесь много. У подруги в соседней деревне есть стадо овец и овечья шерсть, немытая и нечесаная, но много и своя. Все это ждет своего часа. Попутно освоила и техники декоративно-прикладные: мезенскую и пермогорскую росписи и технику «моталки», когда из простой проволоки и ниток получается украшение для дома.

«К большому сожалению, у меня нет учителей. Только Интернет и книги. В нынешних условиях это норма. У меня нет специального художественного образования. Я – технарь. Шить и вязать меня научила наша советская школа XX века. Мне в этом смысле повезло. Этих знаний и умения хватило на всю мою жизнь. Шила и вязала себе, сейчас обшиваю и обвязываю своих кукол и зверюшек. Хотя какой-то опыт был. В лихие 90-е, когда не было работы, а выживать надо было, подруга устроила меня к знаменитому дизайнеру классической русской одежды. Свои знаменитые на весь мир костюмы он шил только вручную и только из тканной на станке ткани. Вот тогда я научилась ткать и шить швом 1 мм. Кто мог тогда подумать, как это все пригодится!»

Зима в деревне только началась. Дома опустели, разъехались друзья москвичи. Но в ее доме тепло, и с утра до самого вечера можно шить, вязать, расписывать доски и прялки. Зима пройдет быстро.

Советы и рецепты

Покупка и ремонт деревянного дома

Дом в деревне

Для кого-то это возможность вырваться из городской суеты и погрузиться, хоть ненадолго, в неторопливое течение деревенской жизни. Для кого-то – возможность в летние каникулы вывезти детей на свежий воздух и отдохнуть самим. Для кого-то, наоборот, место, где можно продуктивно поработать, написав статью, диссертацию или книгу. Для кого-то – возможность оторваться от компьютера и наконец-то поработать руками.

А еще сад и огород, лес и река. В общем, очень заманчиво.

Фото 1. Дары леса

Но от покупки дома многих отпугивают реальные или кажущиеся проблемы, связанные с жизнью вдали от города, в доме, который совершенно не похож на городскую квартиру, в доме без водопровода и канализации, без газовой плиты и центрального отопления.

Если, несмотря на сомнения, вы все же решили купить дом в деревне и выбрали Угорскую волость⁵ Мантуровского района Костромской области, то эти заметки – для вас. Если же вы все еще колеблетесь, то все равно прочитайте – может быть, не все так страшно, как вам кажется.

І. ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Транспортная доступность⁶

Угорская волость расположена вдоль шоссе, соединяющего Кострому с Кировом, на границе Мантуровского района, примерно посередине между райцентрами Макарьев и Мантурово. В летнее время в любую деревню можно без проблем проехать на легковой машине. В зимнее время проселочные дороги очищают от снега бульдозером, но только до последнего жилого дома.

По железной дороге можно доехать до города Мантурово (с Ярославского вокзала поездом «Москва – Шарья» или любым другим, приходящим в Мантурово утром, затем на любом автобусе, идущем в сторону Макарьева и Костромы – примерно 30–40 минут). Автобусы ходят нечасто, но регулярно и круглый год. На территории волости находятся четыре автобусных остановки: Копцево, Угоры, Аносово и Хлябишино.

Если ехать на автомобиле, то дорога пройдет по четырем областям. Сначала из Москвы по Ярославскому шоссе (М-8) до города Ярославль. Ярославское шоссе – одна из самых безопасных трасс в России, но только в Московской области. Следующая за Московской Владимирская область – наиболее опасный уча-

⁵ Автор предпочитает использовать этот термин вместо громоздкого и не очень точного официального названия «Угорское сельское поселение», тем более что территориально они почти совпадают.

⁶ Раздел написан при участии В.С. Жукова.

сток этого пути. Дорога преимущественно двухполосная (одна полоса в одну, другая в другую сторону) и проходит через очень холмистую местность (Клинско-Дмитровская гряда), в связи с этим огромное количество закрытых подъемов и, как следствие, невозможность обгона. Помимо этого, практически на всем протяжении 40-километрового участка – сплошная разметка, и Владимирское ГИБДД не дремлет, даже ночью. После въезда в Ярославскую область ситуация меняется довольно сильно, в первую очередь в отношении ширины проезжей части: появляются полосы для обгона, местами дорога становится 4-полосной, а перед Ярославлем вообще превращается в шоссе с разделительным газоном и отбойниками (40 км современной трассы).

В Ярославле, после проезда мимо нефтеперерабатывающего завода (очень красиво, особенно ночью), необходимо повернуть на дорогу А-113 Москва – Кострома, Вологда. Эта дорога проходит между воинскими частями и, видимо, несет стратегически важную функцию. Будьте внимательны! Если стоит временный знак «40» и табличка с нарисованным танком, то это не шутка. Это действительно значит, что дорогу может переехать танк! Дорога по большей части двухполосная, прямая, с большим количеством возможностей для обгона. На участке два поста ДПС, один на выезде из Ярославля, а второй на въезде Кострому. Также встречаются мобильные экипажи ГИБДД и манекены патрульных машин. В Костроме, переехав мост через Волгу, можно двигаться двумя путями: по объездной дороге и через город. В любом случае вам нужна дорога Р-1/Р-98 на Судиславль. Объездная дорога начинается на съезде с моста, там есть указатель «Судиславль/Шарья», далее указателей нет, и понять, что вы выехали на дорогу Р-1/Р-98, можно только опытным путем. Дорога через город проще: после моста через Волгу вы попадаете на площадь, которую пересекаете прямо, и едете прямо до второго перекрестка со светофором, на котором поворачиваете направо (есть указатель «Судиславль»), далее прямо до выезда из города. Будьте внимательны и захватите с собой карту города. Попытки «опроса общественного мнения», особенно такси-

стов, часто приводят к неожиданным результатам – посылают в противоположную сторону.

Следующий пункт – Судиславль. Вокруг поселка идет объездная дорога, на которой есть поворот налево, на Галич и Чухлому. Не промахнитесь – вам прямо, на Макарьев и Мангурово. Далее ошибиться негде. На трассе Р-1/Р-98 вас ждет 300 км асфальтовой дороги приемлемого качества с одним постом ДПС и возможным присутствием двух-трех мобильных экипажей ГИБДД вблизи населенных пунктов.

Весь путь занимает, в зависимости от времени суток, сезона и опыта водителя, от 8 до 12 часов. Расстояние от МКАД примерно 600 км. При удачном стечении обстоятельств удастся доехать за 6 с половиной часов.

Дом

Традиционный сельский дом в центральной части Костромской области сильно отличается от сельских домов Центра или Юга России. Он относится к северному типу: из-за сурового климата все постройки, как жилые, так и хозяйственные (кроме бани), ставили под одну крышу. Это позволяло в зимнее время, когда никаких полевых работ не было, почти не выходить на улицу. В колхозные времена жизнь сильно изменилась, но изменения эти практически не коснулись традиционной архитектуры индивидуального сельского дома, сложившейся за триста лет существования здесь русских поселений.

Типичный дом в Угорской волости, построенный в первой трети XX в., представляет собой продолговатое прямоугольное бревенчатое строение, состоящее из избы, сеней и двора. По сути, строение двухэтажное. Верхний этаж – жилой: изба, сени (местное название – «мост») с крытым крыльцом, сарай и горницы (одна или две). Нижний – хозяйственный: подклет (подпол, «гобец»), хлева и собственно двор. Со стороны ворот ко двору обычно пристраивается дощатый тамбур («дворчик»). В некоторых домах от ворот сарая до поверхности земли спускается наклонный пандус, по которому на телеге, не выпрягая лошадь, в сарай завозили сено. Схематические поэтажные планы верхнего и нижнего этажа приведены на рис. 2 и 3.

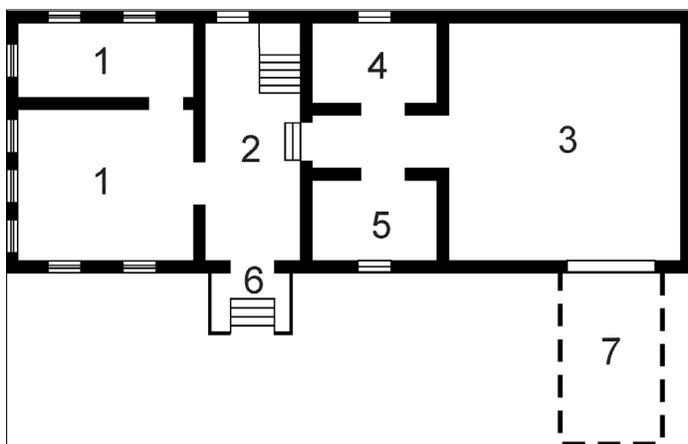

Рис. 2 Схематический план верхнего этажа:

1 - изба, 2 - сени, 3 - сарай, 4 и 5 - горницы, 6 - крыльцо, 7 - пандус

Реальные дома могут несколько отличаться по планировке от того, что показано на схемах, но указанные помещения присутствуют практически всегда. В домах более новой постройки или не так давно перестраивавшихся крыльцо часто совмещено с застекленной верандой, совершенно не характерной для традиционной архитектуры.

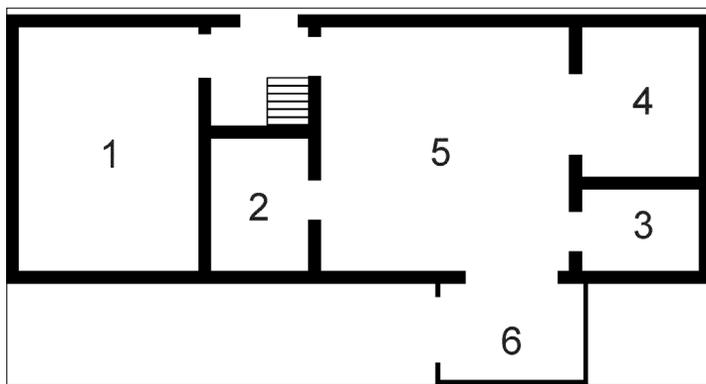

Рис. 3. Схематический план нижнего этажа:

1 - подклет, 2, 3 и 4 - хлева, 5 - двор, 6 - дворчик

Стены

Конструктивно строение представляет собой два стоящих рядом бревенчатых сосновых сруба, собранных в обло (выпуски концов бревен на схемах не показаны), причем чашки на бревнах даже относительно новых домов выбраны *сверху*, а пазы снизу. Такой способ рубки углов весьма архаичен и в Центральной России не применяется уже лет двести, так как способствует застою воды в чашках, если они плохо проконопачены. Но в этой местности углы сруба обычно не гниют из-за отсутствия длительных периодов сырой безветренной погоды.

Бревна старых домов, построенных в доколхозную эпоху, отесаны и оструганы. Более поздние – только ошкурены. Внутри избы бревна отесаны так, чтобы поверхность стены была плоской, но в углах бревна остаются круглыми.

В качестве конопаточного материала используется мох. Более мягкие материалы (пакля, лен) в этой местности не применяются. Это связано с тем, что весной при строительстве гнезд птицы выщипывают их из стен на подстилку. Автор убедился в этом на собственном опыте. Конопатятся только избы, дворы же собираются без конопаточного материала.

Так как при конопатке высота сруба всегда увеличивается (до 15 см), изготовить единый сруб избы и двора невозможно.

Шпонки между бревнами поставлены очень редко и только там, где это совершенно необходимо (в простенках между окнами, рядом с дверными проемами). На длинных участках бревен шпонок нет, что иногда приводит к деформации стен двора, так как там сруб не разрезается оконными проемами.

Внутренняя стена пятистенка избы сохранилась не везде. Во многих домах она при ремонте заменена дощатой перегородкой, не доходящей до потолка. Как утверждают местные жители, сделано это для того, чтобы изба быстрее прогревалась. Польза такого конструктивного решения весьма сомнительна.

В некоторых домах меньшая комната пятистенка изолирована от остальной части избы и не отапливается. Вход в нее в этом случае делается из сеней, но иногда и из большой комнаты.

Ремонт срубов обычно производился путем замены прогнивших бревен, что предполагало полную разборку дома. Наличие в строении двух независимых срубов давало возможность перебирать срубы избы и двора в разные строительные сезоны. На практике дворы ремонтировались значительно реже, чем избы.

Некоторые избы, а иногда и дома целиком обиты тесом.

Фундамент

Большинство домов в деревнях Угорской волости поставлено без фундамента, на больших валунах, которые в изобилии попадаются в этой местности. Очень редко вместо валунов под стенами встречаются деревянные колоды, стоящие вертикально (так называемые «стулья»). Как правило, они уже настолько прогнили, что невозможно даже определить породу дерева, из которого они были сделаны.

На рис. 4 показано примерное расположение камней под бревенчатыми стенами всей постройки.

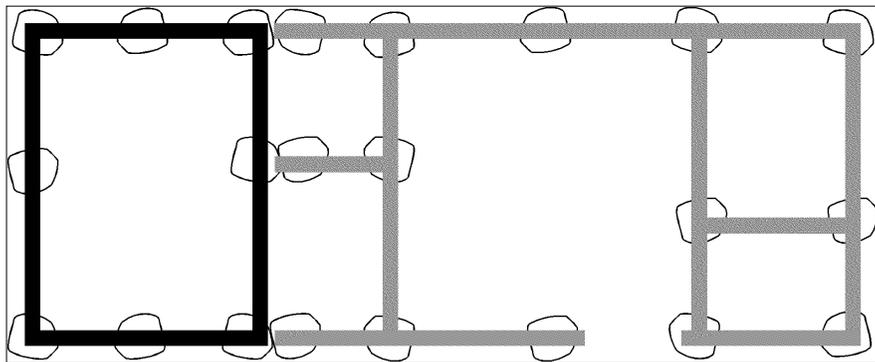

Рис. 4. Конструкция валунного фундамента.

Черным цветом показан нижний венец избы, серым – двора и сеней

Между камнями закатывались не связанные со срубом бревна, которые лежали непосредственно на земле. Эти бревна должны были периодически заменяться, так как они очень быстро подгнивали и опускались, образуя щель под нижним венцом. Но последние десятилетия этого, как правило, не делалось, а образовавшиеся щели засыпали землей. Поэтому ниж-

ние венцы старых домов, поставленных на камни, иногда находятся в плохом состоянии.

Лет 30–40 назад под некоторыми домами были сделаны ленточные фундаменты. На таком фундаменте, если он хорошо гидроизолирован, нижние венцы не портятся много десятилетий.

Крыша

Крыша всего строения обычно двускатная, реже трехскатная. Так как коньковые бревна избы и двора обычно не совпадают по высоте, над сенями всегда есть небольшой (а иногда и очень значительный) излом. Пространство под крышей представляет собой как бы третий этаж (чердак) с полом, образованным потолком избы, сеней и горниц. Поперечных перегородок на этом уровне обычно нет, поэтому подкровельное пространство и сарай образуют единый объем. Каркас крыши сильно отличается от привычного для нас каркаса крыш городских и сельских домов Центральной России. На всю длину постройки (а она достигает иногда двадцати метров) есть только четыре стропила и бревенчатый фронтон с торцевой стены двора. На стропила и на фронтон в продольном направлении положено параллельно по три или четыре бревна на каждом скате и коньковое бревно сверху. На эти бревна поперек набиты довольно тонкие жерди, к которым прибита дощатая обрешетка. Кровля обычно многослойная: дранка, рубероид, шифер. Столь необычное сочетание объясняется тем, что при ремонтах каждый последующий слой просто прибивался к предыдущему. Но и драночная кровля – не самая первая. Каркас крыши предназначен для тесовой кровли, которая и была раньше на большинстве домов. В обрешетке часто встречаются доски из такой старой кровли. По краям на них есть характерные продольные желобки (для стока воды). Но и это покрытие не первоначальное. Первоначальная дощатая кровля была сделана не из пиленых досок, а из колотых. Бревно раскалывали вдоль на несколько пластин. Поверхность таких досок оказывалась волнистой, что препятствовало затеканию воды между ними. Остатки этих кровель тоже встречаются в обрешетке. Доски кровли прибива-

лись гвоздями непосредственно к продольным бревнам крыши в два слоя внахлест. В этих местах и начиналось их гниение.

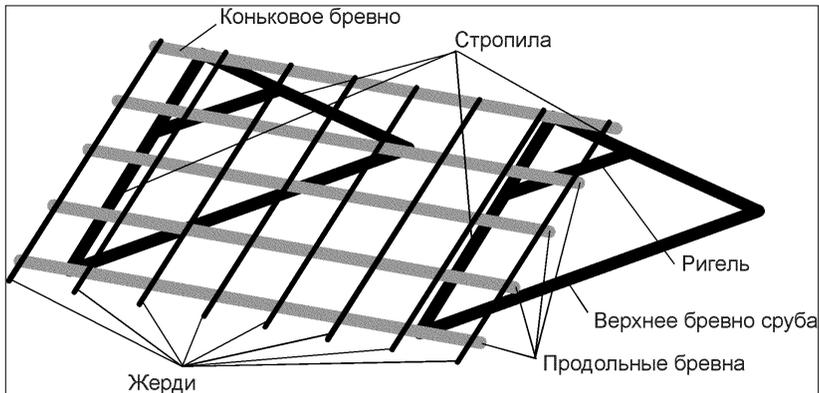

Рис. 5. Схема каркаса одного из скатов крыши избы

При переходе к кровле из дранки (из щепы) потребовалась сплошная обрешетка. Тогда и появились поперечные жерди, к которым эта обрешетка крепилась. Кровля из дранки была существенно дешевле тесовой, и ремонтировать ее было легче. К тому же дранка изготавливалась, как правило, тут же в доме. Практически в каждом сарае был станок для производства этого кровельного материала. В некоторых домах эти станки сохранились до сих пор. Дранка использовалась не только как кровельный материал, но и для защиты стен от намокания, выветривания и продувания (как современный сайдинг).

Позже появился рубероид. Но его использовали, совсем не руководствуясь правилами и инструкциями. Вместо того чтобы очистить крышу от дранки и клеить рубероид на мастику, листы рубероида просто набрасывали на крышу поверх дранки и прибивали на стыках и по краям досками. Такая кровля служила очень недолго.

С появлением дешевого шифера (эпоха «дальнейшего развития Нечерноземья») крыши стали покрывать им. И опять не по правилам. Листы шифера просто прибывали к уже существующей кровле, пробивая гвоздями и рубероид, и дранку. При таком способе крепления листы шифера иногда сдувало ветром, поэтому по краям их, опять же, крепили досками.

Полы

Полы в избах, сенях и горницах сделаны из широких необрезных досок, толщиной 50, а то и 60 мм. Иногда использовались огромные горбыли максимальной толщиной 100–120 мм. Кромки досок и горбылей отесывали вручную так, чтобы по максимуму использовать их поверхность, поэтому ширина доски в разных ее концах может отличаться на несколько сантиметров, а стык досок не обязательно прямолинеен. Доски подгонялись по месту и соединялись шпонками. В избе доски прибивались к специальным бревнам («переводам»), концы которых заделаны в сруб. Горбыли в местах примыкания к переводам подтесывались. В полу избы обязательно есть люк для входа в гобец.

В некоторых домах под обычным полом есть черновой пол, уложенный в четверти, выбранные в переводах. Пространство между черновым и чистовым полом заполнено песком. Такая конструкция пола обеспечивает лучшую теплоизоляцию избы, но может приводить к переохлаждению подпола, который используется, в частности, для хранения картофеля. Видимо, по этой причине двойные полы встречаются редко.

Обычно в сенях доски пола прибиты к балкам, которые не закреплены в срубах избы и двора, а лежат на собственных опорах – столбиках.

В сарае пол («помостник») бывает сделан из самых разнообразных материалов. Это могут быть доски или горбыли (как в избе), но часто пол в сарае делали из тонких бревен, или, скорее, из толстых жердей, иногда просто подогнанных друг к другу, а иногда и обтесанных на три канта (сверху и с боков). Особенно точно пол здесь не подгонялся, чтобы не ухудшать вентиляцию сена, которым сарай на зиму был забит почти под крышу.

Помостник уложен на толстые переводы длиной до восьми метров, перекрывающие без дополнительных опор весь двор. Стены горниц также стоят на этих переводах.

Потолки

Потолки в избах и горницах сделаны из плах (горбылей в одну треть толщины бревна), кромки которых обтесаны в четверть. Концы плах вставлены в продольные пазы, выдолбленные в потолочных балках и бревнах сруба. Сверху все стыки на потолке избы обмазывались глиной, а затем потолок засыпался песком. В холодных горницах в этой теплоизоляции необходимости не было. Снизу потолки обычно покрашены масляной краской, но встречаются избы и с некрашеными потолками.

При неизбежном хождении по чердаку глиняная обмазка растрескивается, и песок через щели может просыпаться в избу. Поэтому во многих домах потолки обиты снизу оргалитом, картоном или фанерой. Обивка потолка этими материалами существенно улучшает теплоизоляцию дома. В некоторых домах и стены в избе обиты каким-нибудь листовым материалом.

Потолки в сенях могут быть сделаны из самых разнообразных досок, так как носят чисто декоративный характер. Уложены они на небольшие поперечные балки, свободно лежащие в гнездах, выдолбленных под них в стенах избы и двора. Часто доски бывают даже не прибиты к балкам.

Окна и двери

По качеству отделки окон и дверей видно, что изготавливались они не местными плотниками, а делались на станках в мастерских плотницких артелей, существовавших до конца 30-х гг. XX в. С тех пор рамы во многих домах не ремонтировались.

Оконные рамы двойные, причем внутренние (зимние) рамы сделаны съемными и устанавливаются в оконные проемы только в холодное время года. Стекла в рамах крепятся гвоздями. Замазка, как правило, отсутствует. Штапики для крепления стекол не применяются.

Двери в перегородках филенчатые, изготовленные в мастерских. Все остальные двери щитовые, собранные на клиновидных шпонках из досок с выбранными по кромкам четвертями.

Входная дверь обычно обита снаружи каким-нибудь утеплителем. Ворота двора и сарая также дощатые, но собраны на каркасах из толстых брусьев.

Все дверные проемы очень низкие⁷.

В большинстве дверей, кроме входной двери в избу, у пола сделаны отверстия для свободного перемещения домашних кошек.

Печи

Печей в избе две: русская печь и варочная печь (упрощенная голландка). Русская печь для экономии кирпича устанавливается на деревянном срубе, заполненном песком. Сруб стоит одной стороной на двойном переводе, заделанном в сруб, а другой стороной опирается на два столба, стоящих в подполе на отдельных камнях. При любой усадке сруба печь неизбежно наклоняется и дымоход трескается. Эта удивительная конструкция присутствует практически во всех старых домах.

Обычно русская печь сложена из красного кирпича, но встречаются и глинобитные печи, в которых из кирпича сделаны только свод и лицевая часть. Глинобитные печи существенно хуже кирпичных.

Варочная печь появилась в угорских избах только в XX в. Конструкция ее весьма примитивна (всего два горизонтальных хода). Но примитивность эта вполне обоснована, так как собственной дымовой трубы эта печь не имеет. Дымоход из листового железа («рукав») проходит от этой печи под потолком с очень небольшим уклоном и входит в трубу русской печи. При более сложной конструкции такую печь было бы невозможно растопить. Рукав является дополнительным обогревающим элементом печи. Голландка устанавливается на пол без каких-либо дополнительных опор.

Печи, как правило, обмазаны (оштукатурены) глиной и побелены или покрашены.

⁷ Автор понимает, что его суждение по этому вопросу весьма субъективно.

Примерная схема расположения печей и перегородок в избе показана на рис. 6.

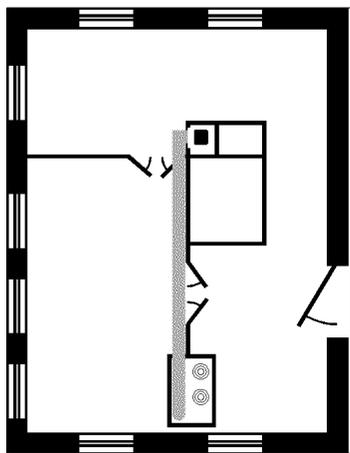

Рис. 6. Печи и перегородки.

Серым цветом показан металлический дымоход голландки

Кирпич в печах может быть самых разнообразных размеров и очень разного качества. Как правило, он не заводского производства, а изготовлен кустарным способом непосредственно на месте. Во внешних стенках русских печей встречается иногда и необожженный кирпич. Эта особенность несколько осложняет ремонт печей.

Кирпичная труба русской печи через потолок выходит на чердак. На чердаке труба делает два прямоугольных излома, образуя горизонтальный участок, называемый боровом. Боров, утолщенный снизу двумя рядами кирпича, лежит на деревянном настиле, который закреплен на двух переводах, заделанных под последний венец сруба. Далее труба уходит вверх сквозь крышу вблизи конька. При любом наклоне избы в месте примыкания к борову печной трубы обязательно образуются трещины. Верхняя часть дымохода иногда бывает надставлена толстостенной керамической трубой. Такие трубы предназначены для отвода с полей излишних грунтовых вод и остались в этой местности после работ гидромелиораторов, но и как дымоходы они работают вполне успешно. Над оголовком трубы, как правило, устанавливается простейший дефлектор в виде небольшой жестяной крышечки конической формы, укреп-

пленной на трех или четырех опорах. Роль дефлектора двоякая: во-первых, он усиливает тягу, а во-вторых, препятствует затеканию в трубу дождевой воды.

В послевоенные годы появились более сложные по конструкции русские печи с подтопком, в которых функции русской печи и голландки совмещены.

Баня

Типичная местная баня представляет собой небольшое деревянное строение, из соображений противопожарной безопасности отстоящее от дома на несколько десятков метров. По конструкции она представляет собой сильно уменьшенную и упрощенную копию избы (но без перегородки). Со стороны входа к бревенчатому срубам пристроен небольшой дощатый тамбур-раздевалка, которым можно пользоваться только в теплое время года. Потолки в банях очень низкие⁸.

Печь в бане представляет собой несколько измененную по конструкции голландку, в которой вместо двух горизонтальных ходов устроена каменка. Иногда встречаются печи и более сложной конструкции, например с «вмазанными» котлами для нагрева воды. В отличие от голландки в избе, печь в бане имеет собственную дымовую трубу с небольшим бором на чердаке.

Туалет

В традиционном деревенском доме туалета не было. Естественные надобности справлялись во дворе или в хлеву. В настоящее время в большинстве домов эта традиция продолжает существовать – в одном из хлевов, в сарае или в сенях над хлевом для этих целей сделана небольшая дощатая выгородка.

Привычные для нас отдельно стоящие будки встречаются обычно рядом с теми домами, которые куплены горожанами.

⁸ См. примечание в разделе «Окна и двери».

Другие постройки

Рядом с домом могут размещаться и другие строения: сараи-дровяники, гаражи, погреба и просто сараи неопределенного назначения. В качестве сараев иногда используются дворы, оставшиеся от разобранного дома соседей или родственников. Большинство погребов с появлением холодильников заброшено, так как необходимость их восстановления спорна, а возможность – проблематична. Тем не менее, при некоторых домах погреба сохранились. Остальные строения не требуют какого-либо специального описания потому, что в случае покупки дома вы их, скорее всего, разберете.

Электричество, телефонная связь, водоснабжение, снабжение продуктами питания, дрова

Угоры и все деревни Угорской волости электрифицированы. Напряжение однофазное, 220 В. В Угорах и Хлябишине при желании можно установить и трехфазный ввод. Перебои в электроснабжении случаются обычно во время сильной грозы и вызваны в этих случаях отключением напряжения по соображениям безопасности. Бывают и аварийные отключения. Частота и продолжительность отключений, по наблюдениям автора, такая же, как и в Московской области.

В последние годы установка телефона перестала быть проблемой, и к местной телефонной сети, имеющей автоматический выход в общероссийскую телефонную сеть, подключились все желающие. Операторами мобильной связи (МТС, Билайн) обслуживается почти вся территория волости, за исключением безлюдных пространств на левом берегу реки Унжи и части лесного массива к северо-западу от шоссе.

До недавнего времени во всех деревнях функционировала радиотрансляционная сеть, но в настоящее время она не работает.

Подключение к Интернету возможно через местную телефонную сеть (через обычный аналоговый модем) и через мобильный телефон.

В части населенных пунктов волости есть водопровод с водоразборными колонками. Некоторые владельцы домов провели водопровод непосредственно в дом. В остальных деревнях для водоснабжения используются общественные и частные колодцы.

В Угорах есть два продовольственных магазина и продовольственная палатка. Еще два продовольственных магазина есть в деревне Никольское (в соседнем районе). В некоторые деревни хлеб привозят на автомашинах, как и другие продукты, а также прочие предметы первой необходимости. Крупные специализированные магазины имеются в Мангурове и Макарьево (расстояние до них примерно одинаковое). Там же находятся и бензозаправочные станции.

Местные жители ежегодно покупают березовые дрова в виде бревен, которые потом самостоятельно распиливают, колют и высушивают. Кроме этого, покупаются отходы местных деревообрабатывающих предприятий: горбыль, обрезь и т.п.

II. БУДЬТЕ ВНИМАТЕЛЬНЫ!

Если предыдущий раздел не охладил ваше желание купить деревенский дом, то в этом разделе вы найдете рекомендации по выбору дома, а также аргументы для обсуждения с владельцем его стоимости.

Располагая достаточными средствами, можно купить дом, не требующий немедленного ремонта, в котором можно прожить лет десять, не утруждая себя серьезными строительно-ремонтными проблемами. Но такой дом будет стоить дорого, и, покупая его, нужно быть полностью уверенным в том, что он действительно не имеет значительных дефектов, осознанно или неосознанно скрываемых от вас продавцом. В случае грамотной констатации наличия значимых дефектов можно сильно снизить цену покупаемого дома, но при этом надо понимать, что эти дефекты придется устранять вам.

Итак:

– Идеальный дом должен стоять на фундаменте. Весь дом, а не только изба. Двор, стоящий на камнях, со временем наклоняется в сторону, противоположную избе, стоящей на фунда-

менте. В результате рвется кровля над сенями, выходят из гнезд балки потолка, и потолок сеней при этом может обрушиться. Фундамент может быть любым. Глубина его заложения в этой местности не имеет особого значения. Важно только, чтобы цоколь (выступающая из земли часть фундамента) был тщательно гидроизолирован от бревен сруба.

– Если дом все же стоит на камнях, то все камни должны возвышаться над поверхностью земли, а бревна нижнего венца – не иметь контакта с грунтом. В противном случае гниение неизбежно. Категорически неприемлем контакт кирпича с бревном без гидроизоляции. Гниения дерева при контакте с валунами не происходит, так как под дом клали только водонепроницаемые камни.

– В идеале стены всего дома должны быть обиты тесом. Но автору известны случаи, когда тесом обивался уже достаточно ветхий дом для того, чтобы он простоял еще хоть какое-то время. Поэтому необходимо ознакомиться с состоянием сруба под тесом. Если это невозможно, то желательно собрать сведения о состоянии сруба каким-нибудь косвенным путем (время, причины, объем и обстоятельства последнего капитального ремонта). Покупать дом, не сделав этого, очень рискованно.

– Определенную опасность представляют и избы, стены которых полностью обиты изнутри фанерой или другим листовым материалом. В этом случае невозможно проверить состояние бревен и тщательность их проконопаченности.

– Балки, переводы, стропила, продольные бревна крыши не должны иметь трещин, следов гниения, а также подпорок, свидетельствующих о неуверенности владельца в их прочности. Их концы должны находиться в гнездах или пазах и быть там плотно закреплены.

– Кровля откоса под фронтоном не должна протекать, иначе возможно загнивание верхних бревен сруба, что крайне нежелательно.

– В венцах сруба избы не должно быть состыкованных бревен. Эти стыки плохо герметизируются, и, кроме того, ослабляют конструкцию всего сруба. В срубке двора подобные стыки возможны, но все же нежелательны.

- Стены всего строения не должны быть деформированы. Не должно быть выпирающих, повернутых и перекошенных бревен.

- Кровля желательна шиферная. При этом в шифере не должно быть трещин. Если шифер сильно оброс лишайниками, то это свидетельствует о том, что положен он уже лет сорок назад, и велика вероятность образования в нем трещин (возможно, и незаметных в сухую погоду).

- Если дом покрыт рубероидом, и вы не хотите мириться с протечками, то надо быть готовым к тому, что его придется перекрывать. О том, как это сделать, см. в третьем разделе.

- На верхних и нижних венцах срубов, а также на бревнах под окнами не должно быть следов гниения. Особенно это относится к верхним венцам и бревнам под окнами. Нижние венцы или их отдельные бревна можно заменить, не разбирая дом. Верхние венцы можно заменить, только полностью разобрав крышу, а для замены бревен, находящихся под окнами, потребуется разборка всего дома. Можно, конечно, заменить только сгнившие участки бревен под окнами, но и это весьма непростая работа.

- Проверить прочность углов сруба можно, покачав руками из стороны в сторону выступающие части бревен («коронки»). Если заметно хоть малейшее движение, то это значит, что бревно подгнило. Если в углу покачивается только одна коронка, то ее можно заменить (хоть это и нежелательно), если же несколько, то от покупки следует отказаться.

- Изба и двор должны быть одной ширины. В противном случае о непротекающей кровле над сенями можно забыть.

- Следует обратить внимание, не скапливается ли вокруг дома талая вода. Из-за особенностей грунта (морена) это может привести к образованию в земле воронок и разрушению дома. Такая воронка образовалась под одним из домов в деревне Хлябишино. В итоге владельцы дома были вынуждены от него отказаться. При постройке дома застой воды, конечно, исключался, но он может возникнуть, например, при неграмотной прокладке дороги или возведении какой-нибудь насыпи.

- Печи в доме и в бане не должны дымить. В печах, дымоходах и боровах не должно быть трещин. Появление дыма

при растопке не является значимым дефектом, так как, скорее всего, вызвано засорением сажей трубы, борова или рукавов. Чистить все равно придется.

– Нижние концы столбов, на которые опирается русская печь (в подполе), должны опираться на камни и не должны быть засыпаны землей. Если же они все-таки засыпаны, то стоит их откопать и убедиться в том, что они не гнилые.

– Бревна старых домов часто бывают поражены древоточцами, причем самыми разнообразными видами этих насекомых. Наличие таких бревен нежелательно, но практически неизбежно. Запас прочности самого сруба таков, что деятельность этих вредителей обычно не приводит к разрушению дома. Иное дело, если поражены балки, переводы или стропила, удельная нагрузка на которые значительно больше. Если поражение существенное, а данный элемент конструкции заменить сложно, то от покупки лучше отказаться. Если поражение незначительное, то желательно проконсультироваться с биологом, а в дальнейшем попробовать применить соответствующие инсектициды.

– Дом с окнами, находящимися в идеальном состоянии, вам вряд ли попадется. Нужно только обращать внимание на то, чтобы оконные рамы не были прогнившими и в доме был полный комплект зимних рам. Заменять разбитые стекла, а также герметизировать целые придется все равно.

III. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Предположим, что вы не побоялись трудностей и купили дом в деревне. Что необходимо сделать сразу? Что нужно сделать в первый же летний сезон? Что может подождать? Ответы на эти вопросы зависят от технического состояния дома и от того, собираетесь ли вы приезжать в него зимой.

Если вы купили дом на ленточном фундаменте, с непротекающей крышей, с водопроводом, с исправными окнами, с хорошими запорами и ставнями и т.д., то вам остается только заняться его благоустройством. Но даже в этом случае непривычной для горожан особенностью деревянного деревенского дома является необходимость ежегодных мелких ремонтов. Но не о них сейчас речь.

Дома в практически идеальном состоянии или не продаются, или стоят очень дорого. Поэтому в идеальном состоянии дом вам, скорее всего, не достанется.

Рассмотрим теперь основные работы, которые вам, возможно, предстоит проделать, чтобы привести дом в такое состояние, чтобы вы могли в нем спокойно отдыхать.

Крыша

Крыша протекать не должна! Этой аксиомой надо руководствоваться постоянно.

Если дом стоит на фундаменте или на камнях, но ровно, без перекосов, то кровлю можно сразу делать из шифера (или отремонтировать имеющуюся). Шифер – надежный материал, всегда имеющийся в продаже в ближайших райцентрах (можно даже заказать доставку). Укладка его не требует какой-либо особой квалификации. Все остальные варианты твердой кровли значительно дороже.

Если дом перекошен и вы планируете его выравнивание, то сразу настилать шиферную кровлю нежелательно. При выравнивании дома отдельные листы шифера могут треснуть, и их придется заменять. В этом случае целесообразно сделать кровлю из рубероида или толя, и только после окончания фундаментных работ настелить шифер. Вообще для этой местности оптимально двухслойное покрытие (рубероид + шифер). Здесь дожди часто сопровождаются сильным ветром, а чисто шиферная крыша в этом случае может немного протекать. Единственный недостаток двухслойного покрытия следующий: при случайном повреждении шифера сложно найти место повреждения, так как протечка может образоваться совсем в другом месте, значительно ниже по скату крыши и даже несколько в стороне.

Стелить рубероид надо на обрешетку, предварительно удалив с нее остатки старой дранки. Драночные гвозди необходимо выдернуть, забить или загнуть молотком так, чтобы они в дальнейшем не проткнули рубероид. Обрешетку желательно отремонтировать, заменив прогнившие доски и выровняв остальные. Необрезные доски настилаются под рубероид широкой стороной вверх. Под шифер настилать рубероид можно

в один слой. Ширина щелей между досками обрешетки в этом случае не имеет особого значения. Если же вы хотите ограничиться рубероидной кровлей, то стелить его желательно в два слоя. В этом случае ширина щелей обрешетки не должна превышать 40 мм. Особенно тщательно нужно отремонтировать обрешетку в месте стыка крыши избы с крышей двора.

Первый слой рубероида настилается вдоль ската кровли, а второй слой – поперек. Листы рубероида приклеиваются внахлест на мастику. Мастикой должны быть приклеены продольные края листа шириной 10–15 см и центральная часть, то есть, примерно через каждый метр. Особенно тщательно рубероид приклеивается к свесам кровли и к коньку. Следующий лист рубероида должен заходить на предыдущий не менее чем на 10 сантиметров. Так как скаты кровли не представляют собой идеальный двугранный угол, перекрывать лучше каждый скат по отдельности, хотя длины рубероида в одном рулоне с небольшим запасом хватает на оба ската. При однослойном приклеивании по стыкам рубероида нужно прибить рейки сечением примерно 20 на 40 мм, предварительно покрасив их масляной краской. Более широкие рейки, а тем более доски, прибивать бессмысленно. Если однослойное покрытие делается под шифер, то рейки, естественно, не прибиваются.

Приклеивать рубероид можно любой предназначенной для этого мастикой. Мاستику можно сделать и самостоятельно, расплавив гудрон (битум) и разбавив его керосином или соляркой (*вдали от открытого огня!*). Такая мастика наносится в горячем виде. Слой талька, которым покрыт рубероид для предотвращения слипания, с мест приклеивания желательно удалить бензином или керосином. В крайнем случае, можно промыть эти места раствором стирального порошка, а затем чистой водой. В случае промывки водой перед приклеиванием рубероид надо тщательно просушить.

Двухслойная рубероидная кровля над избой, сделанная автором по описанной технологии, прослужила без протечек и ремонтов 12 лет, после чего была перекрыта шифером. Однослойная кровля над двором, сделанная тогда же, простояла 14 лет, но каждый год ее приходилось ремонтировать, приклеивая заплаты.

Настилка шифера не требует какого-либо особого описания, поскольку производится по общепринятой технологии. Следует только отметить, что шифер, настеленный на старую многослойную кровлю, держится менее прочно, чем шифер, настеленный непосредственно на обрешетку или на обрешетку, покрытую рубероидом. Кроме того, стандартные коньковые асбоцементные детали из-за «сложной геометрии» крыши здесь обычно не применяются (а потому их и нет в продаже). Вместо них к коньковому бревну прибиваются две сбитые между собой широкие доски, закрывающие щель, образующуюся между листами шифера на коньке. Для долговечности эту конструкцию желательно покрасить масляной краской.

Если шиферная кровля уже есть, но требует ремонта, то часть листов шифера придется заменить. При этом необходимо учитывать, что листы шифера бывают разные не только по размерам, но и по числу «волн». Поэтому в центральной части кровли заменить поврежденный лист шифера на новый возможно не всегда. Если вам не удастся приобрести шифер такого же типа, как и на вашем доме, не отчаивайтесь. Для замены можно использовать старые листы, снятые с бокового края крыши, заменив их новыми (по всей длине ската).

Если крышу над сенями невозможно покрыть шифером (коньковые бревна смещены по горизонтали, сильно отличаются высота или угол крыш над избой и двором), то в этом месте придется делать кровлю из рубероида или какого-нибудь другого мягкого материала. Два слоя рубероида надо приклеить под шифер, прибив с двух сторон под последние «волны» шифера подходящего размера бруски так, чтобы вода не затекала под шиферную кровлю. Бруски желательно прибивать, предварительно смазав нижнюю поверхность мастикой. Сверху бруски надо окрасить.

Фундамент

Автору понадобилось несколько лет, чтобы убедить жену в том, что дом придется поднимать и ставить на фундамент. Главным аргументом послужила ежегодно трескавшаяся дымовая труба.

Подведение фундамента – процесс хоть и трудоемкий, но не такой сложный, как может показаться. При этом не так уж и важно, перекошен дом или осел равномерно.

В любом случае вам понадобятся домкраты. По соображениям удобства и техники безопасности желательно использовать два домкрата: гидравлический и винтовой. Можно использовать автомобильные домкраты, предназначенные для подъема грузовых автомобилей (КамАЗ, ЗИЛ). Домкраты для легковых автомобилей такой нагрузки не выдержат. Гидравлический домкрат удобен, не требует особых усилий, но не стопроцентно надежен. Оставлять на нем поднятую конструкцию на ночь рискованно. Винтовой домкрат абсолютно надежен, но при работе требует больших усилий. Оптимальный вариант – поднимать сруб гидравлическим домкратом, а винтовым подстраховывать. По территории Угорской волости «кочуют» два винтовых железнодорожных домкрата, с помощью которых можно поднять любой дом. Кроме того, с помощью таких домкратов можно переместить поднятый груз и по горизонтали (примерно на 10 см).

Легкие дворы иногда поднимают даже с помощью рычага, используя в качестве такового прочное длинное бревно.

Если дом несколько перекошен, то перед установкой его на фундамент надо определить высоту подъема каждого из углов. Для этого удобно использовать водяной уровень, состоящий из двух стеклянных или прозрачных пластмассовых трубок и длинного шланга, их соединяющего. Если предстоит подъем избы, то внутри нее вблизи каждого из углов с помощью уровня на стены наносятся метки, находящиеся в одной горизонтальной плоскости. Затем измеряются расстояния от пола до меток. По этим расстояниям и определяется высота подъема углов.

Перед подъемом избы необходимо удалить все съемные рамы и открыть окна. В противном случае стекла могут трескаться. Если предстоит существенное выравнивание, стоит заранее разобрать место стыка дымовой трубы с боромом.

Подведение фундамента надо начинать с очистки нижней части сруба и верхней части опорных камней от земли, мусора, гнилых и незакрепленных бревен, а также прибитых гвоздями досок. После этого нужно оценить, какие бревна требуют замены. Совсем не обязательно заменять все бревно, если оно подгнило только с одного конца. Сгнившую часть можно отпилить, предварительно закрепив остаток бревна железными скобами.

Фото 7. Пример частичного удаления сгнивших бревен

Второй этап – подведение фундамента под первый из углов. В зависимости от того, намерены вы удалять подгнившие бревна полностью или только частично, первым будет соответственно хуже всего или лучше всего сохранившийся угол. В любом случае вы выбираете нижнее из оставляемых в этом месте бревен. Затем на расстоянии примерно 0,5 м от угла выпиливаете сгнившие бревна так, чтобы под остающееся бревно можно было подвести домкраты. Пилить можно любыми ручными пилами подходящих размеров, а также цепной электропилой, позволяющей пилить снизу вверх. Обычной бензопилой это сделать невозможно. Снизу под домкрат нужно положить толстую доску, обрезок бруса или отесанного бревна так, чтобы создать прочную плоскость опоры. Чтобы не повредить верхнее бревно, между ним и головкой домкрата нужно проложить прочную стальную пластину размером примерно 20 на 30 см. В качестве такой прокладки удобно использовать

часто попадающиеся в деревнях слегка изогнутые каленые детали плугов (лемехи?). Такую деталь нужно уложить в паз бревна выпуклостью вверх и поджать снизу домкратом. Угол можно поднимать. Если при попытке подъема сруб остается на месте, а подложенная под домкрат доска уходит в землю, нужно увеличить площадь опоры. Если угол не требуется выравнивать по высоте, а нужно только поставить его на фундамент, то приподнять угол достаточно на 10–20 мм. Сразу после подъема рядом с основным необходимо установить страховочный домкрат.

В том случае, когда поднимать приходится два или три угла, не нужно пытаться поднять один угол сразу на нужную высоту. Максимальная высота подъема зависит от того, насколько далеко находится поднимаемый угол от русской печки. Чем ближе, тем осторожнее нужно производить подъем.

После установки страховочного домкрата можно пилить удаляемые бревна с другой стороны угла. Когда оставляемая часть угла освободится, под местом пересечения бревен на опорном камне выкладывается кирпичный столбик. Верхняя поверхность столбика выравнивается раствором и железнится⁹.

Фото 8. Первый угол поставлен на столбик

⁹ Материалы и технология каменных работ (как и многое другое) подробно описаны в книге А.М. Шепелева «Как построить сельский дом», выдержавшей 5 изданий. Приобрести ее несложно – на момент написания этих заметок на сайте alib.ru имелось 18 предложений по цене от 150 до 900 руб.

Через двое суток на столбик укладывается гидроизоляция (два слоя рубероида) и подкладочная доска нужной толщины, а затем угол сруба опускается. Если зазор между камнем и углом сруба меньше двух слоев кирпича, то под угол можно просто положить деревянную подкладку нужной толщины, но обязательно с гидроизоляцией.

Точно так же на столбики устанавливаются и остальные углы. Если под срубом есть промежуточные камни, то на них тоже ставятся столбики или укладываются деревянные подкладки. По мере необходимости углы можно поднимать повторно по той же методике, не забывая каждый раз устанавливать страховочный домкрат.

Фото 9. Временная опора

После того как дом окончательно выровнен, между опорными камнями необходимо сделать фундамент. Ленточный фундамент нужен для установки на нем цоколя и для того, чтобы исключить горизонтальное смещение опорных камней (в местных гидрогеологических условиях такое смещение возможно). Проще всего сделать заливной бетонный фундамент. Глубина заложения не имеет особого значения, так как основная нагрузка ложится не на фундамент, а на опорные камни. Поэтому достаточно вырыть траншею шириной около 30 см и глубиной до 25 см. Для экономии цемента в фундамент можно заложить обломки кирпича и камни, в изобилии имеющиеся в этой местности. Кирпич и камни нужно тщательно очистить от глины и промыть водой. После этого траншея заливается жидким цементно-песчаным раствором. После затвердевания на фун-

дамент кладется гидроизоляция и по ней выкладывается кирпичный цоколь. Если вы не планируете жить в доме круглый год и хранить зимой в подполе урожай картофеля, то цоколь можно выложить толщиной в полкирпича. В противном случае цоколь лучше сделать толщиной в один кирпич и дополнительно утеплить. Поверх цоколя укладывается еще один слой гидроизоляции, а остающийся промежуток конопатится.

Фото 10. Отремонтированная стена

Во дворе, нижние бревна сруба которого практически всегда оказываются сгнившими, рядом с дверными проемами приходится ставить дополнительные опоры. Такие же дополнительные опоры необходимо поставить и под деревянные столбы, на которые опираются половые балки в сенях, если, конечно, эти опоры отсутствуют.

Стены

Летом дефекты стен практически незаметны, но в зимнее время очень хорошо видно, в каких местах между бревнами образовались пропускающие воздух зазоры. Эти места можно проконопатить изнутри, а снаружи заполнить монтажной пеной. Если стены избы изнутри обиты оргалитом, а снаружи досками, и, тем не менее, промерзают, то облицовку придется снимать и герметизировать образовавшиеся промежутки между бревнами.

Продольные трещины, появляющиеся при высыхании бревен, зимой заполняются снегом, а в дождливую ветреную погоду – водой. Если вода в них застаивается, это может привести к загниванию. Монтажная пена помогает и в этом случае, хотя она и не очень долговечна в таких условиях. Наилучший вариант – обшить дом вагонкой по слою пергамина, а вагонку пропитать современными консервирующими составами.

В некоторых избах внутренняя поверхность стен покрашена. Иногда цвет бывает, мягко говоря, несколько неожиданным. Можно, конечно, перекрасить стены, но можно и удалить старую краску. Для удаления краски удобна дисковая проволочная щетка-крацовка, вращаемая электродрелью. Работа кропотливая и пыльная, но результат оправдывает трудозатраты. После крацовки стены можно обработать наждачной бумагой.

Окна и двери

В большинстве домов Угорской волости окна не ремонтировались с момента их изготовления. Поэтому оконные рамы желательно подвергнуть капитальному ремонту. Для этого рамы нужно снять и вынуть из них стекла. Затем рамы разобрать и, очистив, заново склеить водостойким клеем (например, ПВА¹⁰). В некоторых случаях приходится заменять или реставрировать подгнившие детали. Отремонтированные рамы и оконные блоки нужно покрасить, желательно двумя слоями, масляной краской для внешних работ. Сильно прокорродировавшие части необходимо предварительно пропитать натуральной олифой. Внутреннюю поверхность можно покрыть алкидной эмалью. В зазоры между неподвижными рамами и оконным блоком необходимо уложить утеплитель. Стекла вставлять лучше всего на штапиках (как это сделано в городских квартирах), при этом не стоит пренебрегать и оконной замазкой. Зимние рамы полезно обить по периметру мягким утеплителем. Автор использовал для этого обрезки синтетического паласа. Непродуваемые окна – одно из неперемных условий тепла в доме.

¹⁰ Не следует забывать, что клей ПВА нельзя оставлять на зиму в неотапливаемом помещении.

С внутренней стороны всех окон (в том числе на чердаке и в горницах) необходимо сделать глухие съемные ставни. Тем самым вы в значительной степени обезопасите себя от «незаконного вторжения» и с большей вероятностью, приехав на следующий год, найдете в доме все, что вы там оставили.

Двери обычно не требуют существенного ремонта (за исключением дверей в бывших хлевах), но входную дверь и дверь в избу необходимо снабдить надежными и прочными замками. Целесообразно повесить замки и на внутренние двери двора. Перед тем как вешать замки, необходимо убедиться в прочности скоб, пробоев и прочих запоров. Часто пробой выдергивается из косяка вместе с замком даже без приложения значительных усилий.

Все ворота должны быть прочными и надежно закрываться с внутренней стороны. Запоры могут быть самыми разнообразными, главное, чтобы снаружи их невозможно было открыть и трудно сломать.

Давно прошли те легендарные времена, когда двери в деревенских избах не запирались...

Полы и потолки

Если дом какое-то время стоял с поврежденной кровлей, то потолочные плахи могут оказаться подгнившими (особенно кромки). В зависимости от вида грибка, которым поражена древесина, после высыхания гниение может прекратиться, а может и продолжаться. Если гниение не прекращается, то плахи необходимо заменить¹¹. Проще всего заменить их досками от пола какого-нибудь разобранного дома. Выбирать четверти на кромках не обязательно, так как потолок все равно желательно обить оргалитом или фанерой. После такой операции теплоизоляция избы существенно улучшится.

Полы в избе и сенях можно покрыть линолеумом, подстелив под него в избе тонкий слой пенополиэтилена в качестве утеплителя. Если вы не собираетесь приезжать в деревню зимой, то утеплять пол таким способом не обязательно.

¹¹ Автору пришлось заменить даже одну из потолочных балок.

Земляной пол во дворе – постоянный источник грязи в доме. Автор решил эту проблему, застелив земляные полы во дворе и в хлевах кирпичом. Теоретически лучше использовать красный кирпич, так как он более водостоек, чем силикатный (можно использовать половинки). Практически в Угорской волости более доступен бывший в употреблении силикатный кирпич, а кустарный красный кирпич – не очень высокого качества. За несколько лет эксплуатации кирпичного пола, в котором есть оба вида кирпича, какой-либо разницы в долговечности обнаружено не было.

Фото 11. Финишный этап настилки кирпичного пола

Электричество

Электрическое хозяйство дома состоит из подводящих проводов, электросчетчика и внутренней разводки.

Если в доме несколько лет никто не жил, подводящие провода могут быть сняты из соображений противопожарной безопасности. В этом случае восстановить их может местный электрик, работающий в Угорах. Он же должен заменить электросчетчик и предохранители. Желательно установить современные автоматические предохранители на 25 ампер. Остальные работы можно сделать самостоятельно.

Внутреннюю проводку в доме необходимо заменить. Даже если лампочки включаются, а в розетках есть напряжение, сделать это необходимо, так как провода в домах старые (50 лет

и более), и сопротивление их изоляции сильно понизилось. При включении энергоемкого оборудования может произойти разрушение изоляции, перегрев проводов и, в конечном счете, пожар. Установку мощных предохранителей можно осуществлять только после полной замены внутренней проводки.

Провода для неподвижной проводки можно использовать как медные, так и алюминиевые с сечением 2,5 мм². Такая проводка с гарантией выдержит подключение не только электробытовых приборов, но и бытового деревообрабатывающего станка. Провода должны быть с двойной изоляцией. Для подключения двойных выключателей желательно использовать тройной провод. Провода, идущие от распределительных коробок к патронам электрических лампочек и к выключателям, могут быть меньшего сечения. Во избежание поражения электрическим током выключатели должны размыкать фазовый провод, а не земляной. По той же причине фазовый провод должен соединяться с центральным контактом патронов электрических лампочек. При поиске фазы удобно использовать отвертку-индикатор. Для удобства монтажа желательно во всем доме принять постоянное положение фазового провода, например, всегда верхний, а на горизонтальных поверхностях – всегда левый.

Для смены проводки потребуются распределительные коробки, выключатели и розетки. Все они должны быть *для открытой проводки*. В зависимости от состояния старых распределительных коробок часть их может быть использована, но если вы хотите эстетического единообразия, то заменить придется все коробки.

Примерная монтажная схема внутренней электрической сети дома показана на рис. 12. Составив подобную схему для своего дома, проще без ошибок смонтировать всю внутреннюю сеть, не опасаясь короткого замыкания.

Монтаж начинается с разметки положения розеток, выключателей и распределительных коробок. Из эстетических соображений желательно, чтобы распределительные коробки находились на одном и том же расстоянии от потолка (по крайней мере, на каждой из стен), а выключатели и розетки – строго под ними. Для соединения проводки с проводами светильников ис-

пользуются потолочные розетки. Желательно, чтобы провода от них к распределительным коробкам шли перпендикулярно стенам. Чаще всего эти провода прокладывают по потолочным балкам.

После монтажа коробок, розеток и выключателей между ними протягивают отрезки провода. Провода надо отмерять с небольшим запасом на их соединение. Крепить провода проще всего пластмассовыми скобами, которые нужно купить вместе с проводом, проверив при покупке соответствие размеров скобы и провода. Скобы прибиваются к стенам гвоздями. Если вы не надеетесь на свой глазомер, то перед прокладкой проводов на стены можно нанести мелом прямые линии, по которым затем пойдут провода.

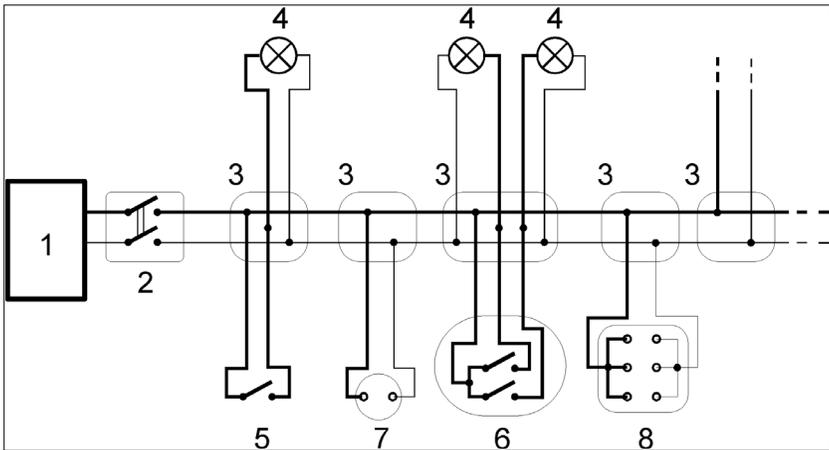

Рис. 12. Примерная монтажная схема внутренней электрической сети дома.

Фазовый провод показан толстой линией, земляной провод — тонкой линией. Жирными точками показаны места соединения проводов. Цифрами обозначены: 1 — электрический счетчик,

- 2 — автомат-предохранитель, 3 — распределительные коробки, 4 — электрические лампочки, 5 — одинарный выключатель, 6 — двойной выключатель, 7 — одинарная розетка, 8 — блок из трех розеток

После того как провода проложены, их концы обрезают на нужную длину и соединяют с выключателями и розетками. Противоположные концы проводов, входящие в распределительные коробки, также обрезают, зачищают, а затем туго скручивают в соответствии со схемой. Места скруток тщательно изолируются изоляционной лентой и загибаются внутрь коробки,

после чего коробки можно закрыть крышками. В некоторых распределительных коробках имеются винты для соединения проводов, но такие коробки выпускаются только с тремя или четырьмя винтами, поэтому при монтаже участка проводки с двойным выключателем без скруток все равно не обойтись. При соединении проводов с автоматическим предохранителем последний *обязательно должен быть выключен*.

Внутренняя сеть готова. Можно включить предохранитель и проверить работоспособность розеток, выключателей и светильников.

Совсем не обязательно монтировать сеть за один день. Это можно делать и в несколько приемов. Не забывайте только перед началом работы выключать автомат-предохранитель и *не оставляйте под напряжением неизолированные концы проводов*.

Электросеть в бане имеет свои особенности. Из-за повышенной влажности здесь устанавливаются герметичные светильники, а выключатели и розетки ставятся только в предбаннике. Провода между баней и домом можно пустить по воздуху или использовать кабель, пропущенный под землей (желательно в металлической трубе). Провода или кабель в доме можно подключить к электросети дома через специально выделенную для этого розетку. В этом случае можно легко и надежно отключать электричество в бане на зиму или при проведении ремонтных работ.

Электрическую сеть двора, в котором пол земляной и всегда влажный, также желательно подключить к сети дома через розетку, что дает стопроцентную гарантию от поражения электрическим током при ремонтных работах во дворе.

Печи

Даже исправные печи требуют регулярного ухода. Ежегодно, в крайнем случае, раз в два года нужно чистить дымоход, боров и рукава. Иногда в боров, а то и в печь залетают птицы и не могут выбраться обратно. На стенках дымохода и особенно рукавов оседает сажа. Все это нужно удалять. Для чистки снимается крышка борова, сажа счищается в нижнюю часть трубы и удаляется через специальное отверстие. Рукава снимаются,

и сажа из них при аккуратном постукивании по поверхности вытряхивается (желательно это проделывать на улице).

Рано или поздно печи приходится ремонтировать. На тему строительства и ремонта печей есть обширная специальная литература, к которой автор и отсылает читателей. Стоит лишь отметить, что ежегодно, сразу после приезда, необходимо проверять дымоход в местах его сочленения с боровом и сам боров на предмет отсутствия трещин. Для этого надо провести пробную топку печи. В случае обнаружения таких трещин их необходимо замазать глиной.

Помимо всего прочего, русская печь – это спальное место (даже «двухспальное»). Но спать на ней изнеженному городскому жителю неудобно. Жестко, в центре жарко, по краям холодно. Автор предлагает положить на кирпичный настил печи бескаркасный пружинный матрас или пружинные подушки от старого дивана, освободив их от обивки, сверху – обычный матрас, а уже на него – постель. Воздушная прослойка, образующаяся между кирпичами и матрасом, делает нагрев более равномерным. И спать мягко. Закрывая или, наоборот, открывая боковые поверхности пружинного матраса, можно менять температуру постели. Такое спальное место можно использовать и зимой, и летом.

Если печь вам коротковата, а часто так и бывает, ее можно удлинить, пристроив с торца простенькую конструкцию из брусков и досок, которая заодно может служить и лестницей. Крепить эту «пристройку» нужно, конечно, не к кирпичам, а к бревенчатому срубу под печкой.

Водопровод и слив

В населенных пунктах, где есть общественный водопровод и водоразборные колонки, вода проведена во многие дома, но слив оборудован не всегда. В этом случае слив стоит сделать – выносить каждый день помой вам быстро надоест. В избе у внешней стены надо установить раковину, на выпуск которой надеть толстый гофрированный шланг. Под раковиной шланг нужно изогнуть в виде буквы «S», устроив сифон, и пропустить в отверстие, сделанное в полу. Далее возможно несколько вари-

антов. Шланг можно вывести на улицу через вентиляционное отверстие подпола, через специально оставленное отверстие в цоколе или непосредственно под фундаментом. Так как почва в этой местности в основном песчаная, шланг можно, протянув на несколько метров от дома, просто положить на землю. Стекающая вода будет впитываться. Конец шланга можно положить в специально вырытую яму. И в том и в другом случае, уезжая из дома, вам нужно втянуть шланг в подпол. Если шланг пропущен под фундаментом, то его лучше закопать в неглубокую траншею и вывести в яму. В этом случае убирать шланг на зиму нецелесообразно.

Если в вашем распоряжении есть подходящие металлические трубы, то слив можно сделать из них. Так как поверхность металлических труб гладкая, то вода в них не застаивается, и сифон в этом случае делать необязательно.

В том случае, когда в деревне водопровод есть, но в дом вода не подведена или водопровод неисправен, можно подключиться к существующему водопроводу. Сделать всесезонный водопровод не так просто. Дело в том, что глубина промерзания грунта в Костромской области чуть больше двух метров, и трубы проложены как раз на такой глубине. Рыть столь глубокую траншею от магистрали до дома, а затем и в подполе вряд ли целесообразно (если только вы не собираетесь жить в доме круглый год). Кроме того, в подполе нужно оставить незасыпанным двухметровый утепляемый колодец для доступа к трехходовому крану, через который, уезжая на зиму, вы будете сливать воду из труб, проложенных в доме. Если этого не сделать, то стальные трубы будут разорваны замерзшей водой.

Можно сделать летний водопровод, используя металлопластиковые трубы. Морозы им не страшны, поэтому глубокая траншея не нужна, но рыть двухметровую яму для подключения к магистрали все равно придется. Кроме того, уезжая на зиму, необходимо не забывать закрывать кран на патрубке магистрали, и наоборот, открывать кран над раковиной, чтобы в нем не оставалось воды. Если вода в кране замерзнет, то его придется менять. Примерно то же самое можно сделать и при ремонте существующего, но неисправного водопровода. В этом случае рыть яму над магистралью не нужно, так как разрыв

трубы произошел, скорее всего, выше уровня промерзания. Достаточно вырыть яму в подполе и заменить на металлопластик только вертикальную трубу.

Если водопровода нет ни в доме, ни в деревне, то водопровод можно сделать местный, в пределах вашего дома. Для этого на чердаке, на потолке избы, горницы или сеней можно установить металлический или пластмассовый бак и соединить его шлангом или трубой с краном над раковиной. Периодически придется заполнять бак из ближайшего колодца с помощью погружного насоса. Не забывайте сливать воду из металлического бака на зиму!

Туалет

Как уже отмечалось в первом разделе, отдельно стоящие туалеты для Угорской волости нехарактерны. Эту традицию можно не нарушать. Туалет удобно устроить в одном из бывших хлевов. Для этой цели, настилая пол (если вы это делаете), нужно оставить полосу открытой земли шириной 30–40 см, ограниченную с двух сторон рядами кирпичей, и изготовить сидение, которое можно было бы передвигать по этим кирпичам. Ставить сидение непосредственно на землю нежелательно, так как в этом случае прослужит оно недолго. В земле штыковой лопатой выкапывается ямка глубиной 1,5–2 штыка, сверху ставится сидение – и туалет готов. После заполнения ямки она засыпается землей и рядом выкапывается следующая, используемая точно так же. После того как вся полоса земли будет использована, можно вернуться в ее начало – никаких следов жизнедеятельности (даже туалетной бумаги) за это время не остается. Если в доме живет много людей, можно использовать поочередно две полоски земли по разные стороны хлева. В жаркое время для устранения возможного запаха после каждого использования ямку стоит засыпать небольшим количеством земли.

Если вы собираетесь приезжать зимой, то ямки можно выкопать впрок.

Такая конструкция туалета избавит вас от многих забот: от мух, от необходимости периодически вычищать выгребную яму, от неприятных запахов.

Баня

Если уж есть баня, то обидно использовать ее только для мытья. Хочется и попариться. Но париться и мыться в одном и том же помещении не очень удобно. Кроме того, как уже отмечалось, бани в Угорской волости очень низкие. Если с необходимостью нагибаться, проходя в двери, можно смириться, то с необходимостью мыться в полусогнутом состоянии смириться невозможно.

Автору пришлось строить баню на новом месте. Это позволило избавиться от обеих проблем. К готовому срубам были добавлены два венца (сверху и снизу) для увеличения высоты, и баня была сделана трехкомнатной.

На рис. 13 показан схематический план исходной и переделанной бани. Баня поставлена на фундамент, проходящий под всеми стенами. Печь также поставлена на фундамент.

Как уже упоминалось, грунт в этой местности в основном песчаный, поэтому никаких специальных устройств для отвода воды из бани делать не нужно.

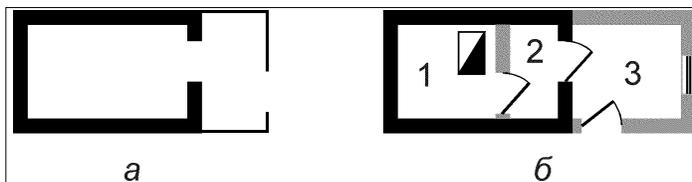

Рис. 13. Схематический план бани:

а - план исходного строения, *б* - план перестроенной бани. Цифрами обозначены: 1 - парная, 2 - моечное помещение, 3 - раздевалка

Печь в бане чаще всего кирпичная, но в последнее время часто стали устанавливать металлические печи. У тех и у других печей есть свои достоинства, но есть и свои недостатки. Металлическая печь топится быстро, быстро нагревает баню, но и остывает тоже быстро. Кирпичная печь топится долго, но и остывает долго. В бане с кирпичной печью можно с комфортом мыться даже на следующий день после топки. Существующие конструкции металлических печей, которые позволяют подтапливать печь из соседней комнаты, предназначены для каменных построек. Установить такую печь в деревянной бане без опасности пожара очень сложно.

Дрова

Костромская область богата лесом, поэтому в качестве топлива здесь не используют ни торф, ни каменный уголь. Топят только дровами. Местные жители хранят дрова на улице в поленицах или в специальных дровяных сараях. Городским жителям, купившим дом в Угорской волости, удобнее хранить дрова во дворе и хлевах. Здесь они недоступны злоумышленникам в ваше отсутствие, а сохнут лучше, чем на улице.

Березовые дрова удобны для топки печей зимой. Горят они долго и жарко, но стоят дорого. Если вы не собираетесь жить в доме зимой постоянно, то покупать березовые дрова нет необходимости. Оптимальный вариант – купить второй дом, который уже невозможно «реанимировать», и постепенно использовать его на дрова. Единственный недостаток этого варианта состоит в том, что пилить бревна такого дома цепной пилой нужно очень осторожно: в самых неожиданных местах могут оказаться гвозди. Гвозди не страшны циркулярным пилам с твердосплавными пластинами – хорошие циркулярные пилы их свободно перепиливают.

Для приготовления пищи совсем не обязательно топить печь. Очень хорошо зарекомендовали себя электрические плиты. Ими пользуется и местное население. Однако следует заметить, что если вы хотите посушить грибы или ягоды, то лучше, чем в русской печи, это сделать трудно.

Инструменты

Дать точный и исчерпывающий список всех инструментов, требуемых для выполнения работ, описанных выше, невозможно, поскольку многое можно сделать разными инструментами. Поэтому здесь приводится перечень тех инструментов, которые необходимы с точки зрения автора, с краткой их характеристикой.

Топоры. Топоры есть в каждом сельском доме. И даже несколько. Желательно иметь как минимум три топора: плотницкий, столярный и хозяйственный. Плотницкий топор имеет закругленное лезвие, а столярный – прямое с острыми концами.

Угол заточки у столярного топора меньше, чем у плотницкого. Хозяйственный топор применяется для рубки мяса, подрубания корней деревьев и т.п. работ. Он быстро тупится, но это и не так важно. Хозяйственным можно «назначить» любой затупившийся или выщербленный топор.

Колун. Колун имеет толстое тупое лезвие. Предназначен только для колки дров. И незаменим в этом качестве.

Скобель. Незаменимый инструмент для ошкуривания бревен, горбылей и т.п. Сейчас не выпускается, но в деревнях их много.

Пилы. Необходимы три типа пил по дереву: двуручная поперечная пила, продольная ножовка и поперечная ножовка. Кроме того, нужна еще как минимум одна ножовка по металлу.

Весьма полезны и удобны **электропилы** (циркулярные и цепные) и **бензопила**. Однако эти пилы не заменяют ручные.

Рубанки. Нужен простой рубанок, двойной рубанок (с горбатином), полуфуганок и фуганок. Кроме того, полезно иметь шерхебель, зензубель, шпунтубель и фальцгобель. Минимальный набор – двойной рубанок и зензубель.

Желательно приобрести бытовой **деревообрабатывающий станок**, с помощью которого можно пилить, строгать и сверлить. Кроме этого, некоторые модели таких станков позволяют использовать их как точила для заточки инструмента. Используя абразивные диски «по камню», на этих станках можно обрабатывать кирпичи. При наличии деревообрабатывающего станка набор рубанков можно свести к минимуму и обойтись без **электрического рубанка**.

Стамески и долота. Необходимо иметь несколько таких инструментов разной ширины. При ремонте дома и в других хозяйственных работах чаще используется долото, чем стамеска.

Дрель. Желательно иметь как ручную, так и электрическую дрель. Кроме того, нужен еще и набор сверл, как по металлу, так и по дереву. Для сверления отверстий большого диаметра можно использовать и **коловорот**, но при наличии электродрели он практически не нужен. Разнообразные **буравы** сейчас почти не применяются.

Молотки. Молотки бывают самые разные, но необходимо иметь хотя бы два молотка: большой плотницкий (с круглым бойком) и маленький слесарный (с квадратным бойком). В некоторых случаях очень полезна **кувалда**. При использовании вместо кувалды топора или колуна у них может треснуть обух.

Лом. Лом должен быть заводского изготовления, так как, в отличие от подобных инструментов, сделанных местными кузнецами, заводской лом не гнется и не ломается.

Домкраты. Их использование описано в разделе «Фундамент».

Гвоздодер. Один большой гвоздодер совершенно необходим, но лучше иметь два: большой и маленький.

Пассатижи. Универсальный инструмент. **Клещи** и **плоскогубцы** не обязательны. Зато очень полезны **круглогубцы**.

Напильники. Необходимо иметь хотя бы два трехгранных напильника: с крупной и с мелкой насечкой. Полезно иметь еще и **рашпиль**.

Тиски. Инструмент первой необходимости.

Кельма (мастерок). В хозяйстве достаточно иметь одну кельму треугольной формы.

Уровни и отвесы. Необходим водяной уровень (две трубки с длинным шлангом). Полезен и обычный строительный уровень (лучше с двумя ампулами). Если нет отвеса, то вместо него можно использовать гайку или что-то подобное.

Отвертки. Можно использовать отвертку с набором жал различной формы, но кроме этого желательно иметь большую отвертку с плоским жалом. При ремонте электропроводки и электроприборов необходима **отвертка-индикатор**.

Гаечные ключи. Необходим обычный разводной ключ, но в некоторых случаях им не удастся воспользоваться или его оказывается недостаточно. Поэтому желательно иметь и набор рожковых ключей.

Рулетки, линейки. Оптимальный вариант: рулетка 20 м, рулетка 5 м, металлическая линейка 1 м и металлическая линейка 30 см.

Угольники. Можно использовать чертежные угольники, но кроме них желательно иметь и столярный угольник.

Стеклорез. Необходимость этого инструмента очевидна.

Абразивные инструменты. Для заточки топоров, железок рубанков, стамесок и другого инструмента нужны абразивные бруски с крупным и с мелким размером зерен. Для обработки древесины потребуется наждачная бумага. Если у вас есть точило или деревообрабатывающий станок, то потребуются различные точильные (шлифовальные) круги и диски.

Лопаты. Необходимо иметь хотя бы одну штыковую лопату и одну совковую.

Метчики и плашки. Эти инструменты не относятся к категории необходимых, но становятся таковыми, если нужно, например, поправить забитую резьбу.

Приведенный список может повергнуть в уныние кого угодно. Но все не так страшно. Совсем не обязательно покупать все инструменты сразу. Можно купить только то, что потребуется вам ближайшим летом.

Желаю вам приятного отдыха в собственном доме. В заключение – деревенские рецепты моей жены.

Рецепты из печи

В этих заметках речь пойдет, прежде всего, о том, что и как можно приготовить в русской печи. Русская печь – универсальный инструмент, с помощью которого в деревне делалось и до сих пор делается очень многое, от рождения детей и избавления от всевозможных хворей до приготовления пищи и обогрева избы. Поэтому сначала я расскажу, как истопить русскую печь. Прежде всего, откройте трубу. Это делается в разных конструкциях печи по-разному. Чаще всего с помощью задвижки, расположенной в верхней части печи.

В печах более старых конструкций дымоход перекрывается «вьюшкой», прикрываемой специальной заслонкой. Теперь откройте заслон – металлический экран с ручкой, закрывающий вход в печь. Если в вашем доме нет заслона, то его необходимо приобрести или сделать, иначе приготовление пищи, сушка

грибов и ягод, а также выпечка пирогов будут невозможны. Теперь положите в печь дрова. Их лучше всего укладывать в виде колодца, перекладывая каждый слой дранкой, так дрова быстрее загорятся. В один слой обычно кладут 2–3 полена, а слоев таких делают 3–4. Затем дрова поджигают, и внутри печи начинает гореть костер.

Печь топится часа два, до тех пор, пока дрова не прогорят до красных углей, над которыми уже нет язычков пламени. С помощью кочерги откиньте эти красные угли вглубь печи, освободив свободное пространство под сводом (под), закройте трубу, и печь готова к работе.

Сушка грибов и ягод в русской печи

Русская печь – это прекрасное устройство для сушки не только даров леса, но и для заготовки впрок плодов огорода и сада. Сушить можно не только внутри русской печи, но и на ней самой. Такие овощи, как лук, чеснок, плоды и зелень укропа, петрушки прекрасно сохнут на русской печи.

Для сушки в русской печи лучше всего подходят белые грибы, но можно сушить также и подосиновики, и болотники. Грибы перед сушкой не моют, а обтирают влажной тканью, режут и раскладывают на противни, смазанные подсолнечным маслом, в один слой, чтобы грибы не прилипли к металлу. Некоторые хозяйки кладут на противни солому, на которую укладывают грибы. Затем противни ставят в истопленную печь, закрывают зев печи заслоном и оставляют там до следующего утра. Высушенные в печи грибы должны быть твердыми, а хранить их лучше всего в хлопчатобумажных мешочках.

Таким же способом можно сушить и ягоды черники, шиповника, черемухи, а также яблоки и другие фрукты.

Необыкновенно хороши получаются в русской печи всевозможные каши: гречневая, перловая, рисовая, пшенная. Ровный жар печи приводит к тому, что каша приобретает не только необходимую консистенцию, но и вкус. Совершенно неповторимый аромат и вкус каш и крупеников можно усилить, добавляя в них при приготовлении грибы, овощи и фрукты. Вот несколько рецептов таких блюд.

Тыквенник

800 мл молока, 1/2 стакана пшена или риса (или их смеси), 800 г тыквы, 100 г сливочного масла, 2 ст. ложки сахарного песка, 1 ч. ложка соли, 4 яйца.

Молоко вскипятить, всыпать промытую крупу, перемешать и поставить в разогретую русскую печь. Когда крупа разварится, выложить кашу в глубокую миску или чугунок, смазанный сливочным маслом и посыпанный молотыми сухарями, добавить очищенную и натертую на крупной терке тыкву, масло, сахар, соль и сырые яйца.

Тщательно перемешать и снова поставить в печь на 30–40 минут. Готовый тыквенник подать со сметаной.

Крупеник

1 стакан перловой крупы, 100 г сливочного масла, 1 морковь, по 1 корню петрушки и сельдерея, 50 г белых сухих грибов, соль по вкусу.

Сухие грибы замочить на 5–6 часов, после чего мелко порезать. Перловку промыть, отварить в подсоленной воде до мягкости, откинуть на дуршлаг, добавить 50 г масла, очищенные и натертые на мелкой терке морковь и коренья, а также грибы. Все тщательно перемешать, сложить в чугунок, полить оставшимся растопленным маслом и запечь в русской печи.

Очень вкусны приготовленные в русской печи щи из кислой капусты. Вынимая чугунок с такими щами из печи, вы наполните их неповторимым ароматом всю избу. Предлагаю вам рецепт постных щей с грибами.

Щи из квашеной капусты с грибами

Сушеные грибы 5–6 штук, квашеная капуста 250 г, морковь и петрушка по 1 шт., 2 луковицы, перловая крупа 20 г, вода 850 г, соль и специи по вкусу.

Грибы предварительно замочить в воде на 5–6 часов, а затем эту воду процедить и использовать в качестве бульона.

Квашеную капусту порубить и потушить. Перловую крупу промыть. Коренья, лук и грибы нарезать мелкими кубиками и запассеровать, добавив в конце томатную пасту. Засыпать в кипящий бульон квашеную капусту, крупу и пассерованные овощи с грибами и поставить чугунок в русскую печь на 40 минут. В конце варки добавить соль и специи. Подавать со сметаной и зеленью.

Очень оригинально будут смотреться на праздничном столе в деревенском доме жульены из курицы, приготовленные в русской печке. А ведь приготовить эту горячую закуску очень нетрудно.

Жульен из курицы

100 г сухих белых грибов, 500 г отварных куриных грудок, 30 г муки, 1 стакан сметаны, 40 г тертого сыра, 2 луковицы, соль по вкусу.

Куриное мясо нарезать соломкой и разложить в кокотницы, так, чтобы оно заняло 1/3 объема. Предварительно замоченные на 5–6 часов грибы мелко нарезать и обжарить с луком на сливочном масле. Эту обжарку также разложить по кокотницам на куриное мясо. Все это залить сметанным соусом, посыпать тертым сыром и запечь в русской печи 10–15 минут до румяной корочки. Подавать в горячем виде в качестве горячей закуски.

Для приготовления соуса муку слегка подрумянить на сковороде, затем добавить сливочное масло и, непрерывно перемешивая, обжарить. Затем влить сметану и довести массу до кипения.

Пирог из черники

Для теста возьмите три стакана муки и разотрите в ней 200 г сливочного масла до получения однородной массы. Взбейте три яйца с одним стаканом сахара. В другом стакане смешайте две столовые ложки сметаны с четвертью чайной ложки соды

и четвертью чайной ложки лимонной кислоты, прибавив половину чайной ложки соли.

Все тщательно перемешайте с мукой и поставьте тесто на 2 часа в холодильник. Истопите русскую печь. Для того чтобы пироги в печи испеклись, нужно, чтобы заслон был горячим.

Раскатайте тесто в круглый пласт толщиной 1,5 см и выложите его на смазанную маслом сковороду с высокими краями так, чтобы края теста поднялись вверх на 2 см. Выложите на тесто два стакана свежей черники, присыпав ее сверху сахарным песком и мукой. Заверните края пирога, смажьте их яйцом и ставьте пирог в истопленную печь примерно на 10–15 минут. Для проверки готовности пирога проткните его спичкой. Если тесто не прилипает, значит, пирог готов.

Такой пирог можно приготовить не только с черникой, но и с малиной, яблоками, лесной земляникой.

Заключение. Зимний путь

Ближний Север России таит в себе огромные богатства природы, истории, культуры. Это своего рода Ойкумена, «обитаемая земля», освоенная лишь отчасти, не в полной мере. Ближний Север – это пространство, наполненное удивительным разнообразием природных и социальных форм. XXI в. дает примеры небывалой пластичности социального пространства. Оно существенно видоизменяется под воздействием внешних факторов и одновременно сохраняет внутреннюю консистентность. Происходит истончение социальной ткани, даже нарастание вакуума в одних локусах и «утяжеление», рост социальной сплоченности и концентрация сообществ – в других. Линейные процессы модернизации, движение от простого к сложному, от технологически отсталого к продвинутому сочетаются с усилением нелинейности, возвратности, движением вспять, а также симбиозом этих разнонаправленных векторов.

Таков и Ближний Север во всех своих проявлениях, он включен в той или иной степени во все без исключения процессы мирового развития. Порой эти процессы идут здесь скрыто и находятся в свернутом состоянии внутри традиционных институтов общества, в других случаях они выходят на поверхность и оказываются в центре внимания даже внешних наблюдателей. Это Ближний Север. Он отнюдь не далекая периферия современного мира, а органическая часть общемирового уклада. Здесь все «как и у других», но, быть может, в своем варианте, в своей инаковости и в своем контексте. Здесь большие амплитуды спадов и подъемов экономики страны и мира отзываются порой весьма болезненными последствиями, а иногда и гасятся инертностью местных процессов. Но связь большого и малого, микро- и макромасштабов несомненна.

Ближний Север в наши дни раскрывает свою новую ипостась. Перенасыщенные контрастами и во многом неразрешаемыми социальными противоречиями наши большие города и мегаполисы теряют свою былую привлекательность для наиболее динамичной, хорошо образованной и информационно продвинутой части жителей. Это неизбежно порождает мысль об «исходе», т.е. движении в более благоприятные и качественные условия жизни. Таков тренд, обусловленный социобиологическими особенностями популяции *homo sapiens* – поиски лучшей среды обитания и сохранение рода. И довольно неожиданно Ближний Север при всей своей кажущейся архаичности становится вполне возможным направлением новой миграции городских жителей, притом самых передовых, хотя пока еще чаще сезонной. Здесь, на Ближнем Севере, привольно, свободно, нет обременения ненужными контактами в межличностном общении и одновременно в этом регионе уже есть инфокоммуникационная и иная инфраструктура. Это перспектива новой по своим заданным параметрам жизни, новой экономики, нового всего. И при этом Ближний Север дарит свою природу, богатейшие исторические и культурные традиции. Безусловно – это часть Ойкумены XXI века.

Такова отдаленная стратегическая перспектива, обусловленная множеством сочетающихся и не сочетающихся друг с другом факторов. Но и в ближайшем будущем, на расстоянии вытянутой руки, мы видим много неясного, а порой и тревожного. Будущее не приходит само собой, оно подвластно осознанной деятельности людей. И потому от нашего общего понимания того, что может дать Ближний Север, каким он может и должен стать, зависит реализация этих перспектив.

Путь в будущее Ближнего Севера – это зимний путь тревог и ожиданий, продвижения вперед и возвращения к старому, притока и оттока людских ресурсов. Но при любом развитии событий и трендов будущее у Ближнего Севера есть, и ему нет альтернативы.

Научно-популярное издание

ОЙКУМЕНА БЛИЖНЕГО СЕВЕРА РОССИИ

Коллективная монография

Авторский коллектив

Введение – Т.Г. Нефедова и Н.Е. Покровский; **Глава 1** – А.И. Трейвиш; **Глава 2** – Н.Е. Покровский; **Глава 3**, раздел «Таежные ландшафты» – А.В. Дроздов, раздел «Животный мир Костромской земли: Птицы зимнего леса» – Е.С. Преображенская, остальные разделы «Животный мир...» и «Наиболее заметные виды...» – Л.М. Баскин и В.А. Зайцев, раздел «Заповедник...» – Л.М. Баскин; **Глава 4**, разделы «Города Ближнего Севера», «Города Костромской области», «Макарьев» и «Шарья» – Т.Г. Нефедова, раздел «Мантурово» – Н.Е. Покровский, разделы «Галич», «Солигалич», «Нерехта», «Буй», «Поселок Красное...» – К.В. Аверкиева; **Глава 5**, разделы «Сельская местность...», «Лесная периферия», «История сельского поселения», «Расцвет и упадок льняной славы...» – Т.Г. Нефедова, разделы «На краю Ойкумены...», «Новый бизнес...» – К.В. Аверкиева; **Глава 6** – А.В. Дроздов; **Глава 7**, разделы «Деревенская "деревянная" культура...», «Деревня и ее обитатели», «Кто приезжает в деревню...», «В деревню за вдохновением» – Т.Г. Нефедова, раздел «Валерий Константинович Смирнов» – Н.Е. Покровский; **Глава 8** – С.Т. Жуков; **Заключение** – Н.Е. Покровский.

На переплете: Река Унжа в районе д. Дмитриево Мантуровского района Костромской области. Фото Н. Покровского

Редактор *Д.А. Басинова*
Корректор *А.А. Нотик*
Верстальщик *А.М. Моисеев*
Оформление *Е.А. Ильин*

Подписано в печать 09.12.2015. Формат 60х90/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. 20 уч.-изд. л.
Тираж 1000 экз.

По вопросам приобретения и издания литературы обращайтесь:

111024, Москва, ул. Авиамоторная, д. 55, корп. 31
Тел.: (495) 981-51-12, 955-78-30
Электронная почта: universitas@mail.ru
Дополнительная информация на сайте: www.logosbook.ru